

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ
НЕУЛОВИМЫЕ

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

НЕУЛОВИМЫЕ

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДРЕЗЕРВИЗДАТ
МОСКВА 1957

Автор *Александр Ашотович Насибов*

Художник *Ю. Г. Микиров*

Редактор *А. В. Гурин*. Техн. редактор *Н. Л. Матусевич*

А1700529. Сдано в набор 19/IX-56 г. Подп. к печ. 21/I-57 г.
Формат бум. $70 \times 92^1_{\text{з}}$ —8,78 п. л. В 1 п. л. 38 900 зн.
Уч.-изд л 8,54. Уч. № 232/3200. Тираж 15 000 экз. Цена 3 р. 60 к.

Тип. Трудрезервиздата, Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 1298.

Глава первая

В полночь дежурный вызвал к телефону командира дивизионных разведчиков гвардии старшего лейтенанта Аскера Керимова.

В землянку телефонистов вошел человек лет двадцати пяти. Он был худощав, высок ростом, порывист в движениях. Запоминались прямой, красиво очерченный рот, тонкий, с небольшой горбинкой нос, внимательные серые глаза под светлыми бровями.

— Кто звонит? — спокойно спросил Керимов вскочивших при его появлении телефонистов.

— Пятый, товарищ гвардии старший лейтенант, — ответил телефонист, с уважением кивнув на трубку.

Керимов движением руки разрешил связистам сесть и продолжать работу, опустился на табурет, взял трубку.

— Слушаю, — сказал он, — сорок первый слушает.

— Ну, здравствуй, сорок первый, — зарокотал в телефоне баритон начальника штаба дивизии, — как ты, выпался, брат?

Задав этот вопрос, начальник штаба усмехнулся. Он прекрасно знал, что только минувшим вечером вернулись разведчики из очередного поиска, в котором пробыли двое суток, не сомкнув глаз. Они привели пленного, сдали в штаб, и Керимов был отпущен лишь часа три-четыре назад. Конечно, он не отдохнул, и ему больше всего на свете хочется в постель.

Услышав голос начальника штаба, Керимов насторожился. Он почувствовал, что случилось нечто серьезное: без крайней нужды командование не стало бы прерывать его отдых.

— Выпался, товарищ пятый, — ответил он, откинув со лба прядь золотистых, почти рыжих волос и, сосредоточившись, плотнее прижал к уху трубку.

— Хорошо, раз выпался, — проговорил начальник штаба. — Собирайся тогда и мчись сюда. Есть дело.

Керимов потрогал рукой подбородок, на котором отросла порядочная щетина, недовольно поморщился.

— Может, успею побриться да почиститься? — нерешительно спросил он.

— Побриться? — начальник штаба помолчал. — Ладно, полчаса тебе на бритье. А потом — птицей лети. Вызывает третий.

«Третий» — был телефонный шифр командира дивизии.

Минут через тридцать серый в белых разводах вездеход, переваливаясь с боку на бок, двинулся к штабу. Рядом с водителем выбритый и подтянутый сидел командир разведчиков, покуривая спрятанную в рукав плаща папиросу.

Водитель вертел баранку, ловко объезжая встречавшиеся на пути воронки, и что-то тоскливо напевал. На своего пассажира он старался не глядеть. Уже дважды между ним и Керимовым происходил неприятный разговор. Мечтой шофера было стать разведчиком, действовать вместе с Керимовым в тылу у немцев. Сколько рассказов ходило по дивизии об отчаянно трудной и увлекательной работе разведчиков! Но Керимов не брал его. И на то имелись свои причины.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, — не выдержал, наконец, шофер, — когда же?..

Керимов не ответил.

— Товарищ гвардии старший лейтенант!..

Командир разведчиков покачал головой.

— Не возьму, — сказал он. — Две недели с гриппом ходите, легкомысленный человек!.. Кашлять и у немцев под боком будете?

Но я... — Шофер торопливо полез в карман, вынул коробочку. — Лечусь я, товарищ гвардии старший лейтенант. Вот порошки!..

— Лечусь, — усмехнулся Керимов. — А с оружием как?.. А ну, вылезай!

Шофер озадаченно посмотрел на него.

— Вылезай говорю, — повторил Керимов, — будешь за пассажира.

Шофер остановил машину, выпрыгнул на дорогу, обошел вездеход. Керимов передвинулся влево и занял место у руля. Шофер сел рядом. Офицер вытащил из кармана маленький трофейный маузер, вынул обойму, проверил патронник и передал оружие водителю.

Машина тронулась. Солдат стал разбирать пистолет. Аскер молча наблюдал за ним.

— Эх вы, — вздохнул он, когда шофер замешкался со съемом ствола. — А прошлый раз автомат не могли наладить. Ко всему еще — и машина барахлит!

— Что вы!.. Я же ее как ребенка!..

— Свеча во втором цилиндре, — сказал Керимов, притормозив и передавая водителю руль. Тот хотел возразить, но прислушался к мотору и прикусил язык: свеча и впрямь барахлила.

— Итак, — продолжал Керимов, — подведем итог. Человек не заботится о себе, не знает оружия врага, не бережет свою технику. Может из него получиться разведчик? Не может!

Водитель молчал. Молчал и Керимов. Он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, задумался, перенесаясь мысленно к далекому прошлому...

Странно иной раз складывается судьба человека!.. Взять, к примеру, его. Решающую роль в том, что он стал разведчиком, сыграли

увлечения юных лет: иностранные языки, точнее — немецкий, и футбол. Любовь к языку привила соседка, вдова известного инженера-химика, проработавшего четверть века в советских технических представительствах в Германии, а на склоне лет поселившегося в родном городе Баку и вскоре там умершего.

Соседка была очень дружна с матерью Аскера. Обе потеряли мужей, а затем по ребенку: Окюма-ханум — старшего сына, а Марта Львовна — дочь.

Став одинокой, соседка всю свою любовь перенесла на Аскера. Мальчик тоже полюбил старую женщину — всегда чуть печальную, ласковую, добрую. Долгими зимними вечерами, когда за окнами выл и метался норд, особенно уютно было у Марты Львовны, в кабинете покойного мужа. Там все до мелочей сохранялось, как и при жизни инженера. На высоких во всю стену полках стояли длинные ряды книг, зеленый колпак лампы струил неяркий свет; в печке потрескивали дрова. В углу стучали большие часы. Аскер забирался с ногами в глубокое кресло, прижимался щекой к его грубоватой коже и слушал.

Марта Львовна, надев пенсне, сидела за столиком.

Старушка рассказывала ему о Германии, которую знала превосходно. Неторопливо и ровно лилась ее речь. И перед глазами Аскера вставали то улицы шумного Берлина, то старинные, причудливой архитектуры замки Баварии, то гигантские заводы и шахты Рура...

Марта Львовна задумывалась, умолкала, и тогда Аскер боялся шелохнуться, ожидая про-

должения рассказа. Иногда старая женщина прерывала повествование. Приставив к стеллажам лестницу, она взбиралась наверх, отодвигала стекло и вынимала книгу. Обычно это был том старинного издания в выпуклом многоцветном переплете, тяжелый и чуть запыленный. И запах у этого тома был особенный, не похожий на запахи других книг...

Аскер осторожно листал страницы, с острым любопытством рассматривая непонятные и казавшиеся загадочными буквы, странные картинки — на них были изображены волшебники, феи, драконы...

Однажды в его руках оказался том сказок братьев Гримм, огромный, тяжелый, в толстом переплете с металлическими уголками и застежками. Марта Львовна разрешила ему взять книгу к себе. Почти всю ночь рассматривал ее Аскер, а на утро с сожалением вернулся — читать-то он не мог по-немецки!

— Так научись, — сказала вдова. — Хочешь, буду учить?

Аскер с радостью согласился.

Все это произошло, когда ему было одиннадцать лет. Началась учеба. Аскер оказался не без способностей, и дело быстро пошло вперед. Вдова упрекала себя за то, что не догадалась заниматься с ним раньше.

Года через полтора Аскер уже читал вслух братьев Гримм, а потом и более трудные тексты. Теперь соседка разговаривала с ним только по-немецки; это оказалось самой лучшей школой освоения языка.

Шли годы. Ему было семнадцать лет, когда скончалась Марта Львовна. Перед смертью

старушка распорядилась, чтобы кабинет и библиотека были переданы молодому соседу. Аскер стал владельцем почти двух тысяч книг на русском и немецком языках. К тому времени он владел языком немногим хуже своей наставницы, продолжал изучать культуру и литературу немцев.

Также страстно увлекался Аскер спортом, футболом. Правый полузащитник и капитан ведущей молодежной команды города, он был широко популярен. Бакинские мальчишки, прозвавшие его за золотистый цвет волос «сары Аскером»¹, ходили за футболистом по пятам.

В 1938 году он окончил среднюю школу. Дальнейший путь был определен давно — Аскер поступит в индустриальный институт, чтобы стать химиком, будет продолжать совершенствоваться в немецком языке, начнет изучать и английский.

Однако все сложилось по-другому. В конце лета, перед самыми экзаменами в вуз, вернувшись домой со стадиона, он обнаружил на своем письменном столе повестку. Его вызывали в военкомат.

Утром он явился по вызову. В кабинете военкома сидел молодой подполковник — Аскеру запомнились волнистые черные волосы, контрастирующие с ними большие голубые глаза, высокий чистый лоб.

— Садитесь. — сказал подполковник низким звучным голосом, — садитесь и давайте поговорим... Вы что намерены делать?

---

¹ Сары — рыжий. (Аз рб.).

Аскер не понял вопроса, недоуменно посмотрел на собеседника.

— Ну вот, окончили вы школу, аттестат получили,— продолжал подполковник.— А что дальше? Куда вас, так сказать, влечет неведомая сила?.. Расскажите о своих замыслах, планах...

Пока Керимов говорил, подполковник сидел, уставясь в стол и чертя по бумаге обгорелым концом спички.

Аскер умолк. Тогда собеседник, без видимой связи с тем, о чем только что говорилось, вдруг спросил: правильно ли поступает футболист, нападая на вратаря и стремясь затолкать его с мячом в ворота?

Аскер вспомнил, что именно такой грех случился с ним вчера во время матча. В азарте игры он применил непозволительный прием, вдобавок — **нагрубил судье.**

— Вы... были на стадионе? — спросил он, покраснев.

— Был. — Подполковник усмехнулся и хитро посмотрел на Аскера. — Я, знаете, очень люблю футбол.

Долго продолжалась беседа. Говорили о школе и спорте, о вузах, литературе и библиотеке Керимова, разобрали новый кинофильм и премьеру в опере, затронули многие другие темы.

Подполковник внимательно слушал молодого человека и лишь изредка короткими замечаниями направлял беседу.

Аскер, не лишенный наблюдательности, чувствовал это. Вскоре он с удивлением обнаружил, что офицер многое о нем знает, как

если бы специально изучал его. Он насторожился, помрачнел, умолк.

— Продолжайте, — сказал собеседник.

— Но, товарищ военком...

— Я не военком. — Подполковник улыбнулся. — Я представитель Народного комиссариата внутренних дел. И специально пригласил вас, чтобы, так сказать, познакомиться с вами лично.

Аскер беспокойно шевельнулся, кашлянул. Помолчали.

— Товарищ Керимов, — сказал подполковник после паузы, — как вы смотрите на то, чтобы поступить в одно из наших специальных училищ? Есть у вас такое желание, хотели бы стать чекистом?

— Мне... и вдруг — чекистом? — проговорил ошеломленный Аскер.

— А вы думаете, что чекисты — это люди какой-то особой породы? Родятся, думаете, готовые чекисты?

— Да, но я никогда... Языки я люблю, химию, спорт...

— Уверен, что и у нас вы сумеете применить свои наклонности. — Офицер подошел к Керимову, взял за плечо. — Ведь ваш отец дрался за советскую власть в Азербайджане, не так ли?

Аскер кивнул.

— Так кому же охранять сейчас эту власть, как не его сыну?.. Что ж... Идите-ка домой, да подумайте. А завтра в это же время я жду вас здесь.

Весну 1941 года Аскер Керимов встретил лейтенантом. На всю жизнь запомнил он яркое, солнечное утро 22 июня. Было воскресенье. Он работал накануне до поздней ночи, вдобавок плохо спал и встал позже обычного. Когда Аскер брился, в комнату вбежала Окюма-ханум. Она молча включила радио, застыла у стены.

Говорил Молотов.

Аскер слушал в каком-то оцепенении. Он пытался привести в порядок мысли и не мог. Нет, никак не укладывалось в голове, что сейчас, в эти секунды, где-то на западе переходят границу его страны полчища врагов, фашистские самолеты сбрасывают бомбы на советские города, пылают дома, лежат растерзанные люди, корчатся раненые...

Через час он был на работе. Там уже собрались почти все сотрудники. Аскер протиснулся к секретарю партийного комитета и передал заявление с просьбой отправить в действующую армию.

Вернулся он домой поздно ночью. На кровати лежал приготовленный с утра чемоданчик с бутсами и спортивной одеждой: сегодня должен был состояться очередной матч на первенство города.

Вошла мать. Она выглядела совсем больной. В руках у нее было письмо. Старшая дочь Лятифа, жившая в Киеве, сообщала, что она, муж и ребенок здоровы, собираются в отпуск в Баку.

— Вот видишь, — сказал Аскер, глядя волосы старой Окюмы-ханум, — все они живы, здоровы...

— Письмо отправлено четыре дня тому назад! — воскликнула старушка и разрыдалась.

Утром Аскер написал новый рапорт и передал начальству. Через неделю подал другой, затем — еще один. Его вызвали, предложили оставить мысли о фронте, лучше работать, заниматься своим делом — сейчас у чекистов достаточно работы и в тылу.

Тогда Аскер написал в центр. На этот раз он действовал хитрее — подробно объяснял, что молод, прекрасно физически подготовлен, прыгал на парашюте с самолета, владеет холодным и огнестрельным оружием, управляет автомобилем, отлично плавает. И подчеркивал: в совершенстве знает немецкий язык, длительное время занимался изучением Германии. Все это, как он думал, позволяло надеяться, что на рапорт обратят внимание.

Керимов не ошибся. Прошло недели три, и он получил приказ выехать в Москву.

С каким волнением сел Аскер в поезд, как нервничал, когда состав подолгу простаивал на разъездах, пропуская длинные воинские эшелоны!.. Скорее в Москву! Он не сомневался, что добьется назначения в одну из групп, которые, конечно, формируются для особой работы в тылу врага, чтобы громить его наиболее важные жизненные центры.

Однако Аскера постигло разочарование. Его назначили в центральный аппарат и поручили вместе с группой других работников расшифровку, изучение и обработку трофейных документов.

Он просиживал за письменным столом по восемнадцати часов в сутки, работал с пре-

дельным напряжением, понимая, на каком важном участке находится, но успокоения не обрел.

Дважды беседовал он с начальником отдела, убеждал, доказывал, что не в состоянии сидеть в кабинете — пусть даже на самой важной работе, когда на фронтах решается судьба Родины; что он, здоровый молодой парень, которого многому научили, может и должен сделать для страны больше, гораздо больше!

Но разговоры ни к чему не приводили.

Однажды ночью сильно разболелась голова. Он собирался было уже прилечь, как зазвонил телефон.

— Баку, — сказала телефонистка, — срочный вызов.

Он ждал мучительно долго. Наконец, сквозь шорохи и треск помех пробился далекий и слабый голос Окюмы-ханум.

— Мама!.. Что случилось?..

— Аскер, мальчик мой, — едва слышно донеслось из трубки, — наша Лятифа...

Треск в трубке усилился и связь оборвалась.

На другой день начальнику управления доложили, что по важному делу просит приема лейтенант Керимов.

Аскер вошел и остановился у порога.

— Присаживайтесь, — сказал начальник.

Аскер сел и положил на стол телеграмму. Окюма-ханум сообщала, что в Киеве при бомбежке погибли Лятифа и ее сын.

Генерал прочитал телеграмму. Отложил ее, снял очки, вышел из-за стола, присел в кресло против Керимова.

Они долго молчали. Наконец начальник сказал:

— Сестра?

Керимов кивнул.

— Так... Пришли проситься на фронт?

— Да, товарищ генерал.

— Хорошо, — сказал начальник, и это было так неожиданно, что Аскер вскочил.

— Товарищ генерал, я обучен действиям в тылу врага, языком владею...

— Нет! — генерал встал. — Будете назначены в армейскую контрразведку. Туда как раз подбираем работников.

Так Аскер Керимов попал на фронт.

Летом 1942 года он был ранен, месяца полтора пролежал в медсанбате. После выздоровления почти одновременно случилось два события: Керимов получил очередное звание и новое назначение — в дивизию, которая принимала участие в боях за Крым и стала там гвардейской.

Сейчас, почти год спустя, она в составе большой группы войск двигалась с тяжелыми боями на запад по украинской земле.

Но гвардии старший лейтенант Керимов не был уже контрразведчиком. И вот как это случилось.

Месяца за три до описываемых событий, холодным мартовским вечером, штаб соединения занял небольшое лесное село. Аскера попросил к себе командир дивизии.

Полковник обедал. Он усадил старшего лейтенанта за стол, налил стопочку спирта, пододвинул банку консервов.

— Закусывай, — сказал он, хитро подмигнув, — закусывай и выпей, есть разговор.

Внешностью полковник Головач мало походил на военного. Был он небольшого роста, дороден, несколько даже кривоног, с тяжелой шишковатой головой, жесткими усами метелочкой и звонким фальцетом. Быстрый в речи и торопливый в движениях, он больше смахивал на колхозного счетовода откуда-нибудь из-под Полтавы, на которого по ошибке надели полковничью форму.

Однако внешность Головача была обманчива. Кадровый военный, человек большой храбрости и опытный боевой командир, он пользовался непререкаемым авторитетом в дивизии и немалым уважением в штабе армии и фронта. О его боевых заслугах и командирском таланте свидетельствовала поблескивавшая на груди золотая звездочка. За операцию в Крыму начальник штаба соединения подполковник Головач получил сразу две награды — Героя и очередное звание, был назначен командиром дивизии.

Давно уже приглядывался полковник Головач к молодому «особисту», знал о его прошлом, видел, что бурлит в нем неиссякаемая энергия. Вот бы такого — да командиром дивизионных разведчиков!..

Конечно, было бы ошибкой думать, что командир дивизии недооценивал ту работу, которую выполняли Керимов и другие сотрудники Особого отдела дивизии. Просто он считал, что главное на войне — это разведка. Сначала разведка, а потом уже все остальное...

— Ну, будь жив, — сказал полковник, чокаясь с офицером. — Здоров, надеюсь, и все у тебя в порядке?

— Так точно, здоров, — ответил Аскер.

Выпили. Головач завинтил крышку фляги, отодвинул ее в сторону, навалился грудью на стол, приблизив лицо к собеседнику.

— Еду в штаб фронта. Вызывают. Буду у командующего и члена военного совета. И хочу просить, чтобы тебя перевели в дивизию!

— Но я же у вас?..

— Совсем чтобы! — Полковник сделал нетерпеливое движение. — В разведку. Очень ты мне нужен, парень. Командиром разведки, а?

— Это невозможно... У меня хозяева другие — вы же знаете...

— Только согласишься, а все остальное — за мной. Все на себя беру, добьюсь! Ну?

За окном послышался шум подъехавшей машины и гудок. Полковник посмотрел на часы, встал.

— Ты же хочешь, я знаю!.. Ну как, порешили?

Керимов согласился.

Командир дивизии вернулся через день, заехал в домик особистов, отыскал Керимова.

— Наша взяла, парень! — шепнул он, озорно подмигнув. — Ох, и война была, доложу тебе!.. Но теперь все по боку: жди приказа!

Через неделю приказ прибыл. Аскер вступил в командование подразделением дивизионных разведчиков.

Много пришлось пережить и испытать. На счету его было несколько десятков операций за

линией фронта. Все это позволило лучше изучить работу разведчика, хорошо узнать врага.

...Окрик часового прервал размышления Керимова. Он вылез из машины. Неподалеку вырисовывалось несколько приземистых строений, в которых размещался штаб дивизии.

Его ждали и тотчас же провели к командиру.

А часа через два с половиной Керимов во главе группы разведчиков переходил линию фронта. Как оказалось, пленный Аскера дал ценные показания. Кое-что важное сообщили и штабы соседних соединений — там тоже выходили в тыл врага поисковые группы. Все эти данные предстояло перепроверить и дополнить. Дело было весьма ответственное и не терпело отлагательства.

Глава вторая

1

Самые опасные места группа разведчиков Керимова прошла в те минуты, когда все вокруг было скрыто в тяжелом предрассветном тумане.

Разведчики углубились в лес, который начинался сразу же за позициями гитлеровцев. Лес, собственно, и был главной их целью. Он занимал большую территорию, и где-то в нем,

как показал пленный, прятались прибывшие недавно на этот участок фронта свежие танковые и артиллерийские дивизии фашистов. Разведчикам предстояло выяснить, существуют ли эти войска в действительности, сколько их и когда враг собирается использовать эти свои резервы.

Поручение было первостепенной важности, и сейчас горстка разведчиков находилась в центре внимания не только штабов дивизии и армии, но и фронта.

Вначале все шло хорошо. Группа Керимова, вытянувшись в цепочку и выслав дозоры, двигалась, не встречая помех. Командир шел в центре цепочки. Движение замыкал лучший разведчик сержант Авдеев.

Но вот дозор донес, что обнаружен гитлеровский патруль. Разведчики обошли его. Вскоре поступило сообщение еще об одной группе фашистов — трое солдат и ефрейтор держали под наблюдением тропу, которая вела на запад. Керимов и его товарищи благополучно обошли и эту группу.

В течение следующего часа разведчикам дважды пришлось уклоняться в сторону, чтобы не дать себя обнаружить другим патрулям гитлеровцев.

Еще час пути, и лес поредел. Боец, шедший впереди, внезапно поднял руку. Все остановились. Керимов поспешил к бойцу. Он увидел проволоку. Она была едва заметна, тоненькая, тщательно замаскированная. Чтобы

обнаружить ее, нужен был острый и наметанный глаз разведчика.

Мина!.. Аскер присел и обезвредил ее: по этому пути им предстояло возвращаться после выполнения задания. Но вот разведчики увидели вторую мину, третью...

Конечно, фашисты неспроста так тщательно заминировали этот участок, да еще расставили вокруг столько людей. Керимов понял, что приближается к чему-то важному, быть может — к цели поиска.

Группа продолжала путь ползком, старательно очищая от мин и размечая узенький безопасный коридор.

Вскоре послышался приглушенный рокот. Разведчики двинулись в направлении звука. Примерно через километр они обнаружили дорогу, скрытую от воздушного наблюдения кронами деревьев. По ней сплошным потоком шли автомобили, тянувшие орудия и минометы, ползли, громяхая, танки, самоходные орудия, бронетранспортеры. Вся эта техника, повинаясь сигналам регулировщиков, сворачивала с дороги и исчезала между деревьев.туда же въезжали грузовики с боеприпасами и бензовозы. В воздухе стоял неумолчный гул и плавал голубоватый дымок, выбрасываемый из сотен выхлопных труб.

Да, пленный не солгал. В этом лесу фашисты собирали огромный бронированный кулак.

Керимов раскрыл планшет и аккуратно отметил на карте дислокацию тайных резервов противника.

Задача была почти выполнена. Оставалось только с возможной точностью определить, как

скоро собирается наступать враг. Аскер Керимов принял было решение — брать «языка». Но приполз один из разведчиков, наблюдавший за тылом группы, и доложил, что большой отряд фашистских саперов начал снимать минное заграждение. Стало ясно, что гитлеровцы расчищают путь для техники, собираются выйти на исходные для наступления рубежи в самое ближайшее время — быть может, уже нынешней ночью!

Надо было немедленно возвращаться. Группа бесшумно снялась и двинулась в обратный путь.

— Скорее, — торопил воинов Керимов. — Скорее, товарищи, каждая минута дорога!

По лесу, вдоль минного поля, двигались большегрузные дизели. Впереди шли саперы, извлекая из земли мины и складывая их на грузовики. Одновременно действовало несколько отрядов. Немцы торопились закончить операцию до наступления темноты

Обер-лейтенант Густав Гартман с удовольствием наблюдал за тем, как ловко работает ефрейтор Штрекер. Маленький, худощавый, в очках, с непомерно большой головой, которая казалась еще крупнее от огромного суконного кепи, надвинутого на самые глаза, он быстрыми и точными движениями нащупывал мину, ловко вывинчивал взрыватель и равнодушно швырял обезвреженный снаряд в кузов машины. Штрекер вообще считался лучшим солдатом подразделения: быстро соображал и отличался исполнительностью.

— Хорош! — проговорил Гартман вслух.

Услышав голос офицера, Штрекер вытянулся. Стекла его очков блеснули.

— Продолжайте, — махнул рукой Гартман, — продолжайте, Штрекер, и торопитесь, черт вас побери! Скоро стемнеет.

— Слушаюсь, герр обер-лейтенант!

Ефрейтор вновь опустился на колени. Вдруг он удивленно вскрикнул.

— Что у вас там стряслось? — спросил офицер.

Штрекер, не поворачивая головы, поманил его пальцем. Гартман поспешил к саперу. Он увидел мину. Та была вынута и прислонена к куче хвороста.

— Я не трогал ее, — шепотом сказал Штрекер. — Это кто-то другой!

Офицер закусил губу.

Вновь раздалось восклицание сапера. Штрекер указывал рукой куда-то в сторону. Гартман увидел вторую извлеченную из земли мину, затем еще несколько.

Он все понял, круто повернулся и побежал к машине. В кабине рядом с шофером дремал радист. Гартман рывком распахнул дверцу, схватил передатчик, включил его и поднес к губам микрофон.

Через несколько минут в штабе группы гитлеровских войск знали, что неизвестными разминирована часть заграждения, прикрывавшего секретную бронированную группировку. Сделать это могли партизаны или — что еще хуже! — разведка противника. Под угрозой провала оказалась вся тонко задуманная комбинация со скрытно подтянутыми резервами, цель которой — нанести по советским войскам внезапный сокрушительный удар и перейти в наступление.

Гитлеровцы переполошились.

— Когда прошла разведка русских? — спросил начальник штаба армейской группы.

— Только что, — ответил Гартман и пояснил: — В лунку, где была мина, еще стекает вода из ближайшей лужи.

— Куда ведет след разведчиков?

— На восток.

— Хорошо. Слушайте внимательно. На разминировании работает четыре отряда, в каждом по двадцать саперов. Приказываю работу двух отрядов приостановить. Часть людей отправить в обход, других — в преследование. Ни один из русских не должен уйти. Учтите: сейчас буду связываться с частями, занимающими линию фронта. Там тоже примут меры. Все поняли?

— Да, герр оберст!

И обер-лейтенант выключил рацию.

3

Разведчики очень скоро почувствовали внимание противника. Сзади, а потом и на флангах стали раздаваться отдаленные выстрелы — видимо, гитлеровцы прочесывали лес. Керимов и его бойцы прибавили шагу, но вскоре посланный вперед дозор установил присутствие врага и в направлении движения группы. Она оказалась в кольце. Керимов понял: разведчикам не уйти, если кто-нибудь не отвлечет противника. После короткого раздумья он объявил, что попытается сделать это сам. С ним останутся два бойца. Остальные должны проскользнуть на восток и перейти линию фронта.

Руководить теми, кто уходил, Аскер приказал самому опытному из своих разведчиков,

сержанту Авдееву, передал ему планшетку с картой и коротким донесением, а карту сержанта забрал себе.

С тяжелым сердцем принял поручение сержант. Он считал, что вряд ли когда-нибудь вновь увидит командира и своих товарищей-бойцов.

Но Аскер вовсе не собирался погибать. Во время предыдущей вылазки в тыл врага он обнаружил в лесу широкую прогалину. В центре ее был холм, на котором возвышались развалины небольшого древнего острожка, сооруженного, быть может, еще во времена Богдана Хмельницкого. Кто знает, когда и для какой цели поставили здесь эту маленькую крепость! Служила она, возможно, каким-нибудь раскольникам или беглым крепостным, решившим сменить неволю на трудную, но свободную жизнь в лесной чаще. Могло быть и так, что крепостцу устроили как свой опорный пункт ратники, наблюдавшие отсюда за шляхтой, которая в те времена часто совершала набеги на древнюю украинскую землю. Обо всем этом разведчики могли только догадываться.

...Развалины, когда они их впервые посетили, были безлюдны. От стен острожка остались лишь груды заросших мхом камней. Деревянные строения внутри тоже развалились. Доски превратились в труху, перемешались с землей. Лучше других сохранилась маленькая часовня, построенная, видимо, много позже. Стены ее, сложенные из дубовых стволов, густо обмазанных глиной, уцелели. В часовне разведчиков подстерегала неожиданность. Когда Аскер вошел в нее, одна из каменных плит, составляв-

ших пол часовни, повернулась под его тяжестью, как на шарнире, и он провалился в неглубокое подполье. Разведчики подали туда веревку. Но Аскер подниматься не торопился. Подполье его заинтересовало. Он позвал к себе разведчиков и принялся осматривать помещение. Оно представляло собой правильной формы яму с плотно утрамбованным покатым глиняным дном. В самой низкой его части оказался лаз. Пригнувшись, воины двинулись по нему. Лаз все круче уходил вниз. Все больше тянуло сыростью. Тоннель затем сворачивал в сторону и обрывался. Воины оказались на краю колодца. На дне его шумела вода, откуда-то сбоку пробивался свет. Аскер догадался: колодец прорыт сквозь крутой, почти отвесный западный склон холма — к берегу протекающей у его основания речки. Служил он, видимо, для того, чтобы защитники крепости могли получать воду, не рискуя попасть под обстрел неприятеля.

...Аскер, разрабатывая свой план, знал, что холм недалеко. Только бы добраться до него! Там, на вершине, укрывшись среди развалин, они примут бой. Можно надеяться, что удастся продержаться час — полтора, привязав к себе врагов. Это все, что нужно, чтобы группа Авдеева могла обмануть бдительность фашистов и выполнить задание. А потом они попытаются воспользоваться подземным ходом к реке...

Керимов и бойцы спешили вперед. Теперь следов своих они не маскировали. Напротив, время от времени они роняли какой-нибудь предмет — то носовой платок, то пилотку. Сол-

дат Сергей Крамаренко отстегнул на ходу и оставил на видном месте пятнистую плащ-палатку: враги должны были хорошо уяснить, куда уходят те, кого они преследуют.

Вот и прогалина. Отсюда до холма метров двести, не больше. Разведчики затаились в кустах. Аскер в бинокль оглядел открытый участок местности и подступавший к ней лес, но ничего подозрительного не обнаружил. Видимо, они опередили противника. Затем офицер перевел бинокль выше. Обозначился крутой, поросший мелким кустарником склон. Еще чуть повыше... Теперь стала видна каменная россыпь — остатки стен крепости. И вдруг перед ним отчетливо возникла голова в рогатом шлеме, руки, сжимающие автомат! Вершина холма была занята.

Вражеский солдат внимательно оглядывал местность. Аскеру хорошо были видны его прищуренные глаза и полные, гладко выбритые щеки. Вот солдат, не переставая глядеть вперед, зашевелил губами — что-то сказал. Из-за камней поднялась голова второго фашиста.

Сколько их там? Что это, обычный пикет из двух-трех человек или более многочисленная группа? Как враги вооружены и расположены?.. Ничего этого Керимов не знал и не имел времени на разведку. Надо было немедленно выбить оттуда гитлеровцев.

Офицер и бойцы поползли в кустарнике вдоль границы прогалины, чтобы выбрать подходящее место для осуществления своего замысла. Вскоре они оказались на участке, где кустарник вплотную подбирался к подножью возвышенности. Воины, маскируясь в траве,

двинулись вверх по склону. Холм был невысок. Вскоре лишь десятка два шагов отделяли разведчиков от его вершины. Теперь разведчики почувствовали себя свободнее: нависшие над склоном обломки, которые будто короной венчали вершушку холма, заслоняли их от вражеских взоров сверху.

Воины вплотную приблизились к громоздящимся камням и залегли.

— Теперь слушайте, — шепотом сказал Керимов. — Если что случится со мной — старшим остается Крамаренко. — Офицер оглядел невысокого худощавого солдата с темными, чуть косо посаженными глазами на широкоскулом энергичном лице. — А если и Крамаренко тоже... Осетрову тогда действовать самостоятельно!.. Ну как, понял, Осетров?

Солдат Осетров, парень могучего сложения, первый силач среди разведчиков, молча кивнул.

— Добро, раз так... Пошли!

Разведчики поползли вдоль склона. Вскоре двигавшийся впереди Крамаренко обнаружил удобный выход на вершину. Дождевая вода промыла в склоне неширокую канавку, почти свободную от камней. Не было обломков и на верху, где начиналось углубление.

Крамаренко обернулся, вопросительно посмотрел на командира. Аскер кивнул.

Разведчики поднялись по канавке к площадке на вершине холма, залегли у ее границы. В руках у Крамаренко появился кустик чертополоха. Его осторожно поднимали вверх, над ребром площадки, и Аскер оглядел сквозь кустик вершину холма.

Два солдата, те самые, которых он обнаружил в бинокль, лежали на камнях, окаймлявших площадку с противоположной стороны, и вели наблюдение. До них было не более пятидесяти метров. Еще один гитлеровец сидел у стены часовенки, зажав между ног карабин. Он только что раскрыл банку консервов и сейчас подогревал ее на маленьком костре, старательно разгоняя ладонью вьющийся над огнем дымок.

Трое!.. Значит, обычный патруль. Аскер облегченно вздохнул. Все оказалось проще, чем он думал. Ликвидировать трех изолированных на холме вражеских солдат было нетрудно.

Офицер подвинулся в сторону. Сквозь куст площадку поочередно осмотрели Крамаренко и Осетров.

— Разрешите действовать? — прошептал Крамаренко.

— Работайте, — кивнул Аскер. — Только не шуметь. Сначала этого... у часовни. Ясно?

— Так точно!.. Пошли, Осетров.

И здесь случилось непредвиденное. Осетров неловко повернулся, задел локтем валун на краю канавки. Камень покатился по склону, увлекая за собой другие камни, гравий, песок.

Фашист, сидевший у костра, услышал шум, вскочил, поднял карабин, шагнул к разведчикам.

Аскер вскинул пистолет. Выстрел, еще выстрел. Солдат грохнулся, выронив оружие.

— Вперед! — крикнул Керимов, хотя Крамаренко и Осетров уже мчались к двум другим солдатам. Те, обернувшись, целились из автоматов.

Но разведчики уже были под защитой бревенчатой стены часовни. В последний момент Осетров сбоку, косо швырнул гранату.

В грохоте взрыва захлебнулись и смолкли вражеские автоматы.

Разведчики овладели вершиной холма.

— К обороне! — скомандовал Аскер.

4

Обер-лейтенант Густав Гартман, двигавшийся по следу разведчиков во главе своей группы, вскоре услышал автоматные очереди, доносившиеся с запада, затем — отдаленный взрыв гранат. Значит, противник обнаружен, и пути его отступления отрезаны. Следует торопиться. Нет никаких сомнений в том, что где-нибудь поблизости находятся и другие группы саперов.

Гартман распорядился, чтобы солдаты рассыпались в цепь и ускорили шаг.

— Ефрейтор Штрекер! — позвал обер-лейтенант.

Штрекер, уже скрывшийся было в кустарнике, задержался и вопросительно поглядел на офицера.

— Идите за мной!

Сапер пропустил офицера вперед, надел очки и пошел следом.

Густав Гартман мысленно повторил приказ начальника штаба: ни один из преследуемых не должен уйти, во что бы то ни стало перехватить всю группу и уничтожить!.. Что ж, приказ будет выполнен. Ликвидация разведчиков-русских — это наверняка «железный

крест», а быть может, еще и месячный отпуск впридачу. Подумать только: на целый месяц можно будет послать в преисподнюю прокопченные землянки, свирепых, как волки, вшей, проклятую артиллерию и снайперов-русских!.. Ради этого стоило рискнуть.

Вскоре ефрейтор Штрекер обнаружил брошенную пилотку советского образца, а потом маскировочную плащ-палатку.

Обер-лейтенант повеселел:

— Вперед, — скомандовал он, — мы настигаем их!

Через четверть часа Гартман и его солдаты оказались у прогалины. Они видели, как отовсюду из кустов появляются серо-зеленые мундиры немцев, слышали выстрелы — это действовали саперы других групп.

Гартман мгновенно оценил обстановку. Конечно же, разведчики русских скрываются в тех развалинах, что торчат на макушке холма. Надо торопиться. Скорее туда, чтобы успеть захватить доказательства своего активного участия в операции — документы разведчиков, а если посчастливится — живьем какого-нибудь русского!

Он вытащил пистолет, дослал патрон в ствол и движением руки приказал солдатам ползти вперед.

5

Гвардии старший лейтенант Керимов видел, что все больше преследователей собирается у холма. Когда враги показались и с востока, он облегченно вздохнул. Можно было надеять-

ся, что самая большая опасность отведена от группы сержанта Авдеева.

— Порядок, Осетров, — проговорил он.

— Так точно, товарищ гвардии старший лейтенант. Авдеев-то проскользнул, видать!

— Да, похоже, что так. Офицера видите?

— Вижу.

— Попробуйте снять!

— Есть!

Осетров, лучший стрелок подразделения, прикинул расстояние до врагов — выходило что-то около ста метров, поставил прицел и улегся поудобнее. Ему была отчетливо видна голова в фуражке с высокой тульей и длинная шея офицера. Гитлеровец полз позади солдат. Рядом с ним двигался фашист в большом кепи и в очках.

Разведчик плавно подвел мушку под подбородок офицера, выровнял края прорези прицела и осторожно потянул за спуск. Но выстрел был не точен. Пуля лишь сорвала фуражку с врага. Тот мгновенно спрятал голову за камень.

— Что же вы! — с укоризной сказал Керимов.

Осетров засопел, выстрелил в боковую кромку укрытия, за которым лежал фашист. Каменные брызги хлестнули по лицу оберлейтенанта Гартмана. Он вскрикнул и схватился за глаза. Сильная боль заставила его забыть об осторожности. На секунду офицер приподнялся. Вновь прогремел выстрел, и враг опрокинулся набок.

— Не стрелять больше! — распорядился Керимов.

Гитлеровцы ползли на холм с трех сторон. С каждой минутой они были все ближе. Вот уже только пятьдесят метров отделяло от них группу Керимова.

Еще минута прошла — расстояние между противниками сократилось метров до тридцати. Тогда разведчики открыли огонь. Автоматы их били по близкой и хорошо видимой цели. На склонах холма осталось десятка полтора трупов. Живые поспешно укрылись и стали отползать назад. У подножья холма они залегли. Этого и добивался Керимов.

Бой разгорался. Огонь фашистов был так силен, что не давал поднять головы. Разведчики непрерывно меняли огневые позиции, стреляя из различных мест, чтобы создать впечатление, будто обороняющихся много. Вначале им это удавалось. Но вскоре нападающие стали действовать решительнее. Часть фашистов еще более усилила огонь, другие пошли в атаку.

Атаку с трудом отбили, пустив в дело гранаты, но положение разведчиков облегчилось ненадолго.

Вскоре у гитлеровцев появился пулемет. Под прикрытием его огня они вновь повели атаку на вершину холма.

6

Ефрейтор Штрекер поспешно покинул тело убитого офицера, отполз в сторону. Нет, он не сожалел о смерти своего командира. Оберлейтенанта Гартмана, убежденного наци, грубого и жестокого человека, все солдаты взвода

считали порядочной свиньей, ненавидели. И, если рассуждать по справедливости, Гартман получил то, что, в сущности, давно заслужил.

Что же касается самого Штрекера, то ему, железнодорожному электрику из Мюнхена, было решительно наплевать и на наци, и на затеянную ими войну, уже принесшую столько горя Германии. Только ужас перед фашистскими лагерями и застенками заставил Ханса Штрекера надеть военную форму, взять оружие и стрелять в людей, которые не сделали ему ничего дурного.

Так рассуждал ефрейтор Штрекер.

Вскоре его взвод получил новое задание. Командир, заменивший убитого Гартмана, собрал солдат и объявил: взводу приказано обложить холм со всех сторон и наблюдать, пока другие будут овладевать вершиной. Несомненно, русские попытаются бежать. Следует глядеть в оба, чтобы никто не ушел живым!

Офицер развернул карту и указал солдатам участки. Штрекеру достался пост на берегу реки, омывавшей холм с запада.

Вскоре он уже полз в кустарнике, постепенно огибая холм. Вот и река. Ефрейтор переправился на противоположный пологий берег, залег в кустах и стал наблюдать.

7

Бой продолжался. Разведчики только что отбили очередную атаку. Пришлось израсходовать много гранат. Крамаренко расстрелял все диски и теперь набивал их. Осетров помогал

товарищу и одновременно, морщась от боли, бинтовал руку — пулей ему оторвало палец.

— А ну, взгляни, времени сколько? — проговорил он.

Крамаренко посмотрел на часы.

— Сорок минут прошло.

— Значит, скоро... Полчаса еще, и... Я, брат, улучил минуту, заскочил в часовню, плиту повернул, чтобы все было...

Он не договорил.

— К бою! — скомандовал Керимов, лежавший на другом конце площадки.

Гитлеровцы начинали новую атаку.

Редкой цепочкой, укрываясь в неровностях почвы, двинулись с трех сторон на холм фашистские солдаты. Их пулемет бил, не переставая. Пули с тупым перестуком впивались в камни, проносились над головой, едва слышно посвистывая. Разведчики отвечали одиночными выстрелами и короткими очередями своих автоматов. Они устали. Дым и пыль застилали склоны, разъедали глаза, мешая видеть. Враг приближался. Вот уже на холм полетели гранаты. Пыль, поднятая взрывами, еще больше ухудшала видимость.

Одна из гранат разорвалась под грудой камней, за которой лежал Аскер. Обломки стены качнулись и поползли вниз. Офицер едва успел отпрыгнуть назад.

Это навело Аскера на мысль. Он подполз к бойцам, указал на обломки.

Крамаренко и Осетров поняли командира. И вот со всех сторон, грохоча и подскакивая, устремились с вершины холма увесистые камни, полетели гранаты.

Когда пыль, поднятая ими, улеглась, врагов на склоне холма не было.

Разведчики могли немного передохнуть. Аскер вынул платок и протер слезящиеся глаза. Вдруг он услышал тревожный возглас Осетрова, обернулся и увидел двух гитлеровских солдат. Те, подтягиваясь на руках, лезли через развалины. Вот солдаты перекинули ноги через камни и взялись за автоматы. Еще секунда, и они откроют огонь. Но их опередил Крамаренко. Он вскочил и дал по врагам длинную очередь.

С подножья холма раздался выстрел. Крамаренко выронил автомат и упал.

Осетров метнулся к нему.

— Назад, — крикнул Аскер. — Ложись!..

Осетров не слышал. Забыв об опасности, он бежал к товарищу. Снизу вновь выстрелили. Осетров споткнулся, повалился на землю.

Керимов остался один. Теперь ему лишь гранатами удавалось сдерживать осмелевших фашистов. Но так не могло продолжаться долго. Да и гранат оставалось все меньше...

Вот уже только три гранаты лежат перед Аскером. Он взглянул на часы. Восемьдесят минут прошло с начала боя. Можно было считать, что отвлекающая группа свою задачу выполнила.

Аскер осмотрелся, задержал на мгновение взгляд на телах погибших товарищей, прощаясь с ними, швырнул вседавших врагов гранату и пополз к часовне.

Вот и знакомая плита. Ого, кто-то уже повернул ее ребром!.. Он сел, спустив ноги в люк. Отстегнул ремешок пистолета, об-

мotal им две оставшиеся гранаты. Скорее, нельзя терять времени. Аскер выпрямился, с силой бросил гранаты в угол часовни, прыгнул в подземелье и кинулся к лазу.

Глухо донесся взрыв. Потом послышался треск и грохот, в спину ударила тугая волна пыльного теплого воздуха. Как он и надеялся, взрыв повалил стены часовни, разрушил пол, и масса из дерева, камня и земли рухнула в подземелье, закупорив вход в тоннель.

Разведчик торопливо пробирался по лазу. Фонаря не было. Он полз в темноте, осторожно ощупывая руками стены тоннеля.

Вскоре он достиг поворота. Отсюда до колодца — всего десяток шагов... Так и есть — вот он, сруб!..

Аскер приблизился к краю колодца, осторожно заглянул вниз. Метров пять-шесть отделяло его от воды. Бревенчатая клетка, которая едва угадывалась, слабо освещенная снизу, косо спускалась к реке. По срубам, используя щели между бревнами, он и доберется до воды. А дальше? Куда уходить потом? Он должен пробираться к своим. Но ведь так думают и враги, которые, несомненно, организуют преследование... Нет, путь на восток они перекроют так плотно, что не проскользнешь! Поэтому уходить надо в противоположную сторону. И только потом, запутав след, он может сворачивать и идти к фронту.

Аскер лег животом на край сруба, опустил в него ноги. Нащупав ими опору, он сполз в колодец и ухватился за верхнее бревно руками. Неожиданно пальцы глубоко ушли в насквозь прогнившее дерево. Он попытался

крепче упереться ногами, чтобы высвободить руки и перехватиться. Но внизу затрещало, и ноги потеряли опору. Аскер, увлекая за собой обломки сруба, полетел вниз.

Ефрейтор Штрекер услышал взрыв на вершине холма. Он был убежден в том, что нападающие завладели, наконец, позициями советских разведчиков.

Ханс Штрекер осторожно придвинулся к реке. Несомненно, все кончено, и маскироваться больше не имеет смысла.

Вдруг он остановился. Странный шум доносился с противоположного берега. Почти отвесно спускавшийся к реке, он был сильно подмыт и нависал над водой, и Штрекер увидел, как от нижней части берега отвалилась и с плеском упала в реку большая глыба земли. За ней в реку посыпались какие-то ветхие обломки. Они всплыли, закачались на воде. И между ними вдруг появилась голова человека!

Ефрейтор решил, что ему мерещится, протер глаза. Но голова не исчезла. Вот пловец повернулся, огляделся по сторонам и начал пересекать реку.

Штрекер ошупал автомат, отступил и спрятался в кустарнике.

Он видел, как человек в форме советского офицера, осторожно выбрался на берег, скользнул за дерево, присел и торопливо отжал на себе одежду. Потом он тщательно продул ствол пистолета, озабоченно оглядел и протер пучком травы патроны, вынутые из обоймы.

Штрекеру ничего не стоило поднять автомат и пристрелить офицера. Но он не двигался и только наблюдал.

— Правильно, Ханс, — прошептал он, когда советский офицер скрылся среди деревьев. — Сдается мне, старина, что ты сделал сейчас хорошее дело. Будем надеяться, что этот парень еще долго проживет на свете.

8

Керимов бежал широким свободным шагом, ловко перескакивая через поваленные деревья и валежник, лавируя между стволами могучих корабельных сосен. Вот он на секунду остановился, припал к дереву, задержал дыхание, прислушался. Он не уловил ничего подо-

зрительного. Враги либо были сбиты с толку его неожиданным исчезновением, либо сильно отстали.

Керимов успокоился, присел возле ключа, бившего из-под поросшего мхом ноздреватого камня, прополоскал горло, смочил пылающее лицо. Потом он вновь побежал, держа направление на запад, торопясь как можно дальше уйти от места боя.

Завладевшие холмом питлеровцы были уверены, что вели бой против большой группы противника и истребили ее. Оказалось же, что это совсем не так. Значит, большинству советских разведчиков удалось каким-то непостижимым образом ускользнуть.

Враги понимали, что отстали и, двигаясь по следу, вряд ли смогут настичь преследуемых. Тогда было сформировано несколько групп автоматчиков и проводников с собаками. Их усадили в автомобили и развезли по лесу, приказав тщательно обыскать местность по квадратам.

Одна из групп, высаженная с машины где-то на западе, напала на след. И вскоре Керимов с тревогой услышал отдаленный лай овчарок.

Уже порядком утомленный, он развернул карту и минуту ее изучал, затем собрал все силы и вновь побежал, забирая в сторону. «Сбить след»,—твердил он, словно бы отыскивая что-то между стволами деревьев.

А лес стоял стеной, и бежать по нему, то и дело натыкаясь на ветви, проваливаясь в скрытые под прелой листвой ямы, было чудовищно трудно.

Прошло с четверть часа. Только отлично тренированный и закаленный годами спортивных занятий организм мог выдержать такое напряжение. Но вот силы стали иссякать. Ноги отяжелели, сделались непослушными. Они подгибались, отказываясь нести тело. Керимов шатался, падал. Он ободрал руку; сильно кололо в боку, дыхания не хватало, сердце, казалось, было готово выпрыгнуть из груди.

Еще через километр лес стал редеть. Пошел кустарник, показалась осока. Впереди сверкнула тонкая полоска воды.

Речка! К ней-то и стремился разведчик. Он кинулся в воду и, прикрываясь высоким берегом, побрел вниз по течению, чтобы не демаскировала поднятая со дна муть. Теперь он мог надеяться, что собьет с толку преследователей. Керимов повеселел. Не прекращая движения, он черпал горстями воду и освежал голову, лицо.

Его преследовала довольно большая группа. Враги торопливо двигались по следу. Ищейки натягивали поводки, взлаивая от возбуждения. Вскоре немцы вышли к реке. Собаки растерянно заматались по песку. Две овчарки кинулись в воду и переплыли реку. Но на противоположном берегу следа противника не оказалось.

Гитлеровцы посовещались. Часть их переправилась на ту сторону. Преследователи четырьмя группами двинулись по обоим берегам реки, вверх и вниз по течению. Расчет был прост: когда-нибудь беглец покинет реку. Выйдя на берег, он оставит след.

Вскоре одна из групп достигла круто спускавшегося к воде каменистого откоса. Яростный лай собак возвестил о том, что они снова взяли след. Ищейки устремились вперед. Враги спешили. Теперь они уже не сомневались, что преследуемый обречен.

Расстояние между гитлеровцами и Аскером сокращалось. Разведчик едва двигался. В глазах плыли круги. Каждый мускул, каждая кровинка твердили: сопротивление бесполезно, остановись, ляг, отдохни, а там — будь что будет...

Внезапно разведчик оступился и свалился на дно широкой канавы, заросшей густой травой. Выбравшись из нее, он оказался на обочине песчаной дороги. Керимов быстро пересек ее и притаился за деревом. Это было сделано вовремя — вдали показался грузовик. Не доезжая метров трехсот, машина притормозила, преодолевая ухаб, затем набрала скорость и помчалась дальше. Разболтанный грохочущий кузов ее был пуст.

Аскер долго смотрел ей вслед. Он совершенно обессилел и не был в состоянии двигаться. Эх, если б машина появилась минутой позже!

Что предпринять? Задержаться здесь, чтобы отдохнуть и набраться сил? Нет, нельзя! Его, несомненно, продолжают преследовать, погоня лишь отстала.

Как бы в ответ на это ветерок донес отдаленный лай собак.

Керимов вздрогнул, застонал. Уходить и снова плутать в лесу? Этим он только ненадолго оттянет развязку. Значит, конец?..

После того, как он смог вырваться из лап врага и считал, что самое страшное уже позади?!

К лаю овчарок, который теперь был гораздо громче, прибавился какой-то рокот. Керимов быстро взглянул на дорогу и увидел машину, которая так была ему нужна. Маскируясь в кустах, он побежал к тому месту дороги, где был ухаб. Когда машина подъехала и, преодолевая препятствие, замедлила ход, выскочил из кустов и ухватился за ее задний борт. Кузов автомобиля был свободен, Аскер подтянулся на руках и тяжело упал на грязные, промасленные доски.

Машина вновь набрала скорость. Разведчик продвинулся вперед, к шоферской кабине и распластался возле нее.

Грузовик мчался, подскакивая на выщербленном, разбитом шоссе. Тело Аскера билось о дно кузова и его борт. Но он не замечал этого. Он лежал, расслабившись, отдыхая, и чувствовал, как постепенно успокаивается дыхание, возвращаются силы.

Прошло около четверти часа. Машина продолжала идти. Аскер осторожно приподнялся, заглянул в кабину. Кроме шофера, там сидел солдат. Они разговаривали, ни о чем не подозревая.

Надо было уходить. Он оглядел шоссе, убедился, что оно пустынно и перелез через задний борт. Минуту висел, упираясь ногами в выступ рамы автомобиля, улучил момент, спрыгнул и бросился в лес.

Глава третья

1

Это была большая старая сосна с массивным красноватым стволом. Вырванная бурей, она рухнула, придавив молодые деревца. Под ней и притаился Аскер. Он лежал неподвижно, чутко прислушиваясь к шорохам. Сколько часов прошло после боя с фашистами, а он все еще ничего не знает о судьбе группы сержанта Авдеева! Удалось ли ей уйти от преследования и благополучно вернуться в часть? Немцы воюют умело, они знают свое дело и провести их не так-то легко... Хотелось верить, что Авдеев сумел обойти вражеские ловушки. Но, если это так, то во-время ли доставлено донесение? Успеет ли командование принять меры, чтобы сорвать замысел гитлеровцев?..

Аскер почувствовал сильную слабость, головокружение. Разведчика одолевал голод. Отчаянно хотелось пить — губы пересохли, потрескались.

Керимов взглянул на часы. Его штурманский хронометр с герметически завинчивающейся крышкой и светящимся циферблатом выдержал все испытания и работал отлично. Было около трех часов ночи. Да, Авдееву уже давно следовало добраться до своих... А что, если врагам удалось настичь разведчиков?.. Неужели все оказалось напрасным, и сейчас самоходки и танки гитлеровцев выползают на исходные для наступления рубежи?.. Керимов скрипнул зубами от отчаяния, от сознания собственного бессилия, шумно перевел дыхание.

Но так или иначе, сейчас, в самое ближайшее время, все должно выясниться.

Тишина стала невыносимой. Ее не нарушало ничто — ни шелест листвы, ни крик ночной птицы. Казалось, что и лес замер в ожидании и чутко внимает тому, что творится у линии фронта...

Не в силах больше находиться в бездействии, Аскер осторожно выбрался из своего убежища. Вдруг он замер. Почудилось, что далеко-далеко возник какой-то гул. Прошла минута, и офицер уже решил было, что ошибся. Но вот гул послышался снова — уже несколько громче. Это был теперь очень далекий, ровный, постепенно нарастающий рокот. Можно было определить, что он идет с востока.

Аскер затаил дыхание. Он стоял, вцепившись пальцами в волосы, напряженно вглядываясь в темноту.

— Ну! — шептал он. — Скорее... Скорее же!..

И вот на востоке раздался приглушенный расстоеанием взрыв, за ним — второй, третий. И скоро в прифронтовом немецком тылу взрывы слились в один общий, непрекращающийся грохот. В небо взметнулись столбы пламени, воткнулись голубые ножи прожекторов, потянулись светящиеся пунктиры артиллерийских трасс.

При первых же взрывах Аскер вскарабкался на высокое дерево. Прижавшись щекой к шершавому стволу, наблюдал он за работой советских бомбардировщиков, громивших бронированную группировку гитлеровцев. Да, теперь он не сомневался в том, что Авдеев

и его солдаты доставили донесение во-время!

...Тусклый и сумрачный наступил рассвет. А затем показалось солнце — большое, багровое, с трудом пробивавшееся сквозь клочья черного дыма.

2

Пошли вторые сутки пребывания Аскера в немецком тылу. Он все еще находился в своем убежище под корнями старой сосны. Разведчик сосредоточенно обдумывал план возвращения к своим. Двигаясь пешком, он не смог бы добраться до линии фронта — отсюда до передовой были многие десятки километров. И на каждом шагу он рисковал напороться на врага. Нет, следовало найти другой способ, более надежный и быстрый.

После долгих раздумий разведчик решил раздобыть транспорт. Он выбрался из укрытия и осторожно двинулся по лесу вдоль проходившей неподалеку дороги. Пришлось пройти километров пять, прежде чем он отыскал подходящий участок. В этом месте шоссе круто взбиралось на холм, и шедшие снизу машины с трудом преодолевали длинный песчаный подъем. Здесь-то он и подкараулит какого-нибудь одинокого мотоциклиста...

Офицер проверил пистолет, взобрался на дерево, низко протянувшее ветви над полотном дороги, стал наблюдать.

Не знал Аскер, что и сам он является объектом тщательного наблюдения. В те минуты, когда он крался вдоль шоссе, его заметила группа людей, прятаясь неподалеку в кустах. Руководил группой пожилой мужчина в черной пиджачной паре и сапогах, перепоясанный толстым солдатским ремнем с подсумками, с кавалерийским карабином в руках. На голове его была кожаная фуражка, на носу красовалось пенсне.

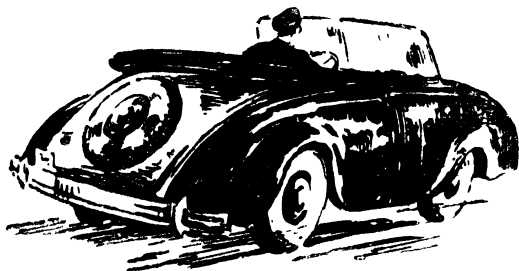
Человек в пенсне сделал товарищам знак, и они двинулись следом.

— Наш, — прошептал один из группы, молодой парень в серой немецкой шинели с обрезанными полами.

— «Наш», — передразнил его другой, — Откуда ему взяться здесь, нашему-то? И — вооружен!

— А чего он тогда прячется?

— Тихо! — человек в пенсне поднял руку, и все умолкли. — Поглядим, подождем. Не нравится он мне что-то...

У командира партизанской десятки было достаточно оснований для сомнений. Беглый советский офицер здесь, во вражеском тылу, где нет ни одного лагеря пленных, слишком уж оборванный и истерзанный — все это очень походило на маскарад, разыгрываемый, чтобы забросить к партизанам провокатора. За последнее время гитлеровцы дважды пытались разгромить отряд, но обожглись. Теперь, видно, они придумали другое — выпустили в лес агента в расчете на то, что партизаны подберут его. Ну, а потом тот сделает свое дело...

— Кончать его надо, — проворчал партизан в немецкой шинели. — Дать ему девять граммов и точка! — Он оттянул курок затвора карабина и вопросительно поглядел на командира.

Но тот не торопился. Неизвестный — это «язык». И, видимо, ценный. Он должен быть доставлен в штаб отряда. А там уже решат...

3

Однако наблюдавшие за Керимовым партизаны были вскоре озадачены. Неизвестный повел себя странно. Он взобрался зачем-то на дерево, затаился и стал изучать шоссе.

А на дороге происходило много интересного. По ней проходили искаженные танки и самоходки, буксируемые тягачами. Их обгоняли санитарные и грузовые машины с ранеными.

Вот с востока показался открытый белый автомобиль. «Штеер», — тотчас же определил Аскер, уже не раз имевший дело с трофейными

машинами. Автомобилем управлял одинокий офицер. Как раз то, что нужно! И дорога к тому же пустынна. Разведчик весь напрягся, изготовился для нападения. Машина проползет под ним совсем медленно, и тогда...

Однако, путая все расчеты, на противоположном конце шоссе появился встречный автомобиль — большой коричневый кабриолет. В нем находилось несколько человек — какие-то военные.

Машины встретились. И вдруг из леса загремели винтовочные выстрелы, дробно забил автомат. Коричневый автомобиль резко свернул в кювет и опрокинулся. «Штеер» остановился. Из него выскочил офицер и метнулся в лес. Вновь ударил выстрел. Офицер захромал, свалился на дорогу.

Партизаны! Аскер спрыгнул с дерева. Здесь его схватили чьи-то сильные руки.

В это же время два других партизана выскочили на шоссе, подняли и уложили в белый автомобиль раненого немца; один из них сел за руль и осторожно перевел машину через кювет в лес. Остальные торопливо вытаскивали из коричневого автомобиля убитых, снимали оружие, обшаривали в поисках документов карманы и сумки.

4

Допрашивал Аскера начальник штаба отряда — командир отряда и комиссар отсутствовали. Это был мужчина лет шестидесяти, высокий, худой с большими чуть навыкате глазами, полуприкрытыми тяжелыми красно-

4—1298

ватыми веками, будто он смертельно устал и вот-вот заснет. Но так только казалось. Начальник штаба внимательно приглядывался к пленному, ставя ему одну ловушку за другой.

В разгар допроса вернулся командир отряда с комиссаром. Они вошли в штабную землянку, и Аскера по знаку начальника штаба на время увели. Через час он был вновь доставлен на допрос. За это время многое выяснилось. Группы партизан во главе с командиром отряда и комиссаром, совершившие далекую вылазку на восток, оказались свидетелями переполоха, который подняли немцы, разыскивая кого-то в лесу, видели бомбежку гитлеровских войск. Все это в точности совпадало с тем, что рассказал Аскер. К тому же раненый немецкий офицер, ехавший на белой машине, подтвердил, что была обнаружена разведка русских и одной группе советских разведчиков удалось ускользнуть.

Теперь все выглядело по-другому. Аскеру развязали руки, пригласили сесть. Начальник штаба, откинувшись на спинку скамьи, сказал: — Ладно, старший лейтенант теперь все в порядке.

И он, улыбнувшись, протянул офицеру руку.

Комиссар отряда, молодой человек с голубыми, почти прозрачными глазами на заросшем бородой лице, встал и взял разведчика за плечи.

— Здорово это у тебя получилось, друг, — с уважением сказал он. — Железа там наломали — страсть! Возить его немцам — не перевозить... Ты кто — русский? Вроде, не похож.

— Азербайджанец.

— Ну, на азербайджанца — и вовсе. У вас ведь все черноволосые. А ты вроде... прости меня, фриц!

Аскер промолчал и только чуть развел руками, как бы говоря, что не виноват в этом.

— Ладно, — усмехнулся комиссар, — расспросы потом. Иди, друг, поешь и возвращайся. Начальник штаба сказал, будто ты хорошо знаешь немецкий. Поможешь разобраться с этим. — Он кивнул на лежавшие на столе документы гитлеровцев.

Партизаны, захватившие Аскера, ждали неподалеку от землянки. Командир десятки и парень в немецкой шинели привели разведчика на кухню и, пока он ел, рассказали, как охотились за ним.

— Тебя, брат, держали на мушке, как тетерева, — сказал партизан в пенсне. — А этот вот хотел уже того... — Он кивнул на парня в шинели и сделал выразительный жест, будто спустил курок.

Парень в шинели засопел и отвернулся. Потом он полез в карман, вытащил кисет, распустил шнурок и предложил Аскеру закурить.

Вышли из кухни вместе. Аскер, видя смущение партизана, дружески хлопнул его по плечу и сказал, что на его месте поступил бы точно так же. Парень посветлел. Он проводил офицера до штабной землянки.

Комиссар и начальник штаба ждали Аскера, молча пододвинули ему документы немцев.

Разведчика тревожило: смогут ли партизаны помочь ему перебраться через линию фронта. Он спросил об этом.

Начальник штаба задумчиво погладил подбородок, свернул папиросу, вставил в большой янтарный мундштук и закурил.

— А остаться с нами не желаешь?.. Понимаешь, люди нам очень нужны. А ты и офицер, и коммунист, и разведчик!..

Аскеру вкратце рассказали об отряде. В этот район он недавно перебазировался с востока Украины. В пути и на новом месте было немало стычек с карателями, и отряд сильно поредел. Сейчас он пополняется — жители окрестных сел бегут от фашистов в лес. Но опытных воинов мало. Особенно недостает командиров с офицерской подготовкой и разведчиков.

Аскер задумался, потом сказал: его судьбу может решить только командование. Если оно найдет нужным, чтобы он остался у партизан, тогда, конечно...

— Ладно, — весело сказал комиссар, — с командованием вопрос уладим. А пока — давай, читай!

Аскер просмотрел документы. Большинство не представляло интереса. Это были удостоверения личности и командировочные предписания двух старших офицеров, очевидно, интендантов, какие-то счета и накладные. Зато другие бумаги привлекли внимание партизан.

Документов было три — удостоверение личности дивизионного абвер-офицера оберштурмфюрера СС Курта Краузе, командировочное предписание, согласно которому тот следовал в одно из управлений абвера по вызову, и, наконец, исписанный мелким почерком листок — письмо Курту Краузе.

«Курт, — писал неизвестный корреспондент, — сегодня, наконец, я узнал, что тебя вызывают. Вопрос решен. Сейчас оформляют вызов. Но он может задержаться, и я спешу предупредить тебя о радостной вести. Отправляю это письмо и уезжаю сам: командировка на фронт, примерно на три месяца. Приедешь, остановишься у меня. Тебе откроет такая птичка со стреляющими глазами. Это моя квартирная хозяйка, фрейлен Амелия. Она предупреждена и ждет тебя. Будь с ней ласков и щедр. Она этого заслуживает, ибо умеет делать все... Впрочем, ты убедишься в этом сам. Я тебе это великодушно разрешаю, негодник ты этакий! Теперь об управлении. Я мучаюсь — ни одной знакомой морды. Наверное, ты тоже не найдешь никого, кто бы знал тебя. Но это в конце концов — к черту! Главное, что здесь лучше, чем на фронте. Итак, до свидания. Не горюй, я скоро вернусь».

Аскер, переводивший письмо вслух, умолк и поднял глаза на собеседников.

— Все? — спросил комиссар.

— Да.

— А подпись?

— Неразборчива. — Разведчик показал на закорючку в конце письма.

— Так, — задумчиво протянул начальник штаба. — Не довелось, значит, Краузе послужить в тылу. Вот и эта, как ее, фрейлен... будет ждать. — Он усмехнулся, взял письмо, подержал в руках и брезгливо отбросил.

Аскер раскрыл удостоверение личности Курта Краузе. С фотографии на него смотрели тусклые водянистые глаза на круглом мало-

выразительном лице. Разведчик осторожно закрыл книжечку, покосился на письмо.

Вскоре Керимова отпустили. Он был рассеян, задумчив. С полчаса возился с трофейным автомобилем. Затем он попросил, чтобы ему разрешили допросить Краузе.

— Хорошо, — сказал начальник штаба, зажигая потухшую самокрутку.

— Только еще просьба... Я хочу, чтобы на допросе присутствовали руководители отряда — вы, командир, комиссар.

— Это зачем? — Партизан вынул мундштук изо рта и выковырял окурочек.

— Можно, я скажу об этом после?..

Начальник штаба пожал плечами, подумал и передал командиру просьбу разведчика.

5

В землянку привели пленного. У него была забинтована нога, он хромал и опирался на палку.

— Садитесь, — сказал по-немецки Аскер.

Пленный быстро взглянул на него и тяжело опустился на табурет.

— Фамилия и имя, звание, род войск, — Аскер постучал пальцем по столу. — Предупреждаю: отвечать точно, не врать!

— Отвечать не буду. — Пленный дернул плечом. — И готов умереть.

— Будете!.. Хотя я знаю, что упрямство отличает пруссаков.

Брови Краузе дрогнули.

— Откуда вы знаете, что я пруссак?

Аскер иронически посмотрел на немца.

— Акцент. Акцент, герр Краузе. Рыбаков с косы Фрише-Нерунг — из Пилау, например, — по говору за километр отличишь от любых других немцев.

— Но я не рыбак! — Краузе гордо выпрямился.

— Знаю, — махнул рукой Аскер.

— И там не жил.

— Тоже догадываюсь. Вам нечего было делать в Пилау. Юнкеры и их отпрыски предпочитают окрестности или ближние районы — Велау или, скажем, Раушен: там масса приятных местечек, а поместья — одно лучше другого... Кстати, — Аскер взял со стола мундштук и обернулся к начальнику штаба, — этот ваш мундштук оттуда. Там, в особенности в Пальминикене, столько чудесного янтаря!

Начальник штаба кивнул. Партизаны видели, что разведчик ведет игру и, хотя не догадывались какую, не мешали, ожидая, что же будет дальше.

Аскер продолжал. Будто забыв о пленном, он долго рассказывал о Восточной Пруссии, поминутно переходя с немецкого языка на русский и вновь на немецкий. Потом он опять обратился к немцу.

— Ну, будете отвечать?

— Кто вы? — тихо спросил Краузе.

Аскер стукнул кулаком по столу.

— Вопросы задаю я. Отвечать!

— Нет, — Краузе встал и стиснул палку. — И я знаю, кто вы. Подлый предатель, вот кто!

Аскер усмехнулся и опустил на мгновение глаза, пряча вспыхнувшие в них огоньки.

— Ошибаетесь. Я не немец и никогда не был в Пруссии.

— Ложь, — выкрикнул Краузе. — Подлая ложь! Вы оттуда. И будь я проклят, если не видел вас уже где-то... Сдается мне, даже в мундире германского офицера!

Это было все, чего добивался разведчик. Он попросил, чтобы пленного увели.

Когда за немцем затворилась дверь, Керимов обернулся к партизанам и взволнованно сказал:

— Прошу извинить меня за этот... театр!

Те с любопытством глядели на него. Командир отряда, полный человек лет сорока, одетый в зеленые бриджи и трофейную замшевую куртку, встал и засунул руки в карманы штанов.

— А зачем он вам понадобился?

Аскер вынул из-за пазухи толстый пакет.

— Часа два назад я внимательно обыскал автомобиль пленного. Эти бумаги оказались под сиденьем. В пакете личное дело на Курта Краузе и служебная записка. А вы знаете, куда он направлен—в одно из управлений абвера!.. Абвер вместе с гестапо—самые опасные учреждения фашистов. И каждый советский разведчик в этой змеиной норе—такой удар по врагу!.. Допрашивая пленного, я устроил себе самый придирчивый экзамен. И, мне кажется, его выдержал. Краузе признал во мне немца. Я убежден, что могу ехать в абвер вместо Курта Краузе. Конечно, рискую. Больше того: шансы на успех очень невелики. Но они есть. Значит, надо попытаться. Второго такого случая может и не быть.

В землянке воцарилось молчание. Потом комиссар отряда сказал:

— Его же, этого Краузе, знают там. Влипните в первый же день.

— Не знают, в том-то и дело! В письме об этом говорится.

— А сам автор письма?

— Он в командировке, да еще на три месяца!—Аскер взял письмо, поглядел на дагу.— Отправлено неделю назад. Значит, у меня верных семьдесят-восемьдесят дней. За это время столько можно успеть!.. Фотограф в отряде есть?

— Есть и фотограф, есть и специалист—любую печать сделает. И мундир можно подобрать. Только без разрешения я никуда тебя не пушу.—Комиссар покачал головой.

— Или снарядим группу и переправим вас

через линию фронта, — сказал командир отряда. — А там договаривайтесь и — хоть к черту на рога.

— Нельзя ждать. Не успею. — Керимов порывисто встал. — Курту Краузе дано четверо суток на дорогу. Опоздать к месту назначения — значит, вызвать лишние расспросы, а то и подозрения. Это плохое начало... Кроме того, в предписании говорится: следует в такой-то машине, такой-то номер. А где я возьму другой «штеер»?.. Но я и не думаю решать все самостоятельно. Рация ваша в порядке?

— Да, — ответил начальник штаба.

— Отлично. Мы составим текст сообщения, зашифруем и отправим. Я укажу адрес, по которому ваши начальники на «большой земле» должны будут переслать радиogramму. А там меня знают... И решат.

Партизаны видели, что Керимов что-то не договаривает и понимали: очевидно, не имеет права.

Вскоре текст сообщения был составлен и передан через линию фронта.

6

В томительном ожидании прошел день. Керимов бродил по лагерю, разговаривал с людьми, даже шутил. Но делал он все это как-то механически. Мысли его были заняты другим. Он очень нервничал.

Ночь наступила. Разведчик долго ворочался в постели, пока не забылся тревожным сном. Только он закрыл глаза, как в землянку вошел посыльный, тронул его за плечо.

Керимов вскочил на ноги. Сон с него мигом слетел.

— Ну? — выдохнул он.

— Вас вызывают в штабную землянку, — сказал партизан.

Разведчик поспешил туда. Его встретил начальник штаба.

— Вам приказано ждать, — сказал он.

Через час радист принял новую шифровку. Вечером партизанам предлагалось встречать парашютиста.

...Самолет появился над лесом ночью. Он точно вышел на скрытую в чаще поляну, где были зажжены сигнальные костры, сделал круг, затем сбавил газ. И вот уже партизаны заметили спускавшегося с неба гостя.

Вскоре посланец «большой земли» сидел в штабной землянке. Это был подполковник специальной службы — пожилой человек, полный, медлительный в движениях, молчаливый. Он пил чай, курил трубку и слушал доклад Керимова.

Затем подполковник так же неторопливо изучил захваченные документы Курта Краузе, сделал несколько пометок в блокноте и попросил привести пленного, которого допросил на чистейшем немецком языке.

Следующие полтора часа подполковник провел в землянке радиста, сам установил связь и обменялся со своим начальством радиogramмами.

Закончив работу, подполковник отыскал Аскера Керимова, и они неторопливо двину-

лись к темневшим неподалеку деревьям. Там офицеры остановились. Подполковник сказал:

— Товарищ Керимов, руководство нашло возможным принять предложенный вами план...

Сказано это было просто. Подполковник говорил тихо, делая короткие паузы между словами. Но вместе с тем в голосе его чувствовалось волнение,

какая-то торжественность.

Чувства эти передались Аскеру. Он закусил губу, побледнел. На виске забилась, запульсировала жилка.

Помолчали.

— Я должен вас спросить, — сказал подполковник. — Чувствуете ли вы себя абсолютно готовым? Хватит ли сил, выдержки, воли?..

— Хватит, — хрипло проговорил Аскер.

— Хорошо. — Подполковник поднял голову и, глядя ему в глаза, сказал: — Гвардии старший лейтенант Керимов, передаю боевой приказ. Вам предстоит внедриться в систему абверштелле!

Он опустил на валявшееся рядом бревно, указал Аскеру на место возле себя.

— Конкретного задания пока не получите. Ваша цель — проникнуть во вражескую среду и ждать. Никакой работы, пока вас не отыщет

связной. Он и передаст все, что нужно... Впрочем, об этом поговорим после. А сейчас все внимание пленному. Мы должны знать все, что касается его самого, его старой и новой службы, связей, родственников, друзей и прочего... Словом, все детали. Вы понимаете меня?

— Так точно, товарищ подполковник.

— И особенно подробно надо установить все об авторе письма, которое оказалось при Краузе... как его?

— Мориц Келлер.

— Да, о штурмфюрере Морице Келлере... Времени у нас мало — через сутки вы должны быть уже в дороге. Поэтому начнем допрос немедленно. Кое-что нам известно. Полагаю, что к утру станет ясно и остальное. Потом вы ляжете отдыхать, а я буду думать. Во второй половине дня работаем вместе. — Подполковник задумался, потер виски. — Да, необычайно трудную предстоит решить задачу... Она сложна вдвойне, ибо мы сильно ограничены во времени... Ладно! — Он встал, решительно разрубил ладонью воздух. — Отправляйтесь к командиру отряда и попросите, чтобы нам выделили свободную землянку и доставили туда пленного.

Глава четвертая

Еще сутки прошли. На рассвете третьего дня несколько групп партизан покинули лагерь и двинулись к дороге. Одну из них возглавлял командир отряда. Здесь был и подполковник. Группа вышла к песчаному подъему и залегла

возле кювета. Вторая группа под начальством комиссара прошла километров пять западнее и тоже заняла позицию у шоссе. Еще одна группа устроилась километрах в трех к востоку от песчаного подъема. Ею руководил начальник штаба отряда. С этой позиции отлично просматривалось шоссе: километров десять на восток, а на запад — вплоть до песчаного подъема.

Неподалеку от позиции начальника штаба у обочины шоссе стоял легковой белый автомобиль. Капот машины был поднят, Керимов, одетый в мундир германского офицера, возился в моторе.

С наступлением дня безлюдное до того шоссе ожило. В оба направления шли легковые автомобили и грузовики, проносились мотоциклы, изредка неторопливо пылили танки. Несколько раз проезжавшие мимо офицеры притормаживали и осведомлялись, не могут ли они помочь обер-штурмфюреру. Хозяин «штеера» благодарил, но от помощи отказывался: неисправность обнаружена, и он ее скоро устранил.

Так продолжалось несколько часов. Когда солнце стало клониться к горизонту и шоссе обезлюдело, где-то далеко на западе в небо поднялась ракета. Комиссар отряда сигнализировал: с его стороны машин нет, он может перекрыть шоссе.

Аскер увидел ракету. Настало время действовать. Он проверил автомат, лежавший на сиденье. Как-то сразу стало жарко, и он расстегнул крючки воротника своего нового мундира.

С востока показался автомобиль. Разведчик поморщился — это был грузовик с солдатами, а нужен был легковой автомобиль с офицерами. Минут через десять за грузовой машиной проследовал штабной автобус с десятком гитлеровцев — это тоже не устраивало Керимова. А потом жизнь на шоссе замерла. Прошло четверть часа. Разведчик волновался все больше. Скоро начнет темнеть, и тогда машин на шоссе не встретишь.

До наступления темноты осталось не больше часа, когда, наконец, на пустынном шоссе показалась подходящая машина. Легковой автомобиль шел с востока, был далеко, и в распоряжении разведчика имелось несколько минут. Он присел на подножку «штеера», вытер платком влажный лоб и закурил. Пальцы, державшие сигарету, чуть дрожали.

Все ближе машина. Когда она подъехала, Аскер встал и поднял руку. Автомобиль остановился. Два офицера, сидевшие в нем, вопросительно смотрели на хозяина неисправного автомобиля.

— Свеча, — виновато улыбнулся «оберштурмфюрер», — проклятая свеча подводит уже третий раз. А запасной нет...

Сидевший за рулем худой гауптман молча пошарил рукой где-то внизу и перебросил незадачливому автомобилисту пеструю квадратную коробочку. Машина тронулась и продолжала путь.

Аскер рассеянно вертел в руках коробочку со свечой, наблюдая за автомобилем. Когда тот отъехал на порядочное расстояние, он швырнул свечу в придорожные кусты, захлоп-

нул капот машины и сел за руль. Почти тотчас же начальник штаба выпустил в воздух ракету.

Теперь предстояло действовать группе командира отряда, расположенной у песчаного подъема, к которому приближался автомобиль с немцами. Вот он достиг подножья холма, стал взбираться на подъем.

— Приготовиться, — распорядился командир. — И глядите, чтобы все как надо!..

Несколько лучших партизанских стрелков, специально отобранных для этой операции, тщательно прицелились. Сейчас они должны были выполнить не совсем обычную задачу и потому волновались.

— Огонь! — раздалась команда.

Гулко, неторопливо застучали винтовки.

Выстрел — и зашипел воздух из правого переднего колеса машины.

Выстрел — и заглох пробитый мотор.

Автомобиль накренился, стал.

Офицеры выпрыгнули из него, упали в кювет и начали отстреливаться.

Партизаны вели огонь, не торопясь. Пули их вздымали фонтанчики песка у кювета, за которым прятались гитлеровцы, ложились справа и слева, но — странное дело! — ни одна не достигала цели.

Фашистские офицеры лихорадочно выпускали пулю за пулей, с ужасом сознавая, что кончаются патроны, а с ними исчезают и шансы на спасение.

Командир отряда повернулся к лежавшему рядом партизану в немецкой шинели.

— Царапни-ка того, который слева. Только гляди, чтоб не очень!..

Партизан кивнул, улегся поудобнее и выстрелил, затем — еще раз. Одна из пуль достигла цели. Худой гауптман схватился за пробитое плечо и со стоном опустился на дно кювета.

Теперь за двоих отстреливался спутник гауптмана, пожилой оберст. Он держал в каждой руке по пистолету и выпускал последние патроны. Еще несколько минут, и он погибнет. Помощи ждать неоткуда — сколько он ни оглядывал шоссе, оно пустынно, не видно ни одного автомобиля...

Оберсту показалось, что в кустах что-то мелькнуло. Он выстрелил. Ствол пистолета мягко качнулся вверх, затвор выбросил стреляную гильзу и остался открытым: патроны в обойме кончились. Офицер проверил второй пистолет. Там было два заряда.

«Вот и конец», — с тоской подумал оберст.

Взгляд его в последний раз скользнул по дороге. Немец чуть не вскрикнул от радости. На шоссе показался автомобиль. Он шел на большой скорости. Видно было, что сидящий за рулем офицер ведет машину одной рукой, а другой — держит наготове автомат.

Оберст узнал белый автомобиль. Он принадлежал обер-штурмфюреру, который четверть часа назад просил свечу.

У начала подъема «штеер» притормозил. Его владелец выскочил на дорогу, спрыгнул в кювет и кинулся на выручку, ведя огонь из автомата. Очередь, вторая, третья. В кустах, где засели те, что обстреливали гауптмана и оберста, послышались крики и стоны: видимо, обер-штурмфюрер стрелял метко.

А тот все усиливал огонь.

— Держитесь! — кричал он, приближаясь к оберсту.

Вот он уже рядом и, продолжая стрелять, протягивает офицеру пистолет. Теперь огонь ведут двое.

С каждой очередью автомата обер-штурм-фюрера огонь из кустов слабел. Но оберст не сомневался, что опасность все еще велика и нельзя недооценивать противника. Поэтому обороняющиеся, наскоро перевязав гауптмана, продолжали обстреливать невидимого врага.

Так продолжалось еще некоторое время. Из кустов отвечали одиночными выстрелами. Затем смолкли и они. Все было тихо. Тогда Аскер и оберст поползли вперед и обследовали кусты. Там никого не оказалось — только стреляные пилы...

— Удрали, — презрительно усмехнулся Аскер.

Его спутник, к которому успело вернуться самообладание, сказал:

— Эти бандиты никогда не выдерживают организованного сопротивления. Главное, когда встречаешься с ними, — не струсить и не растеряться.

Керимов кивнул. Они вернулись к кювету. Аскер поднял гауптмана и понес к машине. За ним, озираясь и держа наготове автомат, следовал оберст.

...Была ночь, когда Аскер доставил раненого немецкого офицера в ближайшую комендатуру полевой жандармерии. Пока оберст объяснял обстоятельства происшествия, пока составляли протокол и ходили за врачом, со-

ветский разведчик возился с раненым, устраивая его на жестком комендантском диване.

— Как вас зовут? — спросил слабым голосом гауптман.

— Краузе. Обер-штурмфюрер СС Курт Краузе.

Раненый попросил, чтобы обер-штурмфюрер записал для него свою фамилию, имя и город, где служит. Аскер с готовностью исполнил это и, в свою очередь, занес в блокнот; гауптман Иохим Динкершмидт, штаб сорокового армейского корпуса.

Обменялся советский разведчик адресом и с другим офицером. Запись об оберсте гласила: Юлиус Штюльпнагель, интендантское управление группы войск.

Оберст сказал:

— Обер-штурмфюрер Краузе, я обязан вам жизнью. И я не теряю надежды, что мы еще встретимся, хотя и служим далеко друг от друга.

— Да, — кивнул Аскер. — Наше знакомство было гм... несколько необычно. И я хотел бы сохранить память о нем. Нет ли у вас фото?

— Я только собирался спросить вас об этом! Вы понимаете, что фрау Штюльпнагель была бы рада...

Фото не оказалось ни у немца, ни у разведчика. Но Аскер нашел выход.

— Мы все равно пробудем здесь до утра. Так давайте сфотографируемся все трое.

— Черт возьми, это мысль!

Наутро лучший фотограф городка сделал снимок. За двойную плату он немедленно при-

готовил три отпечатка. Вскоре Аскер уже ехал в своем автомобиле. В кармане рядом со снимком с прочувствованной надписью оберста и гауптмана покоился аккуратно сложенный экземпляр акта о происшествии, составленный комендантом.

Глава пятая

1

Истекали пятые сутки с того дня, как Керимов оказался в партизанском отряде и завладел там документами обер-штурмфюрера Курта Краузе.

Последние двое суток он находился в пути. По двенадцати — тринадцати часов в день мчался на запад «штеер». Аскер позволял себе короткие остановки лишь для того, чтобы осмотреть и заправить машину, поесть, немного отдохнуть. Он запаздывал. Надо было спешить, скорее добраться до города, о котором говорилось в документах Краузе.

Путь автомобиля, начавшийся в лесах одного из восточных районов Львовщины, где был расположен партизанский отряд, проходил затем по крайним западным районам Украины, по югу Польши. И вот уже пошли небольшие городки восточной части Силезии.

Городки в этих местах выглядели в точности, как в рассказах вдовы инженера. В каждом — двухэтажные островерхие домики, крытые железом или красной черепицей, с аккуратным садиком, выстроившиеся вдоль прямых

улиц, в каждом — красная с белым бензиновая колонка, пивной бар на главной улице, несколько магазинов со шторами из гофрированного металла, темная, устремленная ввысь кирха. Но не было в окнах с чисто промытыми стеклами розовощеких девичьих лиц в белоснежных косынках или капорах, не толпились у пивных добродушные бюргеры с короткими трубками в зубах... Мужчин в штатском Аскер вообще почти не видел, — разве только стариков да подростков. Зато часто попадались люди на костылях или в бинтах — раненые и калеки. Женщин было много — они собирались у магазинов, печальными группами стояли возле церквей.

При въезде в каждый населенный пункт был опущен шлагбаум. «Штеер» останавливался. Начиналась длительная проверка документов.

К контрольно-пропускным пунктам Аскер старался подъезжать, пристроившись к какой-нибудь колонне или группе автомашин — в этих случаях проверка шла быстрее...

Раза три его останавливали на дороге передвижные посты на мотоциклах.

До сих пор все сходило благополучно. Но по мере того как он приближался к конечному пункту, все больше усиливалось чувство неясной, гнетущей тревоги. Самое трудное было, конечно, впереди...

Широкая, бетонная автострада взлетела на пригорок. Взору Аскера открылся город. Разведчик был у цели.

В партизанском лагере, после подробного и обстоятельного разговора с подполковником, во время которого были тщательно разработаны все детали и характер действий Керимова, они долго допрашивали Курта Краузе. Убедившись, что расстреливать его не собираются, эсэсовец рассказал о своей прежней службе, о работавших с ним офицерах, сообщил кое-что об абвере, в который получил назначение, обрисовал автора письма, своего приятеля Морица Келлера. О нем подполковник и Аскер выспрашивали особенно подробно: Келлера они считали главной опасностью, хотя и надеялись, что столкнуться с ним Аскеру не придется.

Разведчик взглянул на часы. Было около трех часов дня. Он правильно рассчитал время. В этот час, если бы Келлер по каким-либо причинам задержался с отъездом, он находился бы на работе. И Аскер, отправившись к фрейлен Амелии, почти не рисковал встретить там ее квартиранта. А побывать у нее и убедиться, что Келлер уехал, надо было сейчас же, немедленно. Только потом он мог явиться в абвер.

Таковы были расчеты. Но все получилось иначе.

Когда Аскер подъехал к последнему контрольно-пропускному пункту, документы стал проверять не унтер-офицер, как это было на двух предыдущих постах, а сам начальник пункта. Узкоплечий гауптман с желтым вытянутым лицом долго рассматривал командировочное предписание Краузе, запрятал его в карман, поднял на Аскера глаза и сказал,

что ему, гауптману, как раз надо в управление абвера; они поедут вместе.

«Вот и началось», — тревожно подумал разведчик, с любезным видом распахивая дверку автомобиля. Гауптман сел и резким отрывистым голосом сказал фельдфебелю у шлагбаума, что вернется через час.

Машина шла по улицам города. Аскер подчеркнуто небрежно достал из бортового портфеля сигарету, ловко зажег спичку, на секунду выпустив руль. Когда какой-то прохожий перебежал дорогу под самым носом автомобиля — рассмеялся и пустил вслед крепкое словечко. Все это должно было означать, что он беззаботен и в отличном расположении духа. На деле же разведчик был напряжен до предела. Он поймал себя на том, что все слабее прижимает педаль акселератора, как бы оттягивая время...

Изредка Аскер бросал взгляд в зеркальце на ветровом стекле — в него хорошо была видна лошадиная физиономия гауптмана. Но на ней ничего нельзя было прочесть. Спутник жевал сигарету и изредка командовал, куда ехать.

Вот и управление абвера — большое, массивное здание в дымчато-серой штукатурке, с несколькими подъездами, возле которых прохаживались эсэсовцы с автоматами.

Вслед за спутником Аскер вылез из машины.

Начальник контрольно-пропускного пункта оставил офицера в приемной, а сам прошел в комнату адъютанта начальника абвера. Он находился там минут десять, затем отворил дверь и пригласил Аскера.

Кабинет адъютанта представлял собой просторную комнату, обставленную строго: диван полированного дуба, два кресла у письменного стола, столик с графином и фарфоровыми стаканами, стулья вдоль стены.

Адъютант, человек средних лет, с короткими жесткими волосами, сидел за столом и разглядывал посетителя маленькими глазками, глубоко запрятанными под тяжелыми надбровными дугами.

Аскер остановился у стола и коротко выбросил вперед руку в фашистском приветствии.

— Хайль!— адъютант небрежно приподнял руку. — Ваши документы.

Разведчик неторопливо извлек из сумки пакет, протянул адъютанту, затем вынул из кармана книжечку с тиснением.

— Это мое личное дело, герр штурмфюрер. А вот удостоверение. Что касается предписания, — он повернул голову к стоявшему сбоку начальнику контрольно-пропускного пункта, — то герр гауптман забыл мне его вернуть... Ага, оно, я вижу, у вас!..

Командировочное предписание лежало перед адъютантом. Он оглядел его, затем внимательно осмотрел удостоверение и пакет.

— Вас ждали вчера. — Адъютант сжал

губы. — Вы были в дороге лишние сутки. Почему?

— А... — Аскер изобразил улыбку. — Вот, оказывается, в чем дело!

Он неторопливо полез в карман, вытащил акт, составленный комендантом полевой жандармерии, развернул и положил перед адъютантом.

— Небольшое происшествие.

Адъютант и гауптман прочитали акт, обменялись взглядами. Штурмфюрер взял акт, прошел в кабинет своего начальника. Прежде чем дверь затворилась, Аскер успел заметить, что кабинет пуст. Он понял, что адъютант решил проверить акт, очевидно, по телефону.

Гауптман уселся за стол. Аскер постоял минуту, потом круто повернулся, прошел к дивану, сел, заложив ногу за ногу, зажег, ломая спички, сигарету. Немецкий офицер, наблюдавший за ним, отметил про себя: раздосадован, оскорблен, едва сдерживается. Он усмехнулся: юнец, чванливый и самонадеянный!

Аскер в эти минуты размышлял. Но сосредоточиться он никак не мог. Раньше даже в самые трудные минуты его никогда не покидала уверенность, ясность мысли. Сейчас — не было этого. В сердце закрадывалось сомнение в том, что он действует правильно. И червячок этот точил, точил... Внезапно с острой щемящей тоской вспомнил Аскер родную дивизию, товарищей по оружию. С ними не был страшен никакой враг. Здесь же он был один. И все сразу же пошло не так. Не покидала мысль: вот сейчас отворится дверь и войдет Мориц Келлер!..

Трудные были минуты. И все, что он мог делать сейчас, — это ждать. А ждать было мучительно тяжело. Угнетала не только нависшая опасность, но и другое — сознание собственного бессилия, невозможность действовать, что-либо предпринять... Нет, он нисколько не жалел о том, что прибыл сюда. Конечно, он многим рискует. Но разве те, что бросаются с гранатами под фашистские танки или закрывают собой амбразуры вражеских дотов, — разве они не думают о жизни?.. Именно во имя жизни, но не своей, а жизни и счастья народа, идут они на это!..

Вернулся адъютант. Что-то подсказало Аскеру, что проверка прошла благополучно. Да он, в сущности, и не сомневался в ее результатах.

Адъютант сказал:

— Где вы остановились?

Аскер встал.

— Герр гауптман был настолько любезен, что доставил меня прямо сюда.

Адъютант вновь сжал губы, посмотрел на гауптмана и тот вышел.

— Знаете вы кого-нибудь из управления, кто бы устроил вас на первое время?

Аскер не мог назвать штурмфюрера Морица Келлера, не убедившись прежде, что тот уехал.

— Нет, — сказал он.

— Хорошо. — Адъютант взял лист бумаги, сверился с каким-то списком, написал несколько слов и протянул бумагу. — Это ордер в офицерскую гостиницу. Жить придется вдвоем — в номере уже квартирует один офицер.

— Вдвоем? — Аскер поморщился. — Это

худшее, что я мог предположить. Прошу устроить меня отдельно. Разумеется, это может быть самый дорогой номер. Деньги не имеют значения. Я с фронта и, следовательно, богат.

— Только вдвоем. — Адъютант пожал плечами. — Город часто бомбят: кругом заводы, много зданий разрушено... Гостиница перенаселена. Кстати, питаться придется там же, в офицерском ресторане. Кормят неважно — все лучшее идет на фронт.

— Но к кому и куда я должен явиться?

— Вас вызовут. Группенфюрер Вейс отсутствует. Он будет вечером или завтра утром. Все решит он.

Через полчаса Аскер был в гостинице. Поднявшись вслед за служителем по лестнице, он оказался в просторном коридоре. Служитель двинулся влево, прошел несколько комнат, остановился перед дверью с табличкой 217, поставил чемодан на пол и осторожно постучал. Дверь отворилась. На пороге стоял офицер — с ним отныне предстояло жить Аскеру.

Глава шестая

1

В те минуты, когда Керимов в сопровождении портье входил в свой номер, мимо гостиницы, едва не задев приткнувшийся у тротуара белый автомобиль, пронесся новенький «мерседес». За рулем сидел военный со знака-

ми гауптштурмфюрера. Это был хорошо сложенный человек лет тридцати или немного моложе, со спокойными светлосерыми глазами на широком круглом лице. Сильные руки в перчатках уверенно лежали на руле — офицер отлично вел машину.

Но он не был ни немцем, ни тем более эсэсовцем. И звали его не Гуго фон Герхард, как он значился по документам.

Это был чех, чешский патриот, разведчик.

История того, как он проник в гитлеровскую контрразведку, началась полгода тому назад в Праге, столице протектората Богемия и Моравия, как переименовали Чехословакию оккупировавшие страну фашисты, в одной из подпольных боевых групп, которые были созданы компартией Чехословакии и действовали по всей стране.

Группа, о которой идет речь, была на особом положении. Ни антифашистской пропагандой, ни диверсиями или какими-либо другими обычными делами местных партизан она не занималась. Задача ее состояла в том, чтобы вести глубокую и тщательную разведку в самых труднодоступных организациях гитлеровской Германии.

Члены группы «обслуживали» отели и места увеселений офицеров вермахта, держали под наблюдением транспорт, военную промышленность. Особое внимание было уделено решению задачи — ввести своих людей в штабы и в первую очередь — в органы гестапо и абверштелле. Пока это удавалось плохо: оккупантами был введен жесткий режим контроля. Почти все попытки партизан проникнуть

в систему германской тайной полиции и контрразведки кончались неудачей.

Правда, в этих организациях действовало несколько разведчиков, но они находились на грани провала и должны были уходить.

Таково было положение дел, когда однажды утром к начальнику группы позвонил его помощник — врач военного госпиталя. Им надо было встретиться.

Свидание произошло вечером, на конспиративной квартире. Помощник вошел, поздоровался и положил на стол фотографию. На снимке был один из членов группы в мундире и головном уборе гитлеровского офицера.

— Что за маскарад, — недовольно сказал начальник. — Зачем это ему понадобилось? Он же знает, что без разрешения...

— Это не маскарад, начальник. И Громек здесь ни при чем. — Помощник подвинулся ближе. — Это чужое фото!..

Начальник вновь осмотрел фотографию, удивленно сложил губы трубочкой, присвистнул: с карточки на него глядел двойник Иржи Громека.

— И вы хотите?.. — медленно протянул он.

— А почему бы и нет? — Помощник заговорил взволнованно, торопливо. — Почему не попытаться, начальник? Громек — подходит. Да, да — именно он! Решителен, смел, знает немцев не хуже, чем мы с вами.

— А кто этот? — Начальник живнул на фото.

— В том-то и дело, что не простой армейский чин!.. Это гауптштурмфюрер СС. Его, как

я узнал, где-то здорово трягнуло взрывной волной. Он получил месяц на лечение, лежит у меня. А потом должен ехать к месту новой работы, как я понял, в какое-то управление контрразведки.

Начальник группы был опытен, нетороплив. Помощник ушел, так и не узнав, какое решение принято.

Несколько дней начальник обдумывал предложение своего помощника. Нашел повод дважды повидаться с Громеком, чтобы теперь уже поновому приглядеться к нему. Побывал под каким-то благовидным предлогом в палате госпиталя, где лежал контуженный взрывом гауптштурмфюрер. Только после этого он счел возможным доложить обо всем руководителю пражского подполья, которому был непосредственно подчинен.

Решение подменить гауптштурмфюрера фон Герхарда Иржи Громеком было принято.

С этого дня Громек больше нигде не появлялся. Надежно скрытый от посторонних глаз, он проходил специальную подготовку, подробно изучал данные, которыми располагала группа в отношении структуры и работы абверштелле и гестапо, осваивал радиоаппаратуру, заучивал коды, тренировался в кодировании и расшифровке сообщений. В прошлом

Громек был письмоводителем в туристском отеле, хорошо знал немецкий язык, как, впрочем, многие чехи и словаки. Теперь для еще большего совершенствования в языке он разговаривал только по-немецки. Работу в отеле Громек сочетал со спортом — он был гонщиком-автомобилистом. Сейчас Громек вновь тренировался — это могло пригодиться. Конечно, он ежедневно на несколько часов облачался в мундир гауптштурмфюрера, чтобы привыкнуть к новой одежде.

В это же время помощник начальника группы вел тщательное наблюдение за тем, кого Громек должен был заменить в фашистской контрразведке. Он все больше узнавал о жизни, прошлом, привычках, связях гауптштурмфюрера фон Герхарда. Разумеется, эти данные поступали в группу и оттуда — Громеку.

Через месяц с небольшим офицер был здоров. Однако выписка его была умышленно затянута — так распорядился начальник группы, чтобы дать возможность своему разведчику лучше подготовиться.

Наконец, гауптштурмфюрер фон Герхард покинул госпиталь. Его ждали, перехватили и изолировали.

...Машина миновала центр и выехала на окраину городка. Здесь в два ряда тянулись небольшие особняки. У одного из таких домов Громек притормозил и коротко просигнализировал. Почти тотчас же отворилось одно из окон второго этажа, из него выглянула девушка.

Громок улыбнулся и помахал рукой. Ему ответили таким же жестом. Окно затворилось, и вскоре из дома вышла девушка — тоненькая, светловолосая, миловидная. В руках ее была большая красная сумка.

Девушка уселась рядом с Громеком. Тот обнял ее, что-то прошептал, отчего она засмеялась и шутливо ему погрозила. Машина тронулась.

Соседи знали хорошенькую Хильду Бауер — модистку одного из лучших ателье города. Фрейлен Бауер снимала угол у старой Гертруды Бурц, платила аккуратно, не совала нос в чужие дела. А то, что Бауер частенько где-то пропадает по ночам, возвращается в сопровождении офицеров и, повидимому, навеселе, — это никого не касалось. На то она и модистка — девицы этой категории известны!.. К тому же сейчас, в войну, на подобные вещи смотрели сквозь пальцы. Тем более, что модисткам, не имеющим ни мужей, ни капиталов, тоже надо было как-нибудь жить!

Так рассуждали соседи. Но один из жильцов думал иначе. Он внимательно наблюдал за сценой встречи офицера с девушкой, затем снял трубку телефона и набрал номер.

— Объекты уехали, — сказал он в телефон. — Машина двинулась вдоль Фридрих-алле, на запад.

Через несколько минут отворились ворота небольшого особняка на другом конце городка, и на улицу выкатил длинномордый спортивный «хорх» с белым капотом и черными крыльями. В нем сидели четверо в штатском. Выплюнув клуб дыма, автомобиль резко набрал скорость.

Иржи Громек вывел машину за город. Его «мерседес» мчался по широкому бетонированному шоссе, которое вело к подножью заросшего лесом холма. Вскоре машина свернула на проселок и направилась к вершине холма. Громек сосредоточенно правил. Девушка (под именем Хильды Бауэр действовала чешская патриотка Марта Славичка) деловито раскрыла красную сумку, в которой находился портативный передатчик, взяла у спутника длинный лист с колонками цифр и стала торопливо выстукивать ключом.

Дорога петлями взбиралась на холм. Поднявшись на его вершину, автомобиль сделал поворот. Тут Иржи заметил черно-белый «хорх». Шоссе было магистральным, по нему шли и другие автомобили, но «хорх» сразу же приковал к себе внимание Громeka: где-то уже видел он эту машину!

Между тем, черно-белый автомобиль достиг места, где начиналось ответвление дороги на холм, притормозил — нос его на мгновение прижался к земле, будто «хорх» принохивался к следу, — и решительно свернул на проселок.

Иржи Громек вспомнил: неделю назад, когда эсэсовцы громили коммунистическую организацию, раскрытую в одном из лагерей

военнопленных, на таком «хорхе» в лагерь приехали чины абвера.

Громеку стало не по себе. Минуту он размышлял. Конечно, можно сделать попытку скрыться — здесь столько закоулков, что это не представит особого труда. Но следует ли так поступать? Он подумал и решил: нет, не следует. Если их подозревают, бегство только укрепит подозрения. Если же «хорх» свернул сюда случайно — а это не исключено, — то что ж, никто ведь не может запретить немецкому офицеру проводить свои свободные после дежурства часы так, как ему заблагорассудится.

Громек сделал спутнице знак кончать работу. Марта Славичка кивнула, торопливо отстучала последнюю группу цифр и свернула передатчик.

— Что случилось? — спросила она.

— Кажется, нас преследуют.

Марта круто обернулась и увидела быстродвигающийся за ними автомобиль.

— Этот?

— Да. Машина абвера.

— То есть, ваша?..

— Другая служба. Я еще не уверен, что она идет за нами, но очень похоже на то...

— Так я выскочу и спрячу рацию!

— Нельзя.

— Почему?

— Раз видим их мы, значит, и они видят нас. Найдут передатчик, тогда нам конец.

— Что же делать?

— Сейчас левый поворот. Я прижму машину правым бортом к кювету, чтобы им виден был только наш левый борт. Вы приот-

кроете дверку и, не вылезая, спустите рацию в кювет. Понятно?

— Да.

— И запомните хорошенько место.

— Да.

— Так приготовьтесь!

Иржи мастерски подвел машину к кювету, густо заросшему травой. Девушка ловко вытолкнула передатчик и тот мягко шлепнулся на дно канавы.

Оба облегченно вздохнули.

— Шифровка! — вдруг испуганно вскрикнула Марта.

Громок схватил бумагу с колонками цифр, разорвал надвое и одну из частей взял в рот. Другую часть листа стала торопливо жевать Марта.

Вскоре бумага была проглочена.

— Фляжку! — Громок кивнул на портфель в правом борту машины.

Девушка вытащила оттуда флягу. Отвинтив пробку, она поморщилась.

— Коньяк!..

— Вот и хорошо. Пейте. Надо, чтобы от вас пахло...

Марта храбро сделала большой глоток, с трудом удержалась, чтобы не закашляться, и передала флягу Громеку. Тот тоже отпил, затем пролил немного коньяку на сиденье, на пол автомобиля и небрежно бросил флягу на диван машины.

Дорога начала спускаться вниз. Постепенно «мерседес» сбавлял ход. Убавил газ и преследовавший его автомобиль. Передняя машина стала. Остановился и черно-белый автомобиль.

Пассажиры его несколько минут сидели в кабине, выжидая. Однако из «мерседеса» никто не выходил. Тогда сотрудники абвера приготовили пистолеты и начали осторожно к нему подбираться. Подойдя, они заглянули в кабину. Сидевший за рулем гауптштурмфюрер обнимал молоденькую девушку. Та почти лежала на коленях офицера, запрокинув голову и закрыв глаза. Губы мужчины и женщины были соединены в поцелуе. Из окна с опущенным стеклом бил сильный коньячный дух.

Преследователи опустили оружие. Один из них, высокий, худой человек в черном костюме и черном берете, переглянулся со спутниками и положил руку на плечо Иржи Громека. Мгновенье — и дверка «мерседеса» отворилась. Человек в берете получил сильный удар в лицо и растянулся на дороге. Перед его остолбеневшими от удивления товарищами возник выскочивший из машины офицер с парабеллумом в руках.

— Не двигаться! — скомандовал он. — Руки!

Пассажиры «хорха» подняли руки. Тот, что лежал на земле, зашевелился, поднялся. После этого гауптштурмфюрер, на лице которого было написано негодование, ярость, учинил людям с «хорха» подробный допрос. И тут можно было увидеть, как меняется выражение лица гауптштурмфюрера. На нем явственно проступило вначале удивление, потом смущение и даже растерянность.

— Так вы не бандиты? — воскликнул он. — Ну и ну! Клянусь, я думал, что мы жертва нападения и нас грабят!

Он спрятал пистолет, подошел к агенту в берете, протянул руку.

— Простите меня, приятель... Простите, но виноваты — вы. Когда мужчине мешают в подобных делах он м-м... может убить!

Довольный своей шуткой, гауптштурмфюрер рассмеялся. Затем, став равнодушным к людям с «хорха», он повернулся к ним спиной и склонился над лежавшей в автомобиле девушкой — она, повидимому, была без сознания.

— Вставайте, фрейлен Хильда, — проговорил Громек, — вставайте, все хорошо!

При этом он поднес к ее губам фляжку и подмигнул агентам, приглашая убедиться, как быстро подействует на девушку спиртное.

Почувствовав на губах коньяк, Марта вздрогнула и открыла глаза. Она растерянно посмотрела на посторонних мужчин и тотчас же занялась тем, чем на ее месте занялась бы любая другая девушка, — достала помаду и пудру и стала приводить в порядок лицо и губы. Иржи оставил ее, подошел к пассажирам «хорха».

— Вы следили за мной, не так ли? — спросил он человека в берете.

Тот молчал.

— Зачем? Кого вы ищете?

— Кто-то работает на нелегальном передатчике, — ответил, наконец, тот.

— А!.. — Громек нахмурился, подумал, потом знаком попросил спутницу выйти из автомобиля. — Обыщите машину!

— Но...

— Никаких «но». Обыскивайте!

Сотрудники абвера не смогли бы объяснить, как случилось, что человек, которого они преследовали, вдруг взял над ними верх, навязал свою волю. Контрразведчики окружили «мерседес» и тщательно его осмотрели. Вылезли они смущенные.

— Ну? — спросил Громок.

Контрразведчики молчали.

Громок посмотрел на них с презрением, прошел к машине. Там уже сидела Марта.

...Километров через десять, убедившись, что за ними не следят, Громок остановил автомобиль. Он был бледен; вытащив платок, тщательно вытер мокрый лоб.

— Вам плохо? — спросила Марта.

Иржи криво усмехнулся.

— Перегрусил...

Машина вновь тронулась. Марта сказала:

— Я хочу вас попросить об одной вещи... На Бисмаркплаце есть хороший отель...

— «Европа»?

— Да. Вы должны перебраться туда!

— Зачем это?

— Вчера я получила предложение владелицы лучшего в городе ателье перейти к ней на работу.

— Не понимаю, какая здесь связь.

— А такая, что ателье находится как раз напротив «Европы». И если бы вам удалось снять номер с окнами на улицу, то я могла бы наблюдать за тем, что делается вокруг. Мы были бы ближе друг к другу...

— Что ж, это полезно, — задумчиво сказал Громок.

Ночью Громек не мог заснуть. Одолевали тревожные думы. Так ли благополучно все кончилось, как кажется? Быть может, агенты абвера все еще подозревают его и Марту, составляют новые сети?..

Немало времени прошло с тех пор, как он находится здесь, в немецком тылу. Он уже четырежды передавал по радио важные сведения. В двух случаях это были данные, касающиеся работы абвера, которые представляли огромную ценность. Затем удалось разузнать, что немцы начали на востоке строительство стартовых площадок для летающих торпед ФАУ, чтобы обстреливать советские города. Громек сообщил также данные о местонахождении нескольких важных промышленных объектов, тщательно замаскированных. Четвертое, сегодняшнее сообщение было сводкой о работе советских бомбардировщиков. Они вывели из строя несколько цехов одного из крупных заводов. Но самый серьезный объект района не тронут. Это военный завод, запрятанный в толще скалистой горы. Немцы устроили цехи в естественных пещерах, расширив их. Предприятие только недавно начало работать, и Громек пока не выяснил, что оно выпускает. Но было несомненно, что продукция завода весьма важна. Об этом свидетельствовала строгая секретность, окружавшая все, что имело отношение к заводу. Разведчик советовал сбросить на объект бомбы самых больших калибров — только они могли дать эффект.

Итак, донесение было послано. Теперь предстояло ждать результатов.

4

Утром Марта пришла на работу. Не переодеваясь в специальный халатик, в котором она шила, девушка постучалась в дверь комнаты владелицы ателье.

— Здравствуйте, фрау Шварцкопф! — Марта поклонилась и присела. — Я хочу предупредить, что оставляю работу.

— Как угодно, — хозяйка, полная маленькая женщина в больших очках, недовольно поджала губы. — Как угодно, Бауэр, только доделайте платье, которое вы начали вчера. Нельзя же оставлять дело, не кончив!

— Да, фрау Шварцкопф.

— И потом... разве вам мало платят? — Владелице ателье не хотелось отпускать опытную мастерицу. — Если вопрос в деньгах, то мы могли бы договориться. Вам прибавят...

— Нет, спасибо. Быть может, я и вовсе не стану работать. Видите ли, я собираюсь замуж...

— Ну, как знаете!

На этом разговор был закончен. Марта сдала к вечеру платье, а утром следующего дня отправилась на Бисмаркплац.

Ателье занимало весь первый этаж большого дома и было хорошо оборудовано. Хозяйка заведения Магда Цукерман тотчас же приняла новую работницу.

— Вы не пожалеете, — сказала она, — я буду поручать вам самые интересные зака-

зы... Кстати, через час должна прийти одна клиентка. Это очень капризная дама, ей надо сделать платье для приемов. Посмотрите журналы, модели, словом — приготовьтесь.

— Хорошо, фрау Цукерман. Только я хочу сразу же договориться... Понимаете, я немного слаба здоровьем. Иногда требуются прогулки на воздухе, на час или на два...

— О, это всегда можно устроить.

— И еще: усадите меня поближе к свету, к окну.

— Хорошо, там как раз есть свободное местечко.

Так же быстро договорились и о жалованье. И Марта приступила к работе.

Вечером обо всем этом узнал Иржи Громек. Он жил в офицерском отеле, куда был направлен и Аскер Керимов. После того как Марта переменила место работы, Громек съездил в отель «Европа» и записался там в очередь на номер. Дней через пять комната с окнами на улицу, как это просил офицер, ему была предоставлена. Разумеется, дело не обошлось без взятки.

Глава седьмая

1

Портье внес чемодан в номер и удалился. Аскер вошел в комнату, оглядел человека, с которым отныне ему предстояло жить. Это был коренастый крепыш лет сорока с белыми волосами и розовой кожей.

Аскер представился. Белобрысый назвал себя: обер-лейтенант Орендлицер.

Советский разведчик сказал:

— Я должен извиниться, ибо понимаю, что это такое — жить одному и вдруг получить соседа! Англичане говорят: чем выше забор, тем лучше сосед. А мы должны жить, разделенные только слоем воздуха в полметра. Для вас это должно быть дьявольски неудобно!

Обер-лейтенант наклонил голову и указал Аскеру на кресло.

— Распакуйте чемодан и разденьтесь, — холодно сказал он. — Я покажу, где умывальник. Там можно и побриться.

Разведчик поблагодарил и принялся за дело. Вскоре чемодан был раскрыт, китель снят и аккуратно повешен на спинку стула. Аскер отправился к умывальнику.

Проводив его, Орендлицер выглянул за дверь, убедился, что коридор пуст, и молниеносно обшарил карманы кителя своего нового соседа. Прочитав удостоверение Краузе, обер-лейтенант наморщил лоб: он уже слышал это имя! Офицер напряг память и вспомнил: это было на одной из специальных лекций, которые читались для таких, как он, строевых командиров, только недавно переведенных в контрразведку. И лектор в качестве одного из примеров привел случай из практики оберштурмфюрера Курта Краузе, которого охарактеризовал как большого мастера контрразведки...

Немец положил удостоверение на место. Вскоре Аскер вошел в комнату, раскрасневшийся от холодной воды.

— Отлично, — проговорил он, растирая шею мохнатым полотенцем. — Прекрасно освежился.

— Конечно, — ответил Орендлицер, глядя на собеседника теперь уже с уважением. — Я тоже всегда первым делом... Пожалуйста, полотенце можно повесить здесь... Вы, я вижу, только что прибыли в этот город?

— Да, я с востока, с фронта. — Керимов поморщился. — Второй год, вернее — почти два года без отдыха. И это, если говорить по чести, было отчаянно трудно. Русские оказались сверх всякого ожидания крепким орешком.

— И даже очень крепким. — Орендлицер вздохнул, видимо, вспомнив о неприятных для него вещах. — Я тоже с фронта, и здесь недавно.

— О, всегда рад встретить настоящего солдата! — Керимов протянул офицеру руку. — Кто-кто, а уж мы заслужили этот маленький отдых.

— Не думайте, что здесь курорт, — усмехнулся Орендлицер. — Работа адская.

— Значит, и вы?..

— Да, я тоже из аппарата абвера. Но вы, наверное, старый работник, а я — новичок: командовал ротой, переведен в абверштелле за особые заслуги. — Орендлицер выпрямился и значительно кашлянул.

— И давно здесь находитесь?

— Около месяца.

Керимов вытащил сигареты, затем достал из чемодана оплетенную бутылку с ликером. Офицеры выпили по рюмочке, закурили.

— Я много слышал хорошего о шефе местного управления группенфюрере Вейсе. И, признаться, рад...

— Напрасно радуетесь, — прервал его Орендлицер. — Иоганн Вейс — железный человек, сам работает за четверых и из нас вытягивает все жилы! Резок и суров до жестокости. — Орендлицер запнулся, почувствовав, что говорит лишнее, поспешно добавил: — Впрочем, именно таким и должен быть человек, занимающий его положение!

— Разумеется, — задумчиво сказал Керимов.

Помолчали. Каждый был погружен в свои мысли.

— Ну, давайте укладываться, — сказал минут через десять Орендлицер, вставая и потягиваясь. — За последние дни мне порядком досталось: неделю охотился за одним типом, вчера взял. Оказался агентом, очень тонкой штучкой. Вчера и сегодня мы обливались потом, выколачивая из него показания.

— И как, удачно?

— Черта с два! — Орендлицер отшвырнул носком сапога валявшуюся на полу пробку от шампанского, потянулся к сигаретам. — Молчит...

Да-а, — протянул Керимов, — и даже не установили, на кого работал?

Орендлицер качнул головой, подошел к дивану, уселся, закинув ногу на ногу.

— Все это непостижимо, — проговорил он задумчиво, и в голосе его Аскер уловил растерянность. — Чудак, он мог спасти шкуру. Мы предлагали ему перевербовку, с тем чтобы он

работал на нас у себя в стране!.. Не подействовало даже это.

Вновь наступило молчание. Керимов размышлял над тем, что ему довелось сейчас услышать. Да, вот так и погибнет этот неизвестный герой, и никто никогда не узнает о совершенном им подвиге...

— Завтра я попробую вот что, — сказал Орендлицер. — Я попытаюсь...

Однако договорить ему не удалось. Надсадно завывали сирены. Почти тотчас же резко захлопали зенитные автоматы, застучали пулеметы. Орендлицер погасил свет, прошел к окну и отодвинул портьеру.

Уже стемнело. Но вот вспыхнуло несколько прожекторов, их лучи заметались по небу, отыскивая самолеты. Те уже навесили светящиеся авиабомбы на парашютах. Послышался нарастающий рев моторов — самолеты начали пикировать на цель. Вскоре донеслись взрывы.

— Бомбят заводы, — мрачно пояснил Орендлицер.

Вдруг за окном страшно ахнуло. Казалось, зашатались стены гостиницы.

— Что это? — спросил Аскер.

— Видимо, склад авиабомб, за городом. Черт, какое точное попадание!

— Американцы?

— Нет. Тех перехватывают уже где-то в районе Берлина. А сюда летают русские. Кто мог подумать, что они создадут такую авиацию!

Взрывы раздавались все ближе.

— Надо уйти в бомбоубежище. — Орендлицер не договорил, заметив, что по улице дви-

жется большой автомобиль. — Смотрите, машина начальника абвера! Куда это она в такую пору?.. Право, можно подумать, что генералу надоела жизнь!

Автомобиль пересекал площадь, когда фугаска угодила в расположенное неподалеку здание. Стена дома качнулась и поползла вниз. Обломки обрушились на машину. Она завиляла, наехала на кучу щебня, завалилась на левый бок и запылала.

Несколько секунд Аскер стоял, вцепившись пальцами в подоконник и напряженно раздумывая, затем схватил китель и метнулся из комнаты. Он промчался по коридору, сбежал по лестнице, выскочил на улицу, кинулся к горящему автомобилю. Первый, кого он увидел, подбежав, был шофер с разбитой головой. Сзади, придавленные кузовом, лежали двое.

Один, в генеральском мундире, корчился и стонал.

Разведчик подпер плечом кузов машины, напрягся и выволок эсэсовского генерала. Затем, подняв Вейса на руки, он торопливо зашагал, стремясь скорее отойти от горящего автомобиля.

Навстречу уже бежали какие-то офицеры, солдаты. Сюда же мчался санитарный автомобиль. Генерала заботливо уложили в карету и увезли.

2

Из окна гостиницы обер-лейтенант Орендлицер видел, как его сосед огромными скачками мчался по площади, рискуя ежесекундно получить порцию осколков, как вытащил кого-то из-под машины. Смелость есть смелость, и обер-лейтенант был покорен геройским поступком своего соседа. Но вот Краузе вступил в полосу света. На плече человека, которого он нес, сверкнул генеральский погон. Орендлицер нахмурился и злобно выругался. Его снова подвела медлительность и нерешительность! Конечно же, спасти генерала должен был он, Хорст Орендлицер. Но теперь это совершил другой, и отличный шанс выдвинуться, сделать карьеру был безнадежно утрачен!

Обер-лейтенант отошел от окна, присел к столу и предался невеселым размышлениям. Сколько раз его обходила судьба! Он был туп и не сразу раскусил, что в Германии возьмет верх Гитлер. В результате, когда Орендлицер

96

решился и стал национал-социалистом, все тепленькие места уже были поделены.

Началась война, и он надел мундир офицера. Но попал он не на запад, как многие другие счастливчики, оказался не в Париже или, скажем, в Брюсселе, а на Восточном фронте, замерзал в снегах русской зимы, дважды только чудом избежал гибели, побывав в окружении русских танков...

Только в последнее время повезло немного. Дивизионный абверофицер завербовал его осведомителем. Орендлицер почувствовал, что судьба дает ему шанс. Он донес на двух своих товарищей по землянке, которые не очень почтительно отзывались об особе фюрера. Офицеров взяли. Орендлицера похвалили, а когда он вновь отличился в подобном же деле, — перевели в штат абвера. Вскоре, неожиданно для себя, он был послан сюда. Словом, счастье стало ему улыбаться. И если бы сегодня он, а не этот Краузе вытащил из-под горевшего автомобиля шефа абвера Вейса, карьера Хорста Орендлицера была бы обеспечена.

Обер-лейтенант вздохнул и в ярости выругался. Какой он упустил случай!

Отворилась дверь. В комнату вошел Аскер. Китель его был в крови и пятнах сажи, рука обожжена, на ней вспухли волдыри. Однако офицер, морщась от боли, выглядел, тем не менее, довольным. Это окончательно взбесило немца. И он с этой минуты возненавидел своего нового соседа-счастливчика и баловня судьбы! Но Хорст Орендлицер был достаточно умен, чтобы не выказывать своих чувств. Напротив, он помог соседу снять китель, а затем

позвонил горничной, потребовал бинты и лично перевязал оберштурмфюреру руку. Он понимал, что такой человек может оказаться полезным и с ним не следует портить отношений.

Они поговорили немного, легли. Орендли-цер быстро заснул. Что касается Керимова, то он долго не мог сомкнуть глаз. Сильно болела рука. Кроме того, тревожили думы о Морице Келлере. Ведь сколько бывает случайностей! Могли же по каким-либо причинам отменить или задержать его командировку. И тогда он, быть может, уже наводит справки, не прибыл ли Курт Краузе...

Аскер потянулся за сигаретами, закурил. Заснул он только на рассвете.

3

На следующий день разведчик отправился по известному ему адресу. Нужная улица была быстро найдена. Но она оказалась закрытой для движения. Полиция, оцепившая улицу, никого не пропускала.

У Керимова тревожно заныло сердце.

— Что случилось? — спросил он ефрейтора из оцепления.

— Бомбы, — ответил тот. — Неподалеку завод. Бомбили его, но досталось и соседним домам. Квартал совершенно разбит. Сейчас идут спасательные работы.

— А какие дома?.. Номера известны?

Ефрейтор заглянул в бумажку.

— Сорок два, сорок четыре и все остальные до пятьдесят второго.

Аскер задержал дыхание: в доме номер сорок четыре жила фрейлен Амелия.

Полицейский продолжал что-то говорить, но Керимов уже не слышал.

Осторожно пятясь, белый автомобиль свернул за угол и двинулся обратно.

Разведчик механически вел машину, плохо различал, что делается вокруг. У него вдруг разболелась голова, в ушах шумело. Он как-то вдруг ослаб. А сейчас ему предстояло совершить весьма рискованный шаг.

Керимов подъехал к будке уличного телефона, вылез из машины и опустил в прорезь автомата монету. Спросив в справочном, как позвонить в комендатуру абвера, он набрал номер.

Через несколько секунд глуховатый голос сказал:

— Дежурный слушает.

— Пожалуйста, номер телефона штурмфюрера Морица Келлера, — попросил Аскер, старательно сделав несколько ошибок в произношении.

— Кого? — переспросила трубка.

— Штурмфюрера Келлера.

Вот сейчас последует ответ: штурмфюрер Келлер в командировке и вернется не скоро. Аскер так ждал этих слов!.. Но вместо них дежурный сказал совсем другое:

— Номера телефонов наших работников мы не даем.

— Как же быть?.. Я прибыл с поручением его родных, привез посылку, письма...

— Звоните на коммутатор управления.

— Но я не зря приехал? Он здесь, в городе?

— Да.

Трубка шелкнула, смолкла. Керимов подержал ее около уха и осторожно повесил.

Случилось самое худшее. Надо было немедленно действовать. И Керимов с огромной благодарностью и теплотой вспомнил подполковника, работу, которую тот провел с ним в партизанском лагере. Закончив допрос пленного, подполковник и Аскер вторую половину дня и почти всю ночь сидели в землянке, тщательно перебирая все детали предстоящей операции. Подробно, до мелочей, были разработаны и определены план засылки советского разведчика во вражескую контрразведку, поведение Керимова в дороге и на месте, его действия и реакция при самых различных обстоятельствах и неожиданностях. Подполковник был опытен и не раз работал в обстановке, сходной с той, в которой теперь должен был находиться Аскер. После того как покончили с основными вопросами и уточнили систему связи, которой будет пользоваться Керимов, подполковник настоял на том, чтобы теперь же было разработано несколько вариантов действий Аскера на тот случай, если бы Мориц Келлер вдруг оказался в городе, а не в командировке.

...В первую очередь надо было раздобыть штатскую одежду. В гостинице, в чемодане Краузе хранился один такой костюм, но ехать туда Аскер пока не мог.

«Штеер» заколесил по улицам. В одном магазине разведчику удалось достать мягкую

пляпу. Затем, проехав несколько кварталов, Аскер купил сорочку. В третьем магазине он спросил ботинки. Продавец мог предложить только грубые туфли на резине.

— Война, — сказал он, вздыхая, — изящной обуви не бывает месяцами. Разве только привезут трофеи. Но и тех что-то давно не видно...

Церемониться не приходилось, и туфли были куплены.

Сложнее было с костюмом. Аскер объездил с десяток магазинов, но везде получал ответ: костюмов нет и не ожидается. Наконец, на западной окраине города ему улыбнулась удача. Он вошел в небольшой магазин готового платья. За прилавком стоял хозяин заведения — невысокий толстый человек с залпывшими жиром глазами и проволочными усами. В петлице пиджака поблескивал значок члена фашистской партии.

Костюм? Торговец помедлил минуту, оценивая покупателя, потом улыбнулся и заявил, что откажет любому, но не господину обер-штурмфюреру. Сам он тоже национал-социалист и бывший военный: служба безопасности. Только недавно уволен из-за ранения.

Торговец нырнул под прилавок и вытащил серый пиджак и брюки.

Костюм был узковат, стоил дорого, но Аскер взял его. Когда покупка была оплачена и завернута, торговец поманил офицера пальцем.

— Нет ли у герра обер-штурмфюрера желания приобрести редкостный сувенир? — зашептал он. — Правда, сувенир дороговат, но зато это такая вещь!..

Не дожидаясь ответа, толстяк метнулся в примыкавшую к прилавку комнатку, вернулся с небольшим свертком, распаковал его и поставил на стойку.

Аскер едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Перед ним была голова мужчины, препарированная и высушенная до размера крупного апельсина. Русоволосая, с закрытыми глазами и скорбными складками у углов рта, она покоилась на цоколе полированного черного дерева.

— Настоящая! — шептал торговец, пританцовывая от возбуждения. — Я сам работал над ней в Майданеке, где служил, сам выбирал объект, самолично умерщвлял! Поглядите, герр обер-штурмфюрер, на чистоту исполнения. Ни единого повреждения или пятнышка. Уверяю вас, это был каторжный труд — дробить и извлекать кости, затем сушить ее раскаленным песком, насыпанным внутрь... И за все — только триста пятьдесят марок!..

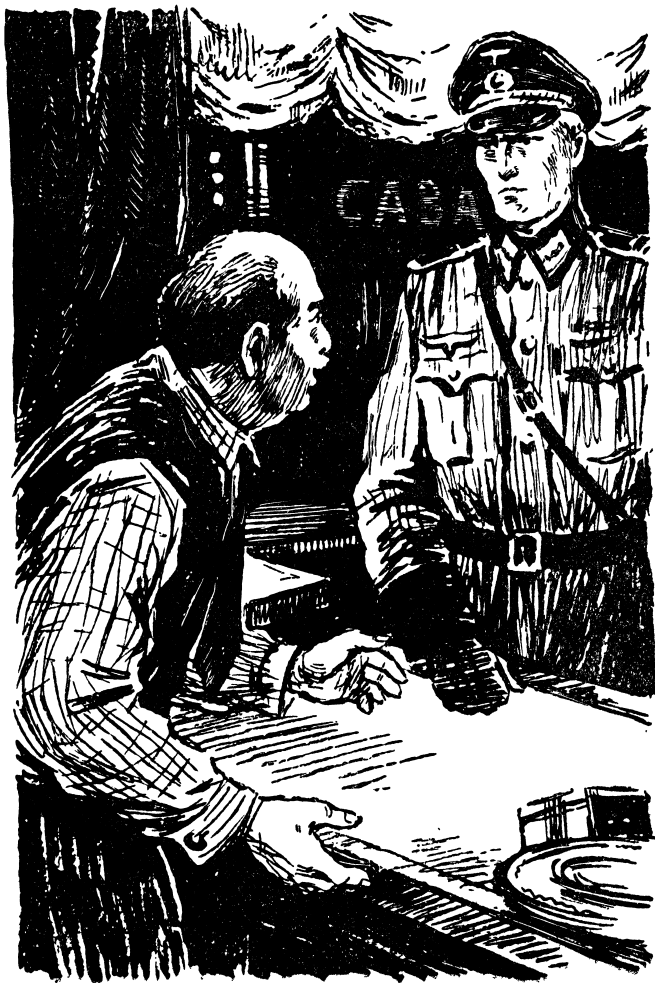
Немалым напряжением воли подавил Аскер в себе желание выхватить пистолет и выстрелить в круглую, красную и лоснящуюся от жира физиономию владельца магазина. Он повернулся и вышел.

— Куда же вы? — кричал вслед ему торговец. — Я сбавлю... Триста марок!.. Погодите, у меня есть еще и голова женщины!..

Отъехав немного, Аскер дрожащими руками зажег сигарету.

Успокоившись немного, он повел машину за город...

Страна старинных замков, тихих городков и живописных хуторов, страна великих музы-

кантов, художников и техников — такой когда-то представлялась ему Германия по книгам и рассказам старушки, вдовы инженера... Нет, Гитлер и фашисты хотят сделать ее совсем другой. И он будет мстить им жестоко, беспощадно!

Выехав за город, Аскер свернул с шоссе на ответвление, которое вело к заросшему лесом холму. Вскоре он был один на дороге. Тогда белый автомобиль взял в сторону и въехал в чашу.

Здесь офицер вылез, тщательно исследовал кусты и стал торопливо снимать мундир. Он переоделся в штатское, аккуратно сложил и спрятал в багажник военный костюм.

В город Аскер вернулся с противоположной стороны. Там он еще раньше заметил маленькую гостиницу.

В сотне метров от гостиницы была стоянка автомобилей. Он оставил машину, а сам пешком прошел к гостинице.

У окошечка портье толпились несколько человек. Слышались раздраженные голоса: свободных номеров не было.

Аскер не стал подходить к окошку. Это не входило в его планы. Он поднялся на второй этаж и знаком позвал коридорного. Маленький седой человечек в грубошерстном синем костюме с вытертыми золотыми галунами на рукавах и воротнике неторопливо приблизился. Остановившись и подслеповато щурясь, он вопросительно посмотрел на Аскера.

— Я валюсь с ног от усталости, ибо ехал без передышки весь день, — сказал разведчик, неторопливо вытаскивая из бумажника пачку

новеньких марок. — И я ничего не пожалею, чтобы хорошо выспаться... Вы понимаете меня?

При виде денег, да еще немалых, равнодушие на лице коридорного сменилось уважением.

— Это невозможно, — сказал он со вздохом. — Все занято.

Аскер пожал плечами и также неторопливо стал укладывать деньги в бумажник.

— Впрочем, есть один номер, — нерешительно проговорил коридорный. — Но он... видите ли... оставлен. Это наш постоянный клиент, и он должен прибыть завтра. Если вы даете слово, что по первому требованию...

— О, на этот счет можете не сомневаться. — Аскер вновь раскрыл бумажник. — Я знал, что мы сговоримся.

— Конечно, конечно. — Старик торопливо спрятал деньги. — Сейчас трудное время, и немцы должны помогать друг другу...

Вскоре Аскер входил в небольшую уютную комнату с мягким ковром, широкой кроватью и квадратным столом у стены. Он снял пиджак и со вздохом удовлетворения прилег на кровать.

— Разбудите меня к десяти вечера.

Коридорный живнул и вышел, плотно притворив дверь. Аскер быстро сел, взглянул на часы. Рабочий день был на исходе. Следовало торопиться. Выждав несколько минут, он осторожно приоткрыл дверь. Коридор был пуст. На столике дежурного стоял телефон. Аскер быстро подошел и снял трубку.

Глава восьмая

1

Шеф абвера «Силезия» группенфюрер Иоганн Вейс получил ожоги и ушибы при аварии автомобиля и смог заняться делами только на четвертый день. Да и то потому лишь, что случилось чрезвычайное происшествие, потребовавшее присутствия генерала на работе.

Вейс сидел в своем кабинете. Левая рука генерала была забинтована и покоилась на перевязи. На скуле красовался синяк, заботливо припудренный. Вейс был мрачен. Настроение ухудшалось по мере того, как он слушал весьма неприятный доклад гауптштурмфюрера фон Герхарда.

— В одиннадцать часов утра, — докладывал Иржи Громек, — неизвестное лицо позвонило дежурному и попросило номер телефона штурмфюрера Морица Келлера. Дежурный допрошен. Он показал, что неизвестный задал только этот вопрос и не очень хорошо говорил по-немецки... Неизвестному сказали, чтобы он звонил через коммутатор.

— И Келлеру позвонили?

— Не сразу... В этот час с Келлером в кабинете находился сотрудник. Они занимались составлением сводки и пробыли в комнате весь день. Сотрудник утверждает, что до двух часов телефон молчал. С двух до четырех телефон звонил трижды. Говорившие установлены. Все трое — наши работники. Но вот в пятом часу телефон зазвонил вновь. Говорил посторонний, как понял сотрудник, какой-то приезжий.

Штурмфюрер Келлер спрашивал неизвестного о своей семье, и тот отвечал. Штурмфюрер пригласил его зайти. Как понял сотрудник...

— Кто находился с Келлером?

— Младший уполномоченный шарфюрер Цугер.

— Продолжайте.

— Как понял Цугер, неизвестный отказался зайти, ссылаясь на усталость и отсутствие транспорта. Он просил прибыть штурмфюрера Келлера. Тот записал в блокноте адрес. Вот этот лист — найден в кармане Келлера, на месте происшествия.

Громок раскрыл папку и показал пришитый к делу смятый листок. На нем было написано: Макс Валле, отель «Дрезден», номер 209, Шарлоттенштрассе, 22».

— Продолжайте, — сказал генерал.

— Сделав запись, штурмфюрер Келлер вскоре оделся и объявил, что едет за посылкой и письмом, которые ему привезли из дому. Он вышел. А через десять минут в полицейское управление позвонил коридорный второго этажа отеля «Дрезден» Альфред Капп — он осведомитель в полиции... Капп сообщил, что только что поселил приезжего. Тот попросился на ночь, и у Каппа как раз был свободен до утра номер. Постоялец подозрителен: не дал на пропуск паспорт. К тому же не имел с собой вещей. Сказался уставшим и тотчас лег. Но через несколько минут Капп заглянул в коридор и увидел его разговаривавшим по телефону... К сожалению, в полицейском управлении не торопились. И когда люди прибыли на место, было поздно. В номере находился лишь

штурмфюрер Мориц Келлер. Он был убит. Удар в затылок...

— Труп ограбили?

— Сняты часы, изъят бумажник. Во внутреннем кармане находилась крупная сумма — Келлер накануне получил месячное содержание. Деньги не тронуты.

— Демонстрация ограбления?

— Да.

— Что предпринято?

— Все безрезультатно. Отпечатков пальцев нет. Очевидно, опытен. Собака привела к стоянке автомобилей — это за углом, и отказалась работать.

— Коридорный?

— Арестован. По-моему, не причастен...
Еще одна деталь...

Громок вынул из кармана пакет, развернул его и положил на стол перепачканный бумажник.

— Это подобрали в семи километрах к западу от отеля, за городом, на автостраде, в пяти метрах слева от полотна дороги, в пруду. На бумажнике обрывок шпагата — очевидно, к нему привязали камень. Но торопились. Камень отвязался, бумажник всплыл. В нем были обнаружены удостоверение штурмфюрера Келлера, деньги.

— Где-нибудь там лежат и часы.

— Их ищут.

— Пусть не трудятся. Ясно и так.

Громок встал, положил на стол лист бумаги.

— Это план мероприятий. Все приведено в действие.

— Хорошо, — сказал Вейс, — я посмотрю. Можете идти.

Громек поднялся и вышел. В приемной сидел офицер. Громек автоматически отметил широкие плечи, золотистые, почти рыжие волосы, светлые глаза и прямую линию рта над твердым, энергичным подбородком.

— Войдите, обер-штурмфюрер Курт Краузе, — сказал адъютант.

Аскер встал, скользнул взглядом по стройному гауптштурмфюреру, равнодушно отвел глаза. Он оправил мундир и шагнул в кабинет начальника абвера.

2

Группенфюрер Вейс сидел, склонившись над бумагами. Он читал и толстым карандашом делал пометки на полях. Кончив, откинулся в кресле, положил карандаш и вперил тяжелый, щупающий взгляд в стоящего перед ним офицера.

— Обер-штурмфюрер Курт Краузе, — громким, резким голосом сказал он, — я знаю, вы выручили меня. Благодарить не собираюсь — это был ваш долг. И не думайте, что можете надеяться хотя бы на малейшее послабление по службе. Вам ясно?

Аскер, глядя в глаза генералу, чуть заметно кивнул.

— Что вы уставились на меня? — в голосе Вейса звучало раздражение. — Чем-нибудь недовольны? Что у вас с рукой?

Аскер искоса оглядел свою старательно забинтованную руку, но промолчал.

Генерал знал, что Курт Краузе пострадал при спасении его, Вейса. Ему понравилось, что офицер не ответил на вопрос. Однако он ничем не показал этого и тем же тоном приказал ему сесть.

Аскер повиновался. Шеф абвера постучал пальцем по обложке личного дела Курта Краузе.

— Вас хорошо рекомендуют. И вы вызваны сюда по весьма важному делу.

Иоганн Вейс рассказал об обстановке. За последнее время активизировалась деятельность разведок противника. Прискорбно, но факт, что разведчики врага проникают во все важнейшие тылы вермахта. Взять последний случай — уничтожение авиацией Советов склада авиабомб близ города. Есть данные, что операция произведена по указанию агента, который действует где-то здесь. Это чех. Его ищут, но безрезультатно, хотя не раз нападали на след. Вывод: аппарат абвера работает из рук вон плохо.

Генерал встал и зашагал по кабинету. Несколько минут прошло в молчании.

Аскер осторожно осведомился: уверен ли генерал в том, что вражеский разведчик действительно существует и действует? Не является ли он плодом воображения некоторых перетрусивших работников? Ведь так иногда бывает...

Шеф абвера покачал головой.

— Сведения точны. Чех заброшен партизанами. Те оперируют где-то в Праге или под Прагой, работают на русских и периодически информируют о своих делах правительство

бывшей Чехословакии, которое сейчас в Лондоне. А там у нас немало м-м... доброжелателей...

— Что еще известно о чехе? — спросил Аскер.

Генерал чуть приподнял плечо.

— За чеха приняли нашего работника фон Герхарда.

— А он, конечно, проверен?

— Разумеется! Проверен на месте. Кроме того, сделан запрос в Берлин с передачей туда фотографии по бильду. Герхард — это Герхард, и довольно об этом!..

Вейс нахмурился, умолк. Несколько минут он сидел, закрыв глаза, положив руки на лоб, как если бы у него болела голова. Но вот он выпрямился и вновь оглядел офицера.

— Вас и некоторых других контрразведчиков, хорошо себя проявивших на фронте, перевели на время сюда, чтобы помочь в расчистке этих авгиевых конюшен. Да, да — именно так, ибо только ими и ничем иным являются сейчас тылы германского вермахта. Чех... Если бы дело было только в нем! Сейчас мы нащупываем и других... А в лесах, как установлено, прячутся группы беглецов из лагерей. Окрестные городки стали пристанищем для дезертиров с фронта. И, самое главное, нами все больше недовольна ставка фюрера. И это справедливо. Абвер провалил две весьма серьезные операции. А месяц назад у нас буквально между пальцев проскользнул советский разведчик!

Аскер сделал невольное движение. Вейс по-своему истолковал его.

— Ага, — воскликнул он, — это проняло вас! Но я не сказал всего: третьего дня неизвестные выманили из штаба и убили офицера абвера. Абвера — поймите это! Вы желаете спросить: почему мы вызываем людей со стороны, хотя раньше обходились своими силами? Я объясню: решено укрепить и освежить все основные отделы, а также подвергнуть деликатной, тщательной проверке кое-кого из управления... Мы хотим поближе присмотреться к ним... Эту работу проведут люди со стороны, не имевшие никаких точек соприкосновения с проверяемыми, в их числе — вы.

Генерал взглянул на часы и позвонил. Вошедшему адъютанту он приказал проводить офицера в отдел, куда тот назначен.

Глава девятая

1

Аскер в глубокой задумчивости шагал по кабинету. Вот уже две недели он здесь и, несмотря на все старания, не может напасть на след разведчика, о котором упоминал шеф абвера Вейс. А это необходимо, чтобы предупредить чешского патриота, над которым нависла опасность. Она велика. Удалось установить, что поисками его занимается еще кое-кто. Видимо, генерал Вейс решил перестраховать себя на случай неудачи обер-штурмфюрера Краузе. Быть может и так, что Курту Краузе все еще не вполне доверяют...

Что разведчик-чех существует и действует, причем весьма энергично, Аскер уже не сомне-

вался. За последние дни он дважды убеждался в том, что советскому командованию стали известны весьма секретные данные, пересланные именно им, чехом. Так, построенный неподалеку от городка большой подземный завод был обнаружен советскими бомбардировщиками и разбит при обстоятельствах, которые не оставляли сомнений, что самолеты хорошо знали, где и как бомбить. Завод только неделю назад выпустил новинку этой войны — первую партию реактивных двигателей, которых с нетерпением ждала гитлеровская авиация. Их погрузили в эшелон. Тот двинулся к самолетостроительному заводу. Особо важный эшелон был сформирован в тайне. Его бдительно охраняла служба безопасности. Однако на одном из перегонов поезд был перехвачен группой бомбардировщиков дальнего действия. Самолеты, до того спокойно пропустившие два других железнодорожных состава, обрушили весь свой бомбовый груз именно на этот поезд и разнесли его в щепы. А через пару дней советские бомбардировщики совершили налет на самый завод. Расположенный в толще скалистой горы, он был почти неуязвим. Разбить его можно было только прямым попаданием бомб самых крупных калибров. Именно так и поступили советские самолеты. Они вышли точно на цель, сбросили трехтонные фугаски. Завод взлетел на воздух. Было ясно, что и в первом и во втором случаях авиацию кто-то наводил. Кто же? Конечно, он, чешский патриот! В правоте этого Аскер убедился после такого случая. Из Праги пришло сообщение о том, что местные подпольщики наладили радиосвязь

с советским командованием. Одно из сообщений, которое удалось перехватить и расшифровать, было о злополучном заводе. В связи с этим в письме советовалось усилить охрану объекта. Однако совет пришел поздно, когда завод реактивных двигателей уже лежал в развалинах.

Так работает этот славный разведчик. У него есть связь. У Аскера ее нет. Уже время было явиться связному, о котором говорил в партизанском лагере подполковник. Но Аскер безрезультатно ходил на явку. А связь ему была остро необходима: он уже располагал кое-какими интересными данными и рассчитывал заполучить еще более важные. Но все это окажется напрасным, если у него не будет связи.

Сейчас, в эти минуты, ему было особенно тяжело. Окруженный врагами, не имея никого, с кем бы можно было посоветоваться, облегчить душу, он был угнетен, нервничал... Ко всему этому примешивалось чувство неудовлетворенности собой. Он считал, что до сих пор фактически ничего не сделал — только проник в абвер и ликвидировал фашиста Келлера. За этим должны были последовать дела, настоящая работа, ради которой он прибыл сюда. Задания же он до сих пор не получил.

Таковы были думы Аскера. Посмотрев на часы, он взял фуражку и спустился вниз. В вестибюле он едва не столкнулся с человеком в черном берете.

Это был Грегор Ост — один из контрразведчиков, преследовавших Громека и Марту на холме. Ост мельком оглядел офицера, пробормотал извинение и прошел наверх.

Вскоре, прижимая берет к груди, Ост стоял в кабинете группенфюрера Вейса.

— Ну, — сказал Вейс, — что принесли нового?

— Сегодня неизвестная радиостанция вновь передавала шифрованный материал. Передатчик запеленговали.

— Что показал пеленг?

— Что передатчик не двигался. Он находился вот здесь. — Ост вынул карту и отчеркнул ногтем крестик у въезда в город с запада.

Генерал оглядел отмеченное место. Это была роща, охватывавшая городок полукольцом.

— Мы кинулись туда, обшарили всю рощу. И никого не нашли. Но, возвращаясь, мы увидели гауптштурмфюрера фон Герхарда. Его и известную вам...

— Они были в зоне?

— Нет, очень далеко оттуда, но...

— Тогда непонятно: почему такое предпочтение фон Герхарду и его даме? Вы располагаете и другими данными?

Ост развел руками, хотел что-то сказать, но генерал поднял руку.

— Я сам занялся этим офицером. Вы говорили о личном деле, подозревая, что фон Герхард и чех — одно и то же лицо. Из архива извлекли и доставили старое личное дело фон

Герхарда, составленное еще тогда, когда и не пахло войной. Я сличил его с новым. Они тождественны. Дальше, — генерал выдвинул ящик, вытащил бланк юбильд-телеграфа с фото и швырнул на стол. — Глядите, это старое фото фон Герхарда прислано из Берлина по моему запросу. Сличите его с другими снимками, с оригиналом, черт вас побери! Сличите. Это одно и то же лицо.

— Одно и то же, — со вздохом согласился Ост.

— А чех заброшен недавно. Это установлено точно. — Вейс встал и шагнул к собеседнику. — А теперь проанализируйте ко всему еще и поведение фон Герхарда, когда вы столкнулись с ним впервые: его вызывающий тон, пощечину — он не постеснялся как следует двинуть вас по физиономии... Я беру все, сопоставляю и едва сдерживаюсь, чтобы не дать вам по второй щеке! Наблюдайте за ним и дальше, кто знает... Наблюдайте, но поймите же: фон Герхард может быть кем угодно, но только не заброшенным к нам чехом. Можно подделать все, буквально все, но не собственное лицо.

Генерал был взбешен. Он стоял, опершись руками на стол, глядя на сотрудника злыми глазами.

— Что у вас еще? — нетерпеливо спросил он.

— Хотел бы поговорить о другом объекте...

— Снова подозрения?

— С вашего позволения, да...

— Кто?

— Обер-штурмфюрер Курт Краузе.

Генерал, только усевшийся в кресло, вскочил на ноги.

— Краузе прибыл всего две недели назад, а чешский разведчик, поймите, работает уже месяца два-три, не меньше. О, какой же вы идиот, Грегор Ост!

Вскоре Ост был на улице. Там его поджидал спутник — немолодой уже мужчина в широком белом плаще, желтых башмаках и тирольской шляпе с пером.

— Послушайте, Фогт, — сказал Грегор Ост, когда они медленно двинулись по улице, — вы уверены, что не ошиблись?

— Что вы, бог с вами! Вы же знаете мою поразительную память на лица!

— Должен признаться, что понимаю шефа, его гнев. Ведь Краузе вытащил его из-под горевшего автомобиля, а еще раньше участвовал в стычке с бандитами и выручил двух офицеров. Согласитесь, что для вражеского разведчика довольно неподходящее занятие спасать от смерти генералов германского абвера и офицеров германского вермахта!

Для меня это пока необъяснимо, — проговорил Фогт. — Но Курт Краузе, которого я видел два года тому назад, похож на этого человека не больше, чем я на вас! Конечно, можно было бы допустить, что здесь простое совпадение фамилии и имени. Так бывает. Это тем более, что Краузе — фамилия распространенная. Но в данном случае я в это не верю: ведь Курт Краузе, которого я знал, получил назначение именно в ту армейскую группу фон Штумпфа, откуда теперь сюда явился второй Курт Краузе.

— Да, — наморщил лоб Ост, — это трудная задача.

— Полагаю, что решить ее можно. Надо найти человека, который бы лично знал Курта Краузе из группы фон Штумпфа.

— Так займитесь этим!

— Занимаюсь.

— И?..

Фогт сокрушенно развел руками.

— Продолжайте. Найдите такого человека!

— Хорошо... Знаете, о чем я мечтаю? Чтобы он оказался тем самым чехом, отыскивая которого все мы сбились с ног!

— Ладно, хватит, — перебил его Ост. — Идите. Однако, если Краузе о чем-нибудь пронохует!..

— Что вы! Мы знаем свое дело.

— Это мы еще увидим. А с тем — вопрос окончательно отпал.

— Вы имеете в виду гауптштурмфюрера?

— Да, кажется, он и в самом деле фон Герхард. Идите и помните: надо во что бы то ни стало найти человека, который бы лично знал Курта Краузе...

Грегор Ост имел обстоятельный разговор с Хорстом Орендлицером, после которого оберлейтенант Орендлицер вышел из управления абвера и направился в гостиницу. Войдя в номер, он заперся и снял трубку телефона.

Ответил Ост, находившийся в комнате, смежной со служебным кабинетом Керимова.

— Я дома, — оказал Орендлицер.

— Отлично. — Грегор Ост вышел в коридор, убедился, что обер-штурмфюрер Краузе находится в своем кабинете, и вновь подошел к те-

лефону. — Действуйте, Орендлицер. Действуйте и не торопитесь. В случае чего, я дам вам знать.

Орендлицер принялся за обыск в вещах соседа. В том, что Ост немедленно позвонит ему, если Краузе вдруг выйдет из управления, он не сомневался. Поэтому Орендлицер работал спокойно.

Вещей было немного, и через полчаса Орендлицер вновь набрал номер Оста.

— Закончил, — сказал он.

— И, конечно, ничего?

— Да.

— Хорошо. Теперь дождитесь его и продолжайте, как мы условились...

Орендлицер положил трубку и лег отдыхать.

Аскер пришел поздно вечером. Он был утомлен, снял китель и собирался уже прилечь, когда Орендлицер, лежавший в кровати, сел и протер сонные глаза.

— Где это вы так долго? — спросил он, зевая.

— Работа, — ответил Керимов, стаскивая сапог.

— А-а... — Орендлицер снова зевнул. — Нет ли у вас сигарет?

Керимов молча протянул ему портсигар. Обер-лейтенант взял сигарету, зажег и выпустил большой клуб дыма.

— А с этим кончили, — сказал он.

Аскер удивленно посмотрел на него.

— Ну, с этим, как его... с агентом! Он подох.

— То есть, его доби́ли?

Орентлицер, не переставая наблюдать за соседом, усмехнулся, кивнул. Керимов подошел к зеркалу, пригладил волосы.

— На вашем месте я не стал бы хвастать такими вещами, — насмешливо проговорил он.

— Ого! — Орентлицер спустил ноги с кровати. — Уж не жалеете ли вы его, милый Краузе?

— Вы дурак, Орентлицер, — спокойно сказал Аскер. — А из дураков и хвастунов вряд ли получится сносный контрразведчик. Поймите: мертвый никогда уже больше не заговорит. Надо быть идиотом, чтобы выслеживать агента месяцами, изловить, а потом уничтожить, не выжав из него все, что он знает!

Орентлицер прикусил язык. Он знал, на какую работу назначен обер-штурмфюрер, и вдруг понял, что сам себе подстроил ловушку. Ведь теперь Курту Краузе ничего не стоит так расписать дело с преждевременным уничтожением вражеского агента, что все обернется против него, Орентлицера!

Керимов лег спать. Сосед оделся и ушел. Выждав минуту, Аскер встал и подошел к окну. Он увидел Орентлицера, пересекавшего площадь по направлению к управлению абвера. Тогда Аскер подошел к своему чемодану, присел на корточки.

С первого же дня своего пребывания здесь он устраивал так, что при запертом чемодане из-под крышки свешивалась малозаметная беленькая ниточка. Сегодня, войдя в номер, он привычно бросил взгляд на чемодан, и показалось, что ниточки нет. Сейчас он убедился, что не ошибся,

Где же она? Быть может, все дело в том, что нитку сорвала горничная, убиравшая номер? Керимов осторожно поднял крышку чемодана, оглядел вещи. Все они были сложены аккуратно, и при обычных обстоятельствах он бы ничего не обнаружил. Но теперь, когда он был насторожен, заметил небольшое, почти неощутимое нарушение порядка. Вот эту сорочку он только вчера получил из прачечной. Тогда она была тщательно отглажена, а теперь слегка смята. Не так, как обычно, уложен бритвенный прибор. А ниточка, вот она — лежит внутри чемодана!..

Керимов несколько не волновался за результаты обыска — в чемодане, конечно, были только обычные вещи. Его встревожил сам факт — кому-то понадобилось рыться в его вещах. Зачем? Хорошо, если это сделано горничной или Орендлицером просто из любопытства...

Тут Аскер вспомнил свой разговор с соседом, задумался. Да, видимо, в чемодане рылся Орендлицер.

Аскер задумался. В памяти всплыл подполковник, вспомнилась беседа с ним в партизанском лагере. При расставании подполковник сказал:

«Не нервничайте, если обнаружите, что за вами наблюдают. Это почти неизбежно и делается в отношении большинства новых работников в порядке профилактики»

Вспомнив об этом, Аскер немного успокоился. Но все же решил, в свою очередь, изучать Орендлицера.

Аскер неторопливо шел по главной улице города. Сейчас среда, вечер, семь часов без нескольких минут. Каждую среду в это время он должен совершать прогулку в район моста в центре города. Здесь в этот день и час назначена встреча со связным, если тому удастся благополучно добраться до города.

До моста было далеко. Прогуливаясь, разведчик размышлял. Вчера ему удалось кое-что разузнать о ходе следствия по поводу ликвидации штурмфюрера Морица Келлера. Дело взял под личный контроль группенфюрер Вейс, и это было тревожно. Все получилось слишком шумно. Он, видимо, сработал грубо.

Аскер поморщился: плохо!..

Назначенный на проверку людей, он оказался изолированным от других отделов управления. Не удалось и завести нужные знакомства среди сотрудников — те, раскусив, какой работой занят Курт Краузе, сторонились его. Он был окружен атмосферой холодной вежливости, за которой чувствовалась неприязнь, враждебность.

...Вот и мост. Как и было условлено с подполковником, Аскер подал сигнал — похлопал стеком по голенищу левого сапога, дважды снял фуражку и отер лоб. С сильно бьющимся сердцем прошелся он по мосту, купил на его противоположном конце газеты, зашел в магазин, оглядел оттуда мост. Там были прохожие, но — не те... Связной не явился.

Разведчик купил какую-то мелочь и двинулся обратно.

По пути он завернул на почтамт: надо было

справляться о корреспонденции, которая могла поступить на имя Курта Краузе.

Писем не оказалось.

— Жаль, — разочарованно протянул Аскер и улыбнулся хорошенькой девице, разбиравшей корреспонденцию.

— Сожалею, герр Краузе! — сказала работница, не без интереса посмотрев на представителя офицера.

Разведчик повернулся, чтобы идти.

— Герр Краузе, минуточку, — воскликнула девушка. — Вы ведь из управления абвера?

— Да, фрейлен. Но откуда вам известно?..

— О, я видела раз, как вы выходили отсюда... Понимаете, я хотела попросить вас... У меня скопилось много писем до востребования одному офицеру. На некоторых конвертах приводится и его чин. И я подумала, что, быть может, он тоже из абвера и знаком вам...

— Возможно, но я не понимаю...

— Боже мой, это же так ясно!.. Письма есть, а за ними не приходят. Они скопились за последние полтора месяца, и я собиралась уже отсылать их назад: у нас строгие правила. Но я сказала себе: Анни, а вдруг этот офицер в командировке? Ведь, вернувшись, он будет огорчен!..

— Как фамилия офицера?

— Сейчас. — Девушка порылась в ящике и сказала: — Фон Герхард.

Аскер вспомнил о подозрениях двух сотрудников абвера в отношении фон Герхарда, проверку, которую производил группенфюрер Вейс. Личность офицера была установлена с абсолютной точностью. И все же...

— Хорошо,— сказал Аскер. Фон Герхарда я не знаю, но наведу справки. — Он улыбнулся. — Как, кстати, имя фрейлен?

— Меня зовут Анни Гельвиг.

Через час девушка была вызвана и, бледная от страха, сидела в служебном кабинете Аскера.

— Вы принесли все письма? — спросил офицер, рассматривая пачку конвертов.

— Да.

— Хорошо. Теперь подпишите это.

Он протянул посетительнице текст обязательства хранить молчание обо всем, касающемся писем гауптштурмфюрера фон Герхарда.

— Но я и так никому не скажу ни слова!

— Верю, но и у нас строгие правила.

Анни вспомнила недавний разговор в здании почтамта, уловила в тоне офицера шутку и рассмеялась.

— Все, — сказал Аскер. — Пропуск ваш уже отмечен. Вы свободны. Письма вернем завтра. Я принесу их сам... Кстати, что делает фрейлен сегодня вечером?

— Фрейлен свободна. — Анни Гельвиг кокетливо повела плечом.

— Я хочу повидаться с вами. Кино «Голиаф». Восемь часов. Идет?

Девушка кивнула.

Аскер не раз собирался завести подобное знакомство. Все офицеры имели либо жен, либо дам сердца, а он был один, и на это могли обратить внимание. Сейчас представился подходящий случай.

Вечером Аскер побывал с Анни в кино, проводил ее, вернулся в управление и засел за письма фон Герхарда. Они были аккуратно распечатаны и прочитаны, с каждого была снята копия.

Утром все письма, за исключением одного, самого свежего, Аскер отнес на почтамт.

— Анни, — сказал он, — я не смог разыскать фон Герхарда. Однако, если он вдруг появится, письма отдайте. Но смотрите: он может поднять скандал, если узнает...

— Что вы! Я ничего ему не скажу.

— Вы умная девушка. Вечером на том же месте?

— Да! — Анни радостно кивнула. Ей все больше нравился новый знакомый.

Аскер вернулся к себе и в оставшееся до обеда время вновь просмотрел копии писем. Все они были от родных. В первых по датам письмах содержались всякие домашние новости, просьбы беречь себя, всячески избегать восточного фронта. В дальнейшем тон писем стал беспокойный. Авторы их тревожились молчанием фон Герхарда. Почему он не пишет? Быть может, нездоров?.. С каждым новым письмом тревога нарастала. В последнем письме, которое Аскер не вернул, после очередной порции упреков за молчание, сообщалось, между прочим, что давнишний друг и приятель фон Герхарда Вольфганг Эмрих, считавшийся убитым, внезапно объявился: оказывается, он был в плену у русских партизан и бежал.

Разведчик отложил бумаги, откинулся на спинку стула и задумался. Сегодня он решил узнать кое-что о фон Герхарде.

Когда настал час обеда, Керимов отправился в офицерский ресторан. Там обычно столвались все холостяки, в их числе и гауптштурмфюрер фон Герхард.

Еще с улицы сквозь большое потрескавшееся стекло заведения увидел Аскер того, кто его интересовал. Фон Герхард сидел в дальнем углу; за его столиком обедали еще двое.

Большой зал ресторана быстро заполнялся. Аскер походил по тротуару. Вскоре посетители заняли оставшиеся столики. Затем он увидел, что соседи гауптштурмфюрера расплатились и ушли. Тогда разведчик вошел. Вскоре он оказался у столика фон Герхарда.

— Разрешите присесть? — спросил Аскер.

Громок холодно кивнул. Ему не нравился молчаливый обер-штурмфюрер, занимавшийся проверкой контрразведчиков.

Аскер опустился на стул, заказал обед. В ожидании он закурил и принялся рассматривать посетителей. Так прошло несколько минут. Внезапно Аскер поднялся.

— Ба, — воскликнул он, глядя на входившего в ресторан офицера. — Лопни мои глаза, если это не Эмрих!.. Клянусь, это он!

Немец, так, казалось, заинтересовавший Аскера Керимова, подходил все ближе, и по мере этого выражение радости на лице Аскера уступало место разочарованию.

— Ошибся, — с досадой проговорил офицер. — Ошибся, но как они дьявольски похожи!.. Вы никогда не знали Вольфганга Эмриха? — обратился он к соседу.

Иржи Громек в недоумении посмотрел на Краузе, отрицательно покачал головой и вновь уткнулся в тарелку.

Так Аскер установил, что на фон Герхарда не произвело никакого впечатления имя чело- века, о котором говорилось в письме, как о его самом близком друге.

Аскер продолжал выполнять свой план.

— Бутылку портвейна, самого лучшего, — распорядился он, когда принесли обед.

Вино было доставлено.

— Выпейте со мной, — сказал он соседу. — У меня большая радость. Проходил мимо почтамта, заглянул на всякий случай, хотя и не рассчитывал, что получу так скоро письма — я недавно с фронта... И что вы думаете? Целых три письма! Одно лежало неделю. Работавшая там девушка дала мне хороший нагоняй: она уже хотела наводить справки об адресате или отправлять письма назад. Так выпьем? Это такая радость — получить из дома письмо!

Громек улыбнулся и поднял бокал.

— Рад за вас, — сказал он.

...Настал вечер. Стоя у подъезда кино, Аскер с нетерпением ждал прихода Анни Гель- виг. Наконец, девушка появилась.

— У меня новость, — сказала она. — Фон Герхард пришел за письмами!

— Ну вот и хорошо. А вы хотели возвращать их. — Аскер постарался весело рас- смеяться.

Глава десятая

1

Грегор Ост встретился со своим помощником Фогтом через пять дней. Ост был хмур, рассеян.

— Я начинаю сомневаться в ваших выводах, Фогт, — сказал он. — Судите сами. У тех двух офицеров, участвовавших вместе с Краузе в дорожном происшествии, я был лично. Я затратил на это уйму времени, но сумел повидать и того и другого. Гауптман Иоахим Динкершмидт, взглянув на фотографию Краузе, которую я привез с собой, сказал: «Это он. Он действовал геройски, фактически спас меня, и я смог бы головой поручиться за этого офицера». Затем я разыскал оберста Юлиуса Штюльпнагеля. И этот — горой за Краузе. «Побольше бы таких, — сказал он, — и мы бы давно выиграли войну».

— Вы уверены, что речь шла о том самом человеке? Они могли напутать...

— Уверен, Фогт. — Ост вздохнул. — Штюльпнагель показал мне фото: по его предложению он, Динкершмидт и Краузе сфотографировались на следующее утро после происшествия...

— А как запрос в армейскую группу фон Штумпфа?

— Проволочной связи с ней нет. Запрос передан по радио. Недавно эту группу сильно потрепал противник, и она отступила куда-то на северо-запад, в болота, где сам черт ногу сломит. — Грегор Ост вытащил и развернул

бумагу. — Вот ответ на радиogramму. Он поступил сегодня, тоже по радио. Фотографии обер-штурмфюрера Краузе у них нет. Фото имеется в личном деле, и это дело у нас. Приметы Краузе обычны. Их добросовестно перечислили, но они ничего не дают...

Фогт сказал:

— Мои успехи значительнее ваших. Я нашел человека, который знает, вернее знал обер-штурмфюрера Краузе.

— Знал? Что это значит? Уж не убит ли Краузе?

— Убит. Но не он.

— Кто? Говорите же!

— Штурмфюрер Мориц Келлер! Но это не все. Установлено, что никаких посылок или писем семья Келлера ни с кем не отправляла.

— Быть может, убийца вовсе и не из родных мест Келлера?

— Я уверен в этом.

Фогт встал из-за стола, где происходил разговор, прошел к широкому, низкому шкафу, распахнул дверку. Там лежал измазанный в грязи серый костюм.

— Найден в районе того самого лесистого холма, где у нас однажды была встреча с фон Герхардом. Помните?

Рука Оста невольно потянулась к подбородку, все еще побаливавшему. Он спохватился, опустил ее.

Фогт поднял и расправил костюм.

— Совершенно цел. Не хватает только мелочи: второй пуговицы на животе. Но я отыскал и ее!

— Где?

— В том самом номере, где было совершено убийство. Мы с Орендлицером специально отправились туда, ибо я стал догадываться, чей это костюм. Пуговица была там. Она закатилась в щель, в углу комнаты.

— Значит, это одежда убийцы?

— Да, хотя коридорный не опознал костюма и сказал, что не помнит и посетителя. Он стар и слеп, как сурок... Но дальше. Костюм грязен, ибо в лесу побывал под дождем. Однако он абсолютно нов. Карманы чисты — в них ни соринки. А в эти петли на брюках, наверное, никогда еще не просовывали пуговицу. Сопоставив все, я подумал: а что, если костюм был специально куплен для того, чтобы совершить в нем акцию, а затем снять и уничтожить или выбросить? Если это так, то его ведь могли купить и в нашем городе. Тогда я стал ездить по магазинам готового платья. — Фогт понизил голос и придвинулся к собеседнику. — В одном магазине костюм опознали. Хозяин вспомнил, когда

продал его. Это было в день убийства Келлера, только утром. И купил его военный!

— Офицер? Солдат?

— Офицер. И торговец твердо сказал, что может узнать этого человека.

— Кому доложено?

— Вы сошли с ума! Перехватят другие. А раскрыть это дельце — значит получить такую награду! — Фогт присвистнул. — Нет, я не дурак. Я молчал и ждал вас.

— Вы умный человек. — Грегор Ост с чувством пожал собеседнику руку. Он встал и взял шляпу.

— Едемте!

— Куда?

— В магазин. Я хочу сам допросить его.

...У магазина стояла толпа. Предчувствуя недоброе, Грегор Ост и его спутник расшвыряли зевак и ворвались в помещение. Там на полу лежал толстый владелец магазина.

2

Чрезвычайные обстоятельства принудили Аскера Керимова ликвидировать торговца готовым платьем. С момента убийства штурмфюрера Келлера разведчик предпринимал все для того, чтобы побольше узнать о ходе следствия. От Орендлициера ему стало известно, что параллельно с гауптштурмфюрером фон Герхардом этим делом занимается и Грегор Ост с помощниками. А Ост в абвере считался мастером распутывания самых сложных дел.

Аскер насторожился. Он видел, что Ост проявляет большую активность. Ведь именно он помог фон Герхарду в розыске бумажника Келлера. На душе становилось все более беспокойно. Керимов никак не мог простить себе, что не уничтожил, а лишь запрятал штатский костюм. Эта оплошность могла ему стоить дорого!

Так оно и случилось. Аскер, наблюдавший за людьми Оста, с чувством острой тревоги установил, что Фогт и Орендлицер нашли-таки злосчастный костюм! А когда эсэсовцы побывали в гостинице, а затем Фогт стал объезжать магазины готового платья и отыскал заведение, где был куплен костюм, Керимов понял, что, хотя и с некоторым опозданием, но должен заставить замолчать фашиста, торговца одеждой.

Он выждал неподалеку, убедился в том, что Фогт ушел и что в магазине нет покупателей, и открыл дверь.

— Я явился за сувенирами, — сказал он.

Хозяин магазина побелел от страха — он уже знал, с кем имеет дело. Совершив над собой усилие, чтобы казаться спокойным, он прошел в комнату, заперся, сорвал с рычага трубку телефона и трясущейся рукой стал набирать номер. Керимов перескочил через прилавок и вышиб плечом тонкую дощатую дверь.

— А-а! — завопил торговец.

Он метнулся в магазин. И там его настиг Аскер...

3

Снова наступила среда — день, когда могла состояться встреча со связным. В назначенное время Аскер подходил к мосту.

У перил, облокотясь на них, спиной к реке стоял пожилой человек с усталым, несколько обрюзгшим лицом, в заломленной на затылок шляпе и просторном пыльнике. Человек курил и косо сплевывал в воду.

«Любой другой, но только не этот», — подумал Аскер, проходя мимо. Но порядок есть порядок. И разведчик постегал себя хлыстиком по левому голенищу, затем снял фуражку и вытер платком лоб.

На все это связной должен был ответить несколько своеобразно: выплюнуть сигарету, раздавить окурочок каблуком, сказать «проклятый табак!» и зажечь новую. Аскер не поверил глазам: человек в пыльнике так и поступил!

Ошеломленный разведчик едва нашел в себе силы, чтобы зажечь сигарету, обломив предварительно две спички — так тоже было условлено.

Он продолжал прогулку. Минут через десять человек в пыльнике обогнал его. Аскер пошел следом.

Они встретились в общественной уборной, расположенной в городском парке, под землей.

— Запомните,—шепнул связной,—это очень важно. Надо нащупать шпионскую школу, постараться проникнуть в нее, разузнать побольше о школе и ее руководителе... Когда все установите, будет подготовлена операция...

— Где расположена школа?

— Где-то поблизости. Руководит некто по кличке «Бешеный».

— Фамилия, чин?

— Не знаем. Данные со слов перехваченного агента этой школы. Больше он ничего не сказал. Так запомните: «Бешеный»... Да! Он — хромой... Прощайте. Через две недели в это же время, здесь. Придет, быть может, другой...

Аскер возвращался домой, погруженный в глубокое раздумье. Завязался сложный узел. Надо было продолжать бдительно следить за теми, кто ведет расследование дела по ликвидации Морица Келлера, а теперь — и торговца готовым платьем. В абвере знают, что оба дела связаны между собой и, конечно, будут стремиться распутать их во что бы то ни стало... Сейчас ко всему этому прибавилась шпионская школа...

Не давали покоя мысли о фон Герхарде. Странно он вел себя. Почему тогда, в ресторане, он никак не реагировал на фамилию и имя своего друга? Почему не являлся на почтамт за письмами, а после разговора в ресторане — вдруг немедленно истребовал эти письма?.. Мог он при обычных обстоятельствах не интересоваться корреспонденцией из дома, от родных? Мог забыть о письмах и не проверять их поступление на почту? Нет, не мог! Значит...

Аскер тряхнул головой. С выводами не следовало торопиться. И потом, надо оставить на время фон Герхарда. Главное сейчас — школа разведчиков. Школа, школа!.. Он силился припомнить что-нибудь, хоть какой-либо намек на то, что она существует. Но нет, ничего и никогда не слышал он ни о школе, ни о «Бешеном».

Все эти мысли теснились в голове. Размышляя, он неторопливо брел по улице. Обедать не хотелось — не было аппетита, и к тому же он неважно себя чувствовал. И Аскер решил отправиться в гостиницу, чтобы немного отдохнуть.

У рекламного щита он остановился: серия фотографий рассказывала о новом фильме. Внимание привлекло несколько фотографий, изображавших различные моменты футбольного матча.

— Ого, вы, я вижу, любитель спорта!

Аскер обернулся. Рядом в блестящем черном плаще стоял гауптштурмфюрер фон Герхард.

— Любитель, — ответил Аскер.

Иржи Громек задумчиво сказал:

— Когда-то и я играл в футбол и, говорят, не плохо...

Им было по дороге. Они пошли вместе. Попутчик беззаботно болтал, но Аскер дважды уловил в его взгляде настороженность... «Похоже, что и он изучает меня», — подумал Аскер.

Он не ошибся. Громека все больше интересовал обер-штурмфюрер Курт Краузе. В ресторане, во время обеда, когда Краузе упомянул о полученных письмах, Громек мысленно выругался с досады. Как это он упустил, что на имя фон Герхарда могла прибывать корреспонденция! Конечно, он немедленно отправился на почтамт. Так оно и оказалось. Ему предстояло получить полдюжины писем. Громек ждал, что, вручая их, работница упрекнет его, как упрекнула Курта Краузе. Но девушка передала письма и только молча посмотрела на него. Это было очень странно. После долгих размышлений он решил ближе присмотреться к обер-штурмфюреру Краузе.

У гостиницы офицеры расстались, ибо жили в разных местах. Аскер вошел в вестибюль, опустился в кресло, зажег сигарету и сделал несколько глубоких затяжек. Он думал о фон Герхарде. Сегодня утром были вновь тщательно исследованы все относящиеся к нему материалы и документы. Но Аскер не обнаружил ничего такого, что дало бы повод хоть к малейшим подозрениям или сомнениям. А сомнения, несмотря ни на что, не оставляли его.

Аскер закрыл глаза, потер костяшками пальцев переносицу, как делал всегда в минуты трудных раздумий. И внезапно его охва-

тила тревога. А что, если поведение фон Герхарда — тонкая, очень хитрая игра? Уж не прощупывают ли таким образом самого Аскера?.. Сейчас, когда возникла эта догадка, он находил подозрительным и поведение Анни Гельвиг. В самом деле, кто поручится, что вся история с письмами не подстроена? И тогда выходило, что не он «разрабатывает» фон Герхарда, а тот его. Обожгла мысль: зачем сегодня подошел на улице гауптштурмфюрер? Ведь он не поступал так раньше! Значит, возможно — провоцирует, изучает, ловит, ждет, чтобы он, Аскер, раскрылся... Разведчик беспокойно завожился в кресле. Теперь уже казалось, что действия фон Герхарда, поведение Гельвиг, работа Орендлициера связаны между собой, являются звеньями одной и той же цепи, которой его хотят захлестнуть и опутать!.. А он распустил нервы, расчувствовался и едва не клюнул!..

На лестнице слышались шаги. Аскер поднял голову и увидел обер-лейтенанта Орендлициера. Тот только что закончил разговор по телефону с Грегором Остом и теперь спешил к нему.

— А, это вы? — воскликнул Орендлицер. — Почему не идете отдыхать?

— Сейчас, вот только докурю.

— Об убийстве в магазине готового платья слышали? — Орендлицер значительно поджал губы и наклонился к Аскеру. — Очень и очень странно! Похоже, что и здесь, и в отеле, где прикончили Келлера, действовала одна и та же рука. И мы ее нащупываем, эту руку!..

— Думаю, что это возможно, — ответил Керимов. — И я бы с радостью поработал вместе с вами.

— За чем же дело!

Орентлицер в глубине души считал Краузе образцовым контрразведчиком и потому скептически относился к подозрениям, которые Грегор Ост питал к его соседу по номеру. Больше того, он полагал, что, работая с Куртом Краузе, быстрее выдвинется и сделает карьеру. Нет, решительно Краузе лучше, чем угрюмый и замкнутый Грегор Ост, который вечно что-то недоговаривает, к тому же так и сверлит собеседника своими маленькими колючими глазами.

Обер-лейтенант шагнул к Аскеру, положил на плечо руку.

— Хотите, я поговорю?.. Мы бы с радостью...

— К сожалению, это зависит не от меня. — Аскер покачал головой. — Я чудовищно загружен.

Орентлицер разочарованно наморщил лоб и ушел.

Глава одиннадцатая

Большой тупорылый автобус с приглушенным рокотом мчался по широкому шоссе, совершая свой обычный междугородный рейс. Пассажиров было немного: на вытертых клеенчатых сиденьях покачивалось несколько мужчин, пожилая крестьянка с двумя детьми, две девушки — по виду мелкие конторские служащие. На заднем сиденье находился молодой

человек в желтой замшевой куртке с «молниями».

Неподалеку от небольшого городка автобус сделал очередную остановку. Вошел новый пассажир. Это был Эрих Фогт, помощник Грегора Оста.

Машина тронулась.

Фогт прошел назад, уселся на предпоследнее сиденье. И почти тотчас же на колени контрразведчика упала скомканная бумажка. Фогт прихлопнул ее рукой, незаметно развернул и прочел. Там было всего несколько торопливых карандашных строк. «Второе сиденье от шофера, у окна, слева. Осторожно, он, кажется, уже догадывается... Поэтому передаю его вам, а сам схожу».

Фогт спрятал записку, медленно поднял голову. Впереди, на указанном в записке месте, сидел мужчина. Фогту были видны его округлые плечи, широкая шея с аккуратно подстриженным затылком, который прикрывали поля поношенной кастровой шляпы.

Если бы Фогт прошел вперед и заглянул в лицо пассажиру, то отметил бы спокойные темные глаза на смуглом лице с густым румянцем во всю щеку, усики «стрелочкой», мягкий подбородок с ямочкой. Этот человек был связанной Александр Гришко и шел он на встречу с Аскером Керимовым.

Через полчаса машина вновь остановилась. Гришко, не поворачивая головы, уголком глаза видел, как пассажир в замшевой куртке подхватил свой чемоданчик, прошел к выходу. Здесь он расплатился с шофером, неуклюже

соскочил на землю и направился к видневшейся неподалеку ресторации.

Этого человека Гришко заметил еще накануне вечером, когда в ожидании автобуса устроился на ночь в маленькой гостинице. Тот сидел в закуской при гостинице и, казалось, целиком был занят едой — перед ним лежал кусок холодной свинины и стояла кружка пива.

Однако Гришко, молодой по возрасту, но уже опытный разведчик, почувствовал, что человек в куртке наблюдает за ним. Гришко устроил проверку — вышел из гостиницы и двинулся по улице, как бы прогуливаясь перед сном. Немного погодя вышел и человек в замшевой куртке.

Александр Гришко, походив, вернулся в гостиницу, лег. Часа через полтора он поднялся, пошел в умывальную. Человек в куртке сидел в холле, утонув в глубоком кресле и, казалось, спал.

Утром они очутились в одном автобусе. Правда, наблюдатель влез в машину первый. Но он сел именно в тот автобус, на который еще с вечера забронировал себе место Александр Гришко.

Да, теперь уже разведчик не сомневался в том, что тянет за собой «хвост». В продолжение всего пути Гришко время от времени вынимал маленькое зеркальце и, смотрясь в него, приглаживал усики. Делал он это для того,

чтобы видеть то, что происходит сзади. И от него не укрылось, как человек в куртке коротким, почти незаметным движением перебросил записку вновь вошедшему пассажиру. Все было ясно. Один агент передал его другому, так как, видимо, почувствовал, что начинает мозолить глаза. По этой же причине он затем покинул автобус.

Но почему за ним следят? Где допущена ошибка, просчет, которые дали повод для подозрений? Гришко тщательно перебирал в памяти каждый свой шаг с того момента, как оказался здесь, на территории Германии, с документами румынского коммивояжера, разъезжающего по делам солидной бухарестской фирмы. Документы у него были хорошие, язык он знал превосходно. Во вражеский тыл его забрасывали уже третий раз. До сих пор все сходило. Но на этот раз он где-то промахнулся... Но где?

Гришко напряженно думал, терялся в догадках, но ничего не мог прояснить.

Между тем Эрих Фогт и его коллеги заинтересовались молодым румынским коммивояжером не без оснований. Все началось с ночи, которую Александр Гришко провел два дня назад в Кракове, в гостинице «Феникс». Он прибыл туда поздно, прямо с варшавского поезда и не смог получить отдельного номера.

Гостиничный портье повертел в руках его документы и задумчиво вернул. Нет, он ничем не может помочь господину Георге Попеску. Номеров нет и не предвидится.

Портье любил румынских коммерсантов. Они вкусно пахли марками и с ними можно

было не церемониться. Поэтому служитель повернулся к Гришко спиной и занялся своими делами. Дальше все обстояло, как и рассчитывал портье. Коммивояжер предложил ему взятку. Деньги перекочевали в карман портье, после чего приезжего поместили в комнату, где уже квартировали двое.

Ночью к дежурному по отделению военной жандармерии ввели высокого костлявого старика. Посетитель сел, положил на стол локти и наклонился вперед.

— Я поймал шпиона, господин обер-лейтенант, — сказал он.

Дежурный с любопытством оглядел посетителя. Сколько раз уже он имел дело с такими вот обывателями, которым всюду и везде мерещится вражеский разведчик. Он кинул в рот сигарету, зажег ее, уселся поудобнее.

— Ну, выкладывайте, где он, этот ваш шпион?

— В гостинице, господин обер-лейтенант!

— Стоп! — Офицер, щурясь от дыма, придвинул к себе лист бумаги. — Давайте по порядку. Ваше имя, профессия, место жительства.

— Но он убежит! — Старик приподнялся с места, вцепился длинными тонкими пальцами в край стола.

— Отвечайте на вопросы! Кто вы такой?

— С вашего позволения, Карл Хорнер... Я мясник, господин обер-лейтенант, живу в Глюкштадте, сорок километров к западу отсюда. Приехал по делам, завтра должен заключить сделку... И вот...

— Так, — протянул офицер, делая запись. — Теперь документы.

— Но у меня их нет, они в гостинице!..

— Ладно. И шпион, говорите, там?

— Да, да!.. Я все расскажу. Значит, дело обстояло так... Нас в номере было двое — я и Эбергард Фрик, мельник из Глюкштадта. Мы уже ложились спать, когда коридорный ввел в комнату третьего. Это был молодой парень со странной фамилией... Смуглый, усики... Ну, мы представились, как и полагается порядочным людям... Ага, вспомнил! Попеску. Его фамилия Попеску!

— Румын?

— А кто его знает?.. Я не очень в них разбираюсь... Ну, все чинно-благородно. Легли спать. А полчаса назад просыпаюсь... Понимаете, страдаю бессонницей, господин обер-лейтенант, а если удастся смежить глаза, сплю очень чутко... Так вот, просыпаюсь от сознания, будто кто-то говорит. Сажусь в постели. Действительно, разговор!

— По-румынски?

— Нет! — Старик встал, хлопнул ладонью по столу. — В том то и дело, что это было по-русски! И голос доносился с того самого места, где стояла кровать этого...

— Румына?

— Да.

— Говорил во сне?

— Именно. Именно, господин обер-лейтенант!

Дежурный, который теперь уже заинтересовался показаниями странного ночного посетителя, торопливо писал на листе. Вот он поднял голову.

— А что говорил тот самый... Какие слова?

— Я был так ошеломлен, что почти ничего не запомнил... Это было отрывочно, неясно... Погодите, кажется... Ага, он вспоминал какую-то Наташу. Есть такое женское имя у русских... Затем пауза, и вдруг отчетливо сказал: «Скоро вернусь, береги Степку».

— Степку? — переспросил дежурный.

— Да. Есть такое мужское имя у русских.

— Но откуда их язык знаете вы?

— О! — Старик поджал губы, покачал головой. — Я старый солдат, воевал еще в первую мировую войну. Тогда же попал в плен и два года провел в России... Но к делу, идемте скорее, он может улизнуть!

— Нет. — Дежурный взял старика за локоть, проводил в соседнюю комнату. — Вы останетесь пока здесь. А мы сделаем, что надо.

— Но я не хочу так, — запротестовал мясник. — Все должны знать, что это сделал именно я!.. У меня два сына в СС. И я очень надеюсь на благодарность... Мой сосед уже получил такую отличную землю на востоке!.. Ведь вы не обманете бедного старика, господин обер-лейтенант?

— Ладно, ладно, — с досадой сказал дежурный, которого раздражала алчность старого мясника.

Обер-лейтенант вернулся к себе, снял трубку телефона, связался с управлением контрразведки. Машина заработала. Документы подозреваемого были подвергнуты незаметной тщательной проверке. В Бухарест полетел телеграфный запрос. Коммивояжера тайно сфотографировали. А утром, когда он взялся за дверную ручку, соответствующим образом об-

рабочанную, то оставил на ней четкие отпечатки пальцев...

За коммивояжером было установлено наблюдение. И вот теперь, когда агента в замшевой куртке заменил в автобусе Эрих Фогт, гитлеровской контрразведке уже было известно, что подозреваемый не тот, за кого себя выдает.

Автобус продолжал мчаться, все больше приближаясь к конечной станции. Вскоре он был у пригородного контрольно-пропускного пункта. Гауптман с лошадиным лицом, тот самый, что отвозил в управление абвера Аскера Керимова, стал проверять документы пассажиров. Всех их пригласили в комнату начальника пункта. Гауптман вызывал каждого к столу и поочередно опрашивал. Затем документы возвращались, и прошедший проверку пассажир выходил, чтобы вновь занять место в машине.

Так были отпущены четверо. Пятым к столу подсел Александр Гришко. Гауптман полистал его паспорт, осмотрел полицейское свидетельство, дававшее право на въезд в ряд западных районов страны, задал несколько вопросов. Гришко ответил.

— Хорошо, — сказал гауптман, возвращая документы. — Вы свободны, господин Попеску. И я могу сделать вам комплимент: отлично говорите по-немецки. Почти никакого акцента, который, как я думал, обязателен у каждого румына... Знаете ли вы другие языки?

— Только свой родной и вот — язык вашего великого народа.

— Хорошо, — повторил гауптман. — Больше вас не задерживаю.

Гришко встал, поклонился и вышел. Теперь он был встревожен еще больше. Разумеется, вопрос о языках был задан ему неспроста.

Пару минут спустя комнату гауптмана покинул и Эрих Фогт. Вскоре все пассажиры были в сборе. Автобус тронулся и въехал в город.

На центральной площади Гришко сошел и направился в гостиницу. Завтра среда — день, когда предстояло встретиться с тем, ради кого он прибыл сюда. Но Гришко понимал: идти на явку он не может, прежде чем не отделается от наблюдения. А повидать Керимова он должен был обязательно. В руки советской контрразведки попал еще один агент той самой шпионской школы. Теперь о ней было известно гораздо больше. И связной имел задание — передать Аскеру Керимову приказ готовиться к приему группы парашютистов, помочь им организовать изъятие документации и архивов, а затем уничтожение самой школы, ее руководителей и обучающихся.

Вот и гостиница. Портье будто ждал его — номер был предоставлен быстро, без обычных в таких случаях проволочек. И здесь, идя с ключом по коридору, Гришко вновь увидел того, с кем проделал первую часть пути в автобусе. Правда, агент был сейчас не в замшевой куртке, а в другой одежде, но Гришко хорошо его запомнил и тотчас узнал.

Он вошел в номер, поставил саквояж, снял и повесил на спинку стула пиджак. Подойдя к окну, Гришко задумался. Комната была на втором этаже, окно выходило в сад. И Гришко решил. Когда стемнело, он выключил свет, бесшумно открыл окно. Он спустится в сад и

уйдет. Время до полуночи можно провести в каком-нибудь кино, там «подцепить» женщину и пойти к ней... При мысли об этом его покорило, но другого выхода не было — он не мог оставаться на улице ночью. О паспорте, который остался у портье, Гришко не думал — имелись другие документы. Правда, на паспорте была фотография... И все же Гришко надеялся, что сможет завтра выйти на явку, а затем исчезнуть...

Он сел на подоконник, перебросил через него ноги, сполз вниз по карнизу, повис на руках. До земли теперь было недалеко. Он разжал пальцы и спрыгнул вниз.

— Не двигаться, — произнес сзади голос. — Поднять руки!

Гришко, только что выпрямившийся после прыжка, резко согнулся, кинулся в сторону. Он наткнулся на кого-то, ударил. В темноте раздался стон. Человек упал, увлекая за собой и Гришко. Завязалась борьба. На него навалился еще один, потом еще... Силы были неравны. Вскоре Гришко сидел, прислоненный к дереву, со скрученными за спиной руками, щурясь от направленного в лицо яркого света фонаря.

Прибыл автомобиль. Гришко усадили на задний диван. По бокам поместились двое. Впереди, рядом с шофером сел агент, наблюдавший за ним в коридоре. На коленях у него покоился чемоданчик Гришко.

— Поехали, — сказал тот, что сидел справа.

Гришко скосил глаза и увидел высокого худощавого человека в темном штатском костюме и черном берете.

Это был Грегор Ост.

Через час арестованного лично допрашивал генерал Вейс.

Александр Гришко сидел, глядя в сторону, и молчал.

— Ладно, — сказал Вейс, — вы не желаете назвать свое имя, национальность, на кого работаете. Все это понятно. Вы сильный человек, и я уважаю таких. Но для вас все кончено. Вот, — он жестом указал на лежащие на столе бумаги, — вот ответ из Бухареста, вот донесения тех, кто сопровождает вас уже много дней. Никакой вы не румын. Вы русский.

У Гришко чуть дрогнули веки.

— Вы русский, — продолжал Вейс, — и мы знаем это. Говорите, выкладываете все: куда шли, зачем или... к кому?

Гришко молчал.

— Быть может, вы сделаете это ради... — генерал быстро взглянул на бумаги, — ради вашей Наташи?

Гришко резко выпрямился, поглядел в глаза Вейсу.

— ...И ради вашего Степки? — бесстрастно закончил шеф абвера.

Александра Гришко будто током ударило. Он мгновенно вспомнил ночь в Кракове. Конечно же, именно в ту ночь, которую он провел в общем гостиничном номере, приснилась семья — жена и сын. Его долго мучили какие-то кошмары, чудилось, что с ними происходит несчастье... Он видел их, хотел предостеречь, звал... И, наверное, вслух произнес имена!.. Гришко вспомнил, как, проснувшись, он сел в кровати, огляделся. Кровать одного из соседей

была пуста. Тогда он не придал этому значения. Но теперь!.. Значит, тот самый тощий старик услышал и донес...

— Ну? — повторил Вейс.

Гришко тяжело вздохнул и вновь отвернулся.

Потом его отвели в камеру. Вейс спустился туда и присутствовал при усиленном допросе, в результате которого Александр Гришко был превращен в сплошь кровоточащую и вздрагивающую массу.

Но он так и не сказал ни слова.

Через день его расстреляли.

Глава двенадцатая

1

Группенфюрер Иоганн Вейс, изловивший мнимого румынского коммивояжера, но так и не раскрывший его подлинное лицо, был не в настроении. Вообще его последнее время преследовали неудачи. До сих пор тянулось следствие по делу об убийстве штурмфюрера Келлера, и в нем не было никакой ясности. Шеф абвера вызвал гауптштурмфюрера фон Герхарда и сделал ему резкий выговор.

Громок пытался оправдаться, но вот в кабинет вызвали Грегора Оста. Ост продемонстрировал найденный в лесу костюм, а затем пуговицу, обнаруженную в номере гостиницы.

— Что установлено еще? — спросил группенфюрер Вейс.

— Пока ничего, — ответил Грегор Ост.

Он не терял надежды сам распутать дело и потому умолчал о заявлении продавца, что покупателем костюма был военный.

Генерал распорядился: работу будет продолжать Грегор Ост. Фон Герхард передаст ему имеющиеся материалы следствия, а сам получит новое задание. Он выедет в командировку.

Вейс вызвал помощника, штандартенфюрера Кригера и дал необходимые указания.

Оставшись один, группенфюрер набрал номер телефона.

— Это вы? — спросил он.

— Да, — ответил голос.

— Все ли в порядке?

— Да. Заканчиваем. Когда вы приедете?

— Сообщу.

И он повесил трубку.

2

Человек, разговаривавший с Вейсом был начальник той самой шпионской школы, которой должен был заниматься Аскер.

Школа готовила агентуру для выполнения заданий в Советском Союзе и была особо тщательно законспирирована. В управлении абвера о ней знали только Иоганн Вейс и два его помощника. Доступ в школу имел лишь шеф абвера.

Странное впечатление оставлял руководитель школы. Широкие покатые плечи, выпуклая грудь, тонкая талия, крепкие, шалитые руки — все должно было свидетельствовать о силе и здоровье. Но впечатление это пропадало

ло при первом же взгляде на лицо человека — маленькое, худое, с остро выпиравшими скулами, обтянутыми серой дряблой кожей.

Начальника шпионской школы звали Вальтер Гассель. Он лет двадцать провел в Советском Союзе, объездил его вдоль и поперек и хорошо знал. Несколько раз Гассель нелегально переходил границу, не всегда, впрочем, благополучно. В последний раз он переползал вспаханную служебную полосу, волоча ногу, перебитую пулей пограничника. Память об этом осталась навсегда: с тех пор Гассель хромял.

Кличку «Бешеный» Вальтер Гассель получил уже здесь, в Германии. Она была дана за поистине неистовую, бешеную ненависть Гасселя ко всему советскому. Впрочем, не только советскому. «Бешеный» был ярый националист, фанатически преданный фашизму, люто ненавидел все то, что лежало к востоку или западу, к северу или югу от границ Германии.

Все относящееся к Гасселю и его школе было строго засекречено. В городе «Бешеный» появлялся изредка, чтобы, как он выражался, встряхнуться. Впрочем, он немногим рисковал — здесь он был известен лишь как инженер Ругге. Считалось, что доктор Ругге руководит специальной химической лабораторией, которая отдалена от города и изолирована в виду имеющейся опасности взрыва.

На этого человека и был нацелен Аскер Керимов. Задача была необычайно трудная: предстояло установить Гасселя, определить, где находится его школа, побольше разузнать о ней. И только потом он мог действовать

Громек уехал. Керимов вплотную занялся поисками шпионской школы. Разведчик развил огромную активность. Пользуясь предоставленными ему правами в связи с заданием по проверке людей, он перерыл груды архивного материала, осторожно опрашивал сотрудников, беседовал с посторонними. Но ничего не узнал.

Аскер ломал голову, казалось бы, над неразрешимой задачей и ничего не мог прояснить.

После долгих раздумий он пришел к выводу, что если и есть поблизости такая школа и такая личность, как «Бешеный», то они не имеют отношения к местному абверу. Значит, надо искать иначе. Но как? Может быть, идти от обратного, искать не хромого и его заведение, а тех, кто должен быть связан с ними? Кто же мог иметь отношение к школе или хотя бы знать что-либо о ней? И Аскер сказал себе: летчики с расположенного неподалеку аэродрома бомбардировочной авиации дальнего действия. Если школа находится здесь, в довольно глубоком тылу, то заброску подготовленных ею шпионов легче всего производить по воздуху.

Разведчик занялся летчиками. Он еще раньше замечал их, завсегдатаев офицерского ресторана и кабаре. Но тогда они его не интересовали.

Вскоре работники абвера заметили перемену, происшедшую с обер-штурмфюрером Краузе. Раньше его едва можно было затащить вечером в ресторан — обер-штурмфюрер предпочитал просиживать эти часы в своем кабинете.

Теперь же Курт Краузе стал проводить в увеселительных местах ночи напролет. Всегда при деньгах, красивый, веселый, он был неистощим на выдумки.

Вокруг него кипело веселье, собирались любители посмеяться, выпить за чужой счет. Таких всегда находится немало.

Между тем, Аскер искал. Осторожно, но тщательно ощупывал он тех, что окружали его: все это было не то, что нужно.

Так проходили дни. Связной в очередную среду не явился. Аскер и не подозревал о той трагической участи, которая постигла Александра Гришко. Он не знал связного в лицо. В свою очередь, и Гришко ничего не было известно о человеке, которого он должен был встретить на мосту, опознать по условному знаку и передать задание.

В часы, когда Аскер оставался наедине со своими мыслями, он был хмур, мрачен. Начинали закрадываться сомнения. Правильно ли он действует? Ведь самое драгоценное тратится впустую — время. А его не вернешь.

Настроение ухудшалось так же и из-за обстановки на фронтах. Гитлеровские армии теряли огромное количество людей, техники, но кое-где лезли вперед. На востоке шли тяжелые бои. Наступление советских войск задерживалось.

Однажды — это было в субботу, часа в три ночи, когда веселье в кабаре достигло кульминации, — в зал вошла группа пилотов. Они прибыли сюда, видимо, прямо с аэродрома: в руках у некоторых были большие штурманские планшеты.

Летчики расселись вокруг двух сдвинутых столиков, заказали вино, ужин. Выглядели они утомленными, рассеянными.

Один из летчиков, гауптман со шрамом на левой щеке, встал и поднял бокал.

— За память тех, кого никогда уже не будет среди нас, — сказал он.

Шум за столиками оборвался. Пилоты поднялись и молча выпили. Керимов догадался, что они, видимо, вернулись с боевого задания и не досчитались кое-кого, сбитых огнем советских истребителей или зенитчиков.

Гауптмана со шрамом он знал, давно искал с ним встречи. Это был Рудольф Хаммер, сын начальника местного гестапо. Хаммер считался пилотом высокого класса, выполнял самые ответственные задания. Сегодня, наконец,

он явился в ресторан, и Аскер должен был решить задачу, которую себе поставил, — познакомиться с летчиком. Хаммер мог оказаться одним из тех, кому поручалась заброска шпионов «Бешеного», если бы ее производили по воздуху.

Надо было действовать. Аскер вынул блокнот, вырвал лист, набросал несколько слов, затем вызвал официанта. Указав на стол летчиков, он сказал:

— Снесите туда пару бутылок шампанского, самого лучшего. Передайте и эту записку. Но, смотрите, ни слова обо мне.

Официант понимающе кивнул и отправился выполнять поручение.

Через несколько минут летчики с удивлением разглядывали шампанское. Один из них читал записку и о чем-то спрашивал официанта. Тот улыбался и отрицательно качал головой. Тогда пилот стал оглядывать соседние столики. Он увидел блокнот, лежавший возле Аскера, встал и подошел. Керимов казался смущенным. Он поспешно убрал блокнот.

— Записка и вино ваши, не отпирайтесь, — сказал пилот.

Керимов встал.

— Я знаю, что такое терять друзей, — пробормотал он.

Пилот с чувством пожал ему руку и вернулся к себе.

Аскер сел. Больше в сторону летчиков он не глядел: не следовало быть навязчивым.

Вино быстро туманило головы, развязывало языки. И вот уже за столом пилотов уныние уступило место веселью. А когда загремел

оркестр и на сцене появились полуобнаженные девицы, веселье стало разнузданным. И никто не смог бы объяснить, как случилось, что под утро столы летчиков и контрразведчиков соединились и все смешалось в кучу.

Из кабаре вышли общей, шумной толпой. Машина Аскера стояла у подъезда. Советский разведчик гостеприимно распахнул дверцу перед гауптманом Рудольфом Хаммером, который едва держался на ногах.

Вечером Аскер позвонил у дверей особняка Хаммеров. Пилот плохо помнил, что было минувшей ночью в ресторане, и был удивлен появлением мало знакомого офицера. Тот пояснил: утром в его машине найден портсигар, который, очевидно, принадлежит гауптману — он, обер-штурмфюрер Краузе, отвозил в своем «штеере» господина Хаммера. Гауптман поблагодарил любезного контрразведчика, пригласил в дом, представил матери.

4

Еще две недели минуло. Знакомство Аскера и Хаммера окрепло. Разведчик дважды провожал на аэродром своего «приятеля» и всякий раз желал ему счастливого возвращения, ибо больше всего на свете боялся, что Рудольф Хаммер будет сбит, прежде чем в нем отпадет нужда.

Да, знакомство оказалось бесполезным. Рудольф Хаммер, который быстро пьянел и терял над собой контроль, рассказал много ин-

тересного. Чутье не изменило Аскеру: Хаммер действительно возил и забрасывал за линию фронта фашистскую агентуру. Но он не говорил, кого возил, кто готовил шпионов.

Керимов терпеливо ждал.

Однажды вечером он и Хаммер встретились, как обычно.

— Сегодня у нас будет гость, — сказал пилот. — Мы давнишние приятели, но, хотя он и живет недалеко отсюда, видимся редко. Что поделаешь, такая у него служба...

— Очень рад, — вежливо сказал Аскер. — Ваш приятель придет прямо в кабаре?

— Нет, он там не бывает... Не любит. Мы выберем что-нибудь поскромнее...

— Что, он не пьет? — удивился Аскер.

— Пьет, но... Словом, он нелюдим...

В назначенный час подкатила машина. Из нее вышел широкоплечий человек в штатском. Он сделал навстречу Хаммеру несколько шагов, странно припадая на левую ногу.

— «Хромой!» — прошептал Аскер.

Хаммер и гость пожали друг другу руки.

И здесь прибывший увидел Аскера.

— Ты не один, — с неудовольствием сказал он пилоту.

— Но, Вальтер... Это мой друг... Познакомься!

Человек в штатском улыбнулся, отчего на его лице появилась густая сетка морщин, протянул Аскеру руку.

— Вильгельм Ругге, будем знакомы... Но, к сожалению, я отчаянно занят и приехал предупредить, чтобы не ждали... К тому же, я скучный собеседник — не пью.

Он сел в поджидавший автомобиль.

— А когда я тебя увижу? — воскликнул Хаммер.

— Если хочешь, в воскресенье, на футболе. Играет моя команда!

И машина ушла.

Все произошло так быстро, что Аскер растерялся. Тот, кого он долго и тщетно искал, промелькнул мимо и исчез так молниеносно, что он не смог ничего предпринять.

— Он всегда так, — пробормотал пилот. — А всему виной вы.

— Я?

— Вы. Спугнули его... Не любит посторонних.

— Ну, теперь я совсем в тупике. Какой же я посторонний? Ничего не понимаю.

— Поймете когда-нибудь... — Хаммер умолк, потом решительно сказал: — Пошли!

— В кабаре?

— Все равно...

В этот вечер обер-штурмфюрер Краузе был в ударе. Как всегда, стараясь пить меньше, он заботливо подливал пилоту, шутил, смеялся. Но Рудольфа Хаммера ничто не могло разве-селить. Занятый своими мыслями, он был угрюм, молча поглощал бокал за бокалом. Изредка он что-то бормотал.

— Вам нехорошо? — спросил Керимов.

— Чепуха! — Хаммер с трудом поднял отя-желевшие веки, тупо поглядел на разведчика.

— Пейте. — Керимов пододвинул бокал.

Хаммер выпил. Вдруг он заговорил — то-ропливо, путая слова, делая между ними не-ожиданные остановки.

— Я каждый день рискую шкурой... Я швыряю им на головы фугаски, сбрасываю шпионов... Я бомблю, я ненавижу их, Краузе!.. Но, боже, как смертельно боюсь я их!..

Он разволновался, придвинулся, обеими руками сжал локоть Аскера.

— Это страшные люди, Краузе!.. Мы бросаем в бой тысячи самолетов, тысячи танков... Мы уничтожаем миллионы их людей в лагерях... А они — стоят. — Хаммер привстал и прохрипел, словно задыхаясь: — Они стоят, Краузе. И я чувствую — они пойдут вперед!

Аскер не без волнения слушал эти пьяные откровения вражеского летчика. А тот внезапно ослаб, сник, погас.

— Разве я могу не пить? — пробормотал он, всхлипнув и уронив голову на руки. Но вот он вновь поднял ее, выпрямился; глаза его сверкнули: — А он не пьет. Он очень сильный. Сильнее меня!

— Кто?

— Он...

— «Бешеный»?

— Откуда вы знаете? — Хаммер вздрогнул.

Аскер равнодушно повел плечом.

— Вы же сами так его назвали.

— А, да... — пьяно согласился летчик. — Это настоящий человек... Я знаю, я возил его птенчиков... Возил и скоро повезу еще! — Хаммер вновь загорелся, напрягся. — Буду возить, буду бомбить, пока... пока... — Он не закончил, вновь потянулся за вином.

— Странно, — сказал Аскер, наполняя бокал Хаммера. — Ваш товарищ не пьет, равнодушен к веселью. Что же он любит?

— Спорт... Все виды и особенно футбол.

— Футбол?

— Да. Футбол — его страсть...

Здесь разведчик вспомнил слова хромого: «В воскресенье, на футболе. Играет моя команда».

Осторожно, исподволь завел Аскер разговор о спорте, о футбольных командах города. Вскоре он уже знал, что в воскресенье на стадионе встречаются два сильнейших коллектива и что симпатии «Бешеного» и Хаммера всецело принадлежат команде местного армейского гарнизона.

5

На следующий день после окончания работы Аскер направился на стадион. Там, как он установил, должна была проводить свою очередную тренировку армейская команда.

Поле стадиона было пустынно. Разведчик двинулся вдоль трибун к небольшому приземистому дому, где, видимо, находились раздевалки. Войдя в здание, Керимов услышал голоса за дверью, приоткрыл ее и оказался в большой комнате с низкими скамьями, на которых переодевались, готовясь к тренировке, футболисты.

Навстречу поднялся плотный высокий человек, вопросительно посмотрел на незнакомого офицера.

— Вы, наверное, тренер? — спросил Аскер.

— Тренер и капитан.

Аскер протянул ему руку и назвал себя.

— Лейтенант Густав Зейферт, — ответил тот.

— Послушайте, лейтенант, как бы вы посмотрели на то, чтобы я покидал с вашими мальчиками мяч? — Аскер присел на скамью, достал сигареты, небрежно сунул одну в рот. — Понимаете, страшно хочется поразмяться...

— Вы играете в футбол? — спросил Зейферт.

Аскер выпустил клуб дыма, задумчиво посмотрел в потолок.

— Да, но не будем сейчас говорить об этом... Все, что я хочу, это потренироваться разок, вспомнить старину. Можно это устроить?..

Капитан переглянулся с футболистами, вновь посмотрел на незнакомца. Тот, зажав сигарету в углу рта и щурясь от дыма, задумчиво мямл в руках толстый рубчатый щиток. Вот он отбросил его, поднял с пола мяч, пощупал, осторожно положил на место.

— Ну? — повторил он. — Есть у вас лишняя пара бутс?

Вид Керимова, тон и манера держаться, сильные плечи, прямая широкая спина — произвели впечатление. Зейферт оценил и то, как незнакомец точными короткими движениями пальцев ощупал футбольные принадлежности — в этом угадывался профессионал. Секунду капитан колебался, потом молча прошел к шкафу, вынул и перебрал Керимову пару футбольных ботинок, фуфайку, трусы и гетры.

...Часа через полтора тренировка была закончена. Первым в раздевалку вошел Керимов и со вздохом удовлетворения опустился на скамью. Футболисты расположились вокруг, с уважением поглядывая на новичка. Все молчали.

Аскер расшнуровал бутсы. Капитан подал ему полотенце и проводил в душевую.

Вскоре Керимов оделся, старательно причесал влажные волосы, стряхнул с висков капельки воды.

— Мне пора, — сказал он, берясь за фуражку. — И я очень вам благодарен, друзья!

— Минуточку. — Лейтенант Зейферт взял его под локоть. — Вы... не хотели бы сыграть с нами?

— Но я же играл! — Аскер казался удивленным.

Капитан нетерпеливо повел плечом.

— Я не об этом... Понимаете, у нас в воскресенье матч. И притом весьма серьезный. Это — наши давнишние противники. И они м-м... не слабее нас...

— Ах, вот в чем дело! — Аскер рассмеялся.

— Мы все просим. — Капитан обернулся к футболистам. — Вы бы нам здорово помогли!..

Керимов задумался, потом решительно тряхнул головой, встал.

— Что ж, почему бы и не сыграть?.. Но вы сами видите: сейчас я похож на загнанную лошадь, не тренирован, не хватает дыхания. Девяносто минут мне не выдержать. Поэтому, условие: вступаю в игру после перерыва.

— Идет! — воскликнул Зейферт.

— И еще одно: устроим вашим противникам сюрприз. Обо мне — до начала матча — никому. Согласны?

— Превосходно! — Капитан с чувством пожал ему руку.

6

Прошел еще день. Под вечер позвонил Рудольф Хаммер.

— Краузе, нужна ваша помощь.

— Я всегда к вашим услугам!

— Понимаете, какое дело... Скоро вылет, надо на аэродром, а машина стоит — сломалась шестеренка коробки скоростей. Выручайте, дружище, подгоните свой «штеер».

— Через час буду, — сказал Аскер.

Вскоре белый автомобиль уже сигналил у дома Хаммеров. Пилот ждал и тотчас вышел.

— Жмите, ибо опаздываю, — скомандовал он, усаживаясь рядом. — Посмотрим, на что способна ваша машина.

Керимов быстро доставил Хаммера на аэродром. У них еще осталось немного времени, чтобы выпить по рюмочке коньяку — в портфеле машины Аскер всегда держал бутылочку.

Пока пилот принимал доклады подчиненных, разведчик внимательно оглядывал аэродром. Его интересовало все — и расположение машин, и порядок их вылета. Он даже побывал в машине гауптмана Хаммера, где ему снисходительно объяснили назначение штурвала, педалей и других механизмов управления бомбардировщиком.

— Вот было бы славно поднять вас в воз-

дух, — сказал Хаммер. — Посмотрели бы настоящую работу. По сравнению с ней ваша возня в пыльных кабинетах — попросту детская забава.

Аскер не ответил, только неопределенно пожал плечами. Однако этих слов он не забыл, и сейчас внимательно наблюдал за тем, как занимают свои места экипажи, и машины, одна за другой, уходят в воздух.

Самолеты стартовали при свете ракет и прожекторов.

Проводив их, Керимов вернулся в город.

Теперь, когда он увидел, наконец, того, кого так долго искал, установил, что «Бешеный» и Вильгельм Ругге, — одно и то же лицо, — можно было действовать. У него уже созрел план. Предстояло разузнать о школе, установить ее местонахождение, выяснить, когда готовится заброска очередной группы шпионов. А она должна была состояться! Ведь проговорился же Хаммер: «Я возил его птенчиков, скоро повезу еще!».

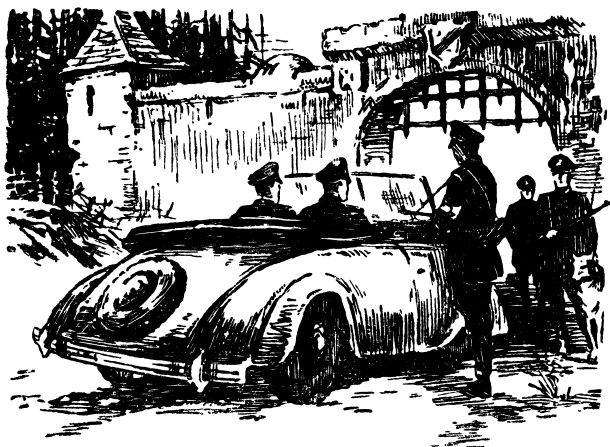
Все это надо было установить. А потом, в воскресенье, — на матч. Только бы там присутствовал и «Бешеный»!..

Глава тринадцатая

1

Шеф абвера Иоганн Вейс отправился в школу Вальтера Гасселя. Путешествие длилось около двух часов — школа находилась довольно далеко. Наконец, автомобиль въехал

в рощицу, куда вело ответвление магистрального шоссе. Машина запрыгала по прунтовой дороге с глубокими колеями, полными воды и грязи, и вскоре остановилась у массивных тяжелых ворот. Здесь у генерала тщательно проверили документы, хотя о приезде начальника абвера посты были уведомлены заранее.

Школа и прилегающая территория были обнесены колючей проволокой в три кола, затем — высокой каменной стеной с утыканным битым стеклом гребнем. По углам возвышались будки с круговым обзором и обстрелом, в которых располагалась охрана с пулеметами. За стеной, уже на территории школы, виднелись столбы, между которыми была протянута толстая проволока — к ней пристегивались поводки догов и овчарок, несших ночную охрану.

Оглядев все это, Иоганн Вейс многозначительно поджал губы. А когда он увидел еще и парные патрули, шагавшие вдоль стен с автоматами наготове, то удовлетворенно кашлянул. Гассель хорошо знал свое дело!

Начальник школы встретил генерала у крыльца.

— Ну, — сказал Вейс, — как идут дела?

— Все в порядке. Люди готовы. И если вы пожелаете...

— Пожелаю. Идемте, покажите мне все.

По широкой пологой лестнице они поднялись на второй этаж и оказались в просторной комнате. Здесь Гассель придвинул шефу абвера кресло.

— Будете смотреть всех?

— А сколько их?

— Двадцать один.

— Ого! — Вейс рассмеялся. — Счастливое число.

Начальник школы терпеливо ждал.

— Ладно, — сказал генерал, — начнем с номера один.

— Пришлите Хофта, — сказал Гассель в трубку телефона.

— Кто он? — поинтересовался Вейс.

— Немец. Долго жил в России...

В дверь постучали, и в комнату вошел человек в форме советского лейтенанта. Он молча остановился у порога.

— Подойдите ближе, — сказал генерал на русском языке.

Агент сделал несколько шагов вперед.

— Кто вы? — спросил Вейс.

Вошедший заговорил тоже по-русски. И всякому советскому человеку, будь он сейчас в этой комнате, показалось бы, что перед ним и впрямь офицер Советской Армии, направляющийся в отпуск из госпиталя, где он залечивал простреленную руку. Его речь, манера держаться — все было очень убедительно и не вызывало подозрений.

Генерал поинтересовался документами «раненого». Тот с готовностью вытащил пачку бумаг. Здесь было удостоверение личности, история болезни, заключение экспертной комиссии, отпускное свидетельство, различные справки, вещевой и продовольственный аттестаты. Все это были весьма хорошие документы, ничем не отличавшиеся от подлинных. Только один недостаток отметил генерал.

— Печати не годятся, — сказал он.

Гассель внимательно посмотрел на печати, потом взглянул на начальника, стремясь понять, чем тот недоволен.

Группенфюрер Вейс поморщился и пояснил:

— Каждая из этих печатей так и кричит: не подумайте, что я фальшивая, посмотрите, как меня тщательно оттиснули!.. А я как раз и подумаю. — Он сменил шутливый тон на официальный, резкий: — Переделать!

Гассель наклонил голову в знак того, что понял. Он хотел было отправить агента, но генерал потребовал, чтобы тот разделся. Шеф абвера внимательно осмотрел его бязевое белье, пилютку, задумчиво пощупал новые байковые портянки, затем несколько минут разглядывал розовый шрам на плече агента. Шрам был хорош — разве только рентген мог установить, что это плечо никогда не было прострелено, а шрам является результатом специальной операции.

Человек оделся. Затем по требованию генерала он назвал свою основную явку и вторую, запасную, на случай провала первой.

Гассель доложил об экипировке шпиона. Все готово, проверено и находится в полном порядке. Намечен пункт, где агента спустят на парашюте. С ним будет портативный передатчик. Приземлившись и устроившись, Хофт выйдет на связь, и тогда ему будет сброшено остальное — взрывчатка и яды.

Вскоре перед шефом абвера стоял агент номер два — предатель, перебежавший к гитлеровцам. Это был человечек с маленькими темными глазками, беспокойно шнырявшими глубоко подо лбом. Генерал поморщился: на такого было мало надежд.

Несколько часов провел группенфюрер Вейс в приемной Гасселя. Перед глазами начальника абвера прошла целая галерея агентов. Попадались среди них люди, подобные человеку номер два. Но в большинстве выпускники школы Вальтера Гасселя оставляли впечатление агентов хорошо обученных, умелых, надежных

Сделав такой вывод, генерал занялся проверкой документации группы. Гассель провел его в небольшое помещение в подвальном этаже. У входа стояли два часовых с автоматами. Вейс и Гассель вошли и оказались в камере без окон, освещенной сильной электрической лампочкой. Здесь, у массивного вделанного в стену сейфа также находился часовой.

Начальник школы осмотрел печати на сейфе и сделал часовому знак выйти. Затем несколькими ключами, вставляемыми поочередно в одну и ту же замочную скважину, он отпер шкаф. За первой стальной дверцей оказалась вторая — она была защищена особым замком, отпереть который можно было, только установив в прорезях заранее известную комбинацию из цифр. При наборе любой другой комбинации автоматически включалась электрическая печь и лежащие на ней документы уничтожались. Кроме того, срабатывала специальная сигнализация.

Гассель извлек из сейфа толстую синюю папку. Шеф абвера раскрыл ее и долго изучал содержащиеся там бумаги.

— Недурно, — сказал он, возвращая папку, — сроки выхода на связь, пароли, явки, запасные берлоги — все расписано. Хвалю!

Сейф был заперт, опечатан.

— Когда намечена выброска? — спросил группенфюрер.

— Люди готовы. Несколько часов, чтобы устранить отмеченные вами недоделки, и можно заказывать самолеты.

— Хорошо, — сказал Вейс. — Сегодня я доложу.

Аскер сидел в своем кабинете, когда подъехал автомобиль группенфюрера. Разведчик видел в окно, как Вейс вылез из машины, неторопливо поднялся по ступеням крыльца управления.

За сутки, истекшие со времени проводов Хаммера, Аскер смог кое-чего добиться. С доктором Вильгельмом Рутге кое-кто из офицеров встречался. Один из сотрудников припомнил, что год назад он по указанию начальства посылал в распоряжение Рутге человек сто военнопленных.

— Они должны были производить какие-то тяжелые работы: приказали подобрать самых крепких. Обрато ни один не вернулся, — сотрудник сделал выразительный жест.

— Специальное строительство?

— Да. Кажется, химическая лаборатория.

— Ну и черт с ней, — махнул рукой Аскер. — Терпеть не могу химию!

На том и кончился разговор.

И вот теперь Иоганн Вейс вернулся откуда-то издалека — колеса машины были заляпаны грязью. Уж не к хрому ли он ездил?..

Разведчик спустился вниз и вышел на улицу. Генеральский шофер прохаживался возле автомобиля, разминая затекшие после долгой езды ноги.

— Милейший Гельмут, — обратился к нему Аскер, — не посмотрите ли контакты прерывателя в моей машине: их следует почистить.

И он передал шоферу ключ от замка зажигания.

Шофер кивнул — он уже не раз исправлял мелкие неполадки в машине обер-штурмфюрера Краузе, и тот всегда хорошо платил.

Засунув руки в карманы брюк, Аскер наблюдал за работой шофера.

— Далеко ездили? — как бы невзначай спросил он. — Машина вся в грязи...

Шофер, обычно словоохотливый, на этот раз что-то пробурчал, не поднимая головы.

Вскоре работа была закончена, Аскер получил ключ, передал шоферу несколько марок и вернулся к себе. Неразговорчивость водителя генеральского автомобиля еще больше укрепила подозрения разведчика.

Зазвонил телефон. Аскер снял трубку. Говорила почтовая работница.

— Я вас совсем не вижу, — звучал ее обиженный голос. — Когда же мы встретимся? Поймите, мне скучно... И потом, у меня есть для вас новости...

Аскер извинился. Он был очень занят, но сегодня вечером выберет часок и обязательно поведает фрейлен.

Едва он повесил трубку, как телефон зазвонил снова. Курта Краузе вызывали к группенфюреру Вейсу.

Когда Керимов вошел в кабинет шефа абвера, там уже находилась группа офицеров. Генерал объявил, что предстоит операция. В окрестностях обнаружена группа беглецов из западных лагерей. Это люди разных национальностей; среди них есть даже два немца. Главарь группы — коммунист Оскар Шуберт. Убежище группы установлено. Задача — взять ее. Шуберта — обязательно живым.

Помощник Вейса, штандартенфюрер Кригер — высокий, костлявый, с острым кадыком, который, казалось, вот-вот прорвет обтягивающую его кожу, развернул карту. В центре ее был отмечен кружочком лес — там находились беглецы. Аскер тотчас же узнал этот лес. Мимо него пролежала дорога на аэродром, по которой он возил Хаммера.

Между тем штандартенфюрер Кригер приступил к объяснениям. Всех беглецов человек двадцать. Боевых действий не открывали. Оно и понятно: если группа обнаружит себя, то будет уничтожена. К тому же вооружены плохо — несколько винтовок да пара автоматов. Задача у беглецов другая: пробраться на восток, в Польшу или же в Баварию, где горы и густые леса. Сущность операции заключается в том, чтобы окружить группу и уничтожить. Небольшой лес, в котором она прячется, подходит вплотную к болоту. Там уже дежурят два сотрудника абвера. Они доносят: все на месте. Участникам операции важно не обнаружить себя раньше времени. Если это случится, группа может рассредоточиться и ускользнуть.

Кригер хотел сказать еще что-то, но на столе коротко прогудел телефон. По тому, как Вейс поспешно снял трубку, можно было понять, что он ждал этого звонка и звонок очень важен.

— Берлин? — переспросил Вейс. — Да-вайте!

Он подтянулся, выпрямился, а при первых словах невидимого собеседника — встал.

Волнение группенфюрера передалось и офицерам — те тоже поднялись со своих мест.

— Слушаю... Иоганн Вейс слушает вас, господин рейхсфюрер! — взволнованно проговорил генерал.

— Генрих Гиммлер! — шепнул Аскеру сосед.

Начальник управления абвера продолжал разговор.

— Так точно... Сегодня выезжал лично!.. Все в полном порядке. Все будет обеспечено. Опытные пилоты имеются на месте. Они уже участвовали в подобных акциях. Руководителем будет назначен командир эскадрильи гауптман Рудольф Хаммер... Да, да — тот самый!.. Слушаюсь, исполнение доложу немедленно!

И он повесил трубку.

Пока Иоганн Вейс усаживался, вытирая платком вспотевшие лоб и шею, Аскер сопоставил данные, которыми располагал, и сделал вывод: речь, видимо, шла о предстоящей заброске группы шпионов.

— Продолжим, — сказал Вейс. — Все ли ясно офицерам?.. Хорошо, тогда — отправляться немедленно. За городом вас встретят грузовики с солдатами. Руководить операцией будет штандартенфюрер Кригер.

Вошел адъютант. Наклонившись к Вейсу, что-то сказал.

— Пусть войдет, — распорядился генерал. Адъютант впустил Грегора Оста.

— У вас вечно какие-нибудь неожиданности, — недовольно поморщился шеф абвера. — Говорите!

Ост поглядел на офицеров, замялся, как бы не зная, может ли он докладывать при них.

— Говорите, — повторил группенфюрер, — теперь все равно: они в курсе дела.

— Наш человек, заброшенный в лес, только что сообщил: руководитель группы Оскар Шуберт ждет еще одну, а может быть, две новые группы беглецов. Они уже в пути, пробираются рассредоточенно, должны прибыть со дня на день.

— Как Шуберт мог узнать об этом? У него нет средств связи!

— Сегодня в лес проник посторонний, который и сообщил об этом Шуберту. Осведомитель утверждает: это какой-то офицер.

— Что? — переспросил Вейс.

— Офицер!.. Но это еще не все. Есть данные, что обитатели леса связаны с окрестным населением. С кем, еще не выяснено — на это надо время. И я осмеливаюсь просить: отложите операцию. А мы поработаем еще немного...

Шеф абвера несколько минут раздумывал. В кабинете царил тишина. Наконец, Вейс поднял голову.

— Операция откладывается. Вы, — он посмотрел на Грегора Оста, — вы головой отвечаете за офицера и за всех остальных. Пока никого не трогать. Установим всех, и тогда!.. Офицеры свободны.

3

В час, когда генерал Вейс собрал офицеров по поводу предстоящей операции против антифашистов — беглецов из концентрационного лагеря, в пригороде, в своей конспиративной

квартире торопливо чистился и мылся Иржи Громек. И он сам, и его костюм очень в этом нуждались.

Накануне вечером Громек вернулся из командировки и был тотчас же вызван Мартой на свидание.

Вскоре гауптштурмфюрер фон Герхард и Хильда Бауэр катили в автомобиле.

— Сегодня днем, — сказала Марта, — я приняла приказание: включить рацию и быть на приеме с девятнадцати до двадцати часов.

— Это же вне расписания?

— Да. Но приказание повторили дважды: с девятнадцати до двадцати непрерывно слушать эфир.

— Значит, что-то непредвиденное, особо серьезное... — Громек взглянул на часы. — В нашем распоряжении еще пятнадцать минут.

Он замолчал. Молчала и Марта.

Машина неторопливо двигалась по улице, пробираясь на окраину.

Марта сидела неподвижно и, скосив глаза, с тревогой глядела на Громека. Как он в последнее время изменился!.. На лбу, раньше таком гладком и чистом — пролегла резкая морщина. И румянец исчез с лица; полные губы — ссохлись, потрескались...

Громек, в свою очередь, наблюдавший за спутницей в смотровое зеркальце, увидел, как она вздохнула и опустила голову.

— Марта, — тихо позвал он, — Марта, я так давно хотел...

— Не надо!..

Громек нахмурился, выпрямился.

— Я боюсь, Иржи! — Марта заговорила взволнованно, торопливо. — Я ночи не сплю — кажется, будто за вами пришли, схватили, бьют вас... О-о! — Она застонала, откинувшись на спинку сиденья, закрыла руками глаза.

Громек молчал, ошеломленный тем, что сейчас услышал. Если бы знала Марта, кем она является для него! Впервые в жизни он полюбил. И знает: это навсегда. Полюбил, несмотря на то, что не имел сейчас права думать о личном... Но что он мог поделать с собой, если даже в самые трудные минуты перед ним неотступно стоят глаза Марты — большие, широко открытые, чуть насмешливые и такие сильные, что их не сравнить ни с чем!.. Как хотелось посмотреть сейчас в эти глаза, сказать: он восхищен ее огромным мужеством, и нет для него никого дороже и ближе на свете, чем она, любимая, родная Марта...

Но Громек не обернулся. Пригнувшись к рулю и как-то весь сжавшись, он на большой скорости вел машину, которая уже миновала окраины города и шла теперь по пригородному шоссе.

— Девятнадцать часов, — хрипло проговорил Громек.

Стемнело. Ветер со свистом мчался навстречу автомобилю. Громек молчал и не отрывал глаз от дороги. Марта сидела, прижав левой рукой наушник к уху, правой регулировала ручку настройки. Эфир молчал.

Но вот она схватила карандаш и поправила на коленях лист бумаги. Карандаш торопливо забегал по нему, и вскоре обозначилась колонка цифр.

Прием радиogramмы был закончен. Марта свернула передатчик и быстро расшифровала сообщение. Это было задание. Громеку предписывалось немедленно установить контакт с группой беглецов из фашистских концентрационных лагерей, освобожденных при помощи людей из подполья, связанных с партизанами. Беглецы были укрыты в лесу, который находился близ города, где действовал Громок. Там они должны были выждать некоторое время, подкрепиться, собраться с силами, затем — переправляться на восток.

Громок должен был предупредить их, чтобы, уходя, они оставили кого-нибудь в лесу. Только что из лагерей бежала и направлялась в этот лес другая группа антифашистов. Ее надо было встретить.

Дело было срочное, чешскому разведчику сообщили явку.

...Рано утром Громок вывел из гаража машину и помчался на север, где неясной зубчатой стеной темнел лес. В маленьком хуторе, километрах в семи от леса, разведчик остановил автомобиль и стал сигналить. С тяжелой суковатой палкой в руках вышел хозяин хутора — старик лет шестидесяти.

— Что надо? — спросил он.

Громок объяснил: в радиаторе выкипела вода, следует подлить свежей, а заодно и подкачать камеру. Пусть хозяин пришлет работника; за все будет заплачено.

— Ладно, — проворчал старик.

Он постучал по палисаднику палкой. На крыльцо вышел парень лет двадцати пяти — коренастый, длиннорукий увалень.

— Эй, Стефан, ведро воды в машину, — распорядился хуторянин. — А потом подкачаешь колесо!

Громек протянул хозяину деньги. Тот спрятал их в жилетный карман и скрылся в доме.

Длиннорукий парень принес воду. Иржи вылез из машины, и они вдвоем залили радиатор. Затем работник взялся за насос.

— Сегодня хорошая погода, на небе ни тучки, — сказал Громек.

Работник, словно не расслышав, продолжал действовать насосом.

— Хорошая, говорю, сегодня погода, на небе ни тучки, — повторил Громек.

Парень оставил насос, поднял голову, оглядел небо, по которому ветер гнал низкие клочковатые тучи с лиловыми краями, и ответил:

— Хорошая погода. А завтра будет еще лучше!

— Да, — кивнул Иржи, — завтра будет лучше, чем сегодня.

Парень покраснел от волнения, выпрямился, хотел было что-то сказать, но Громек едва заметно качнул головой.

— Работай, — вполголоса сказал он.

Парень вновь взялся за насос.

— Езжайте прямо, километра два. Будет ложбина — поставьте там машину, ждите. Я подойду. Пойдем болотом. Есть и другая дорога — короче, но опасно: уже второй день там вертится какой-то тип...

Через два часа Иржи Громек был среди обитателей леса, передал все, что требовалось, и тотчас же ушел.

Аскер вернулся в свой кабинет, опустился на стул, задумался. Теперь все стало на место. Пришло время вплотную заняться «Бешеным» и его школой. Кроме того, надо было найти возможность как-то помочь беглецам из лагерей. Не мог же он спокойно ждать, пока эсэсовцы схватят и перестреляют их! Что касается военного, проникшего к беглецам, то Аскер сильно подозревал, что им был чех. Шевельнулась мысль — это фон Герхард. Но Аскер отогнал ее: фон Герхард находился в командировке. Впрочем скоро все станет ясно. Он не сомневался, что многое узнает в самые ближайшие дни.

Прозвучал телефонный звонок. Аскер снял трубку и услышал голос Хаммера.

— Хэлло! Это вы, Курт?

— О, с благополучным возвращением, Рудольф.

— Будь проклята эта собачья жизнь, — донеслось из трубки. — Завтра в ночь опять вылет.

— Значит, не увидимся? А так хотелось провести вечер вместе!

— Сегодня буду спать... Чертовски устал. Нам здорово досталось. Я едва унес ноги. И сейчас одно желание — спать. Завтра, дорогой Курт! Утром приезжайте на стадион. А там увидим, что делать.

— Хорошо, до завтра! Ждите меня на стадионе.

Аскер положил трубку. Завтра, по всем признакам, предстоял боевой день. Он оделся, вы-

шел, сел в машину. Скорее в гостиницу, в постель, чтобы отдохнуть и набраться сил.

Машина шла по городской площади. Часы на башне гулко пробили восемь раз. Аскер мысленно выругался, вспомнив, что сейчас у кинотеатра его ждет Анни Гельвиг.

«Штеер» свернул и вскоре подъехал к кино. Девушка была там. Аскер окликнул ее, приоткрыл дверку, и Гельвиг вскочила в автомобиль.

— Куда мы поедem? — спросила она, поздоровавшись.

Аскер пожал плечами.

— Не знаю... Давайте покатаемся.

— И все? — Анни была разочарована.

... Иржи Громек, приведя себя в порядок, торопился на свидание с Мартой. Он шел по улице в расстегнутом плаще, держа фуражку в руке, с наслаждением подставив лоб под струи легкого вечернего ветерка. Внезапно Громек насторожился, замедлил шаг, затем быстро стал за выступ стены.

Мимо проехал автомобиль. За рулем сидел сбер-штурмфюрер Краузе и рядом с ним девушка. Громек тотчас же узнал ее. Это была почтовая работница. Он присвистнул. Так вот, оказывается, почему Курт Краузе завел в ресторане разговор о письмах!..

Проводив взглядом машину, Громек закурил, чтобы успокоиться, и торопливо направился к перекрестку, где должна была ждать Марта. Он увидел ее и понял, что девушка чем-то взволнована.

— Скорее! — прошептала она, беря его под руку и увлекая в темневший неподалеку переулок.

Марта рассказала. Как и обычно, сегодня она работала в ателье и наблюдала за гостиницей Громека. И вот туда подкатила машина. Девушка хорошо видела, как из автомобиля выпрыгнули несколько человек, среди них тот самый мужчина в берете, который преследовал их тогда на холме.

— У меня упало сердце, — продолжала шепотом Марта. — Я почувствовала, что это за вами... И не ошиблась. Окно вашего номера, до этого темное, вдруг осветилось. Потом в комнате задернули шторы...

— Обыск. — Громек криво усмехнулся и рассказал о Краузе и его спутнице. — Надо уходить!..

5

А белый автомобиль продолжал катиться по улицам города. Анни весело болтала. Вдруг она спохватилась.

— Забыла! Забыла главное. Курт, вам письмо!

— Мне? — Аскер притормозил.

— Вам, вам!.. Поезжайте же, я все расскажу. Оно пришло три дня назад. Я все это время звонила, чтобы сообщить, но вы где-то пропадали... Куда это вы ездили? Я так злилась... Мы пропустили чудесный фильм.

— Где письмо? — Аскера бесила беззаботная болтовня девушки.

— Письма нет. Его взяли...

Разведчик остановил машину и круто обернулся к спутнице. Он был не на шутку встревожен.

— Как взяли? Кто?

Анни рассказала. Письмо пришло три дня назад. Она положила его в общий алфавит, несколько раз звонила Курту, чтобы передать, но не могла застать. А вчера, перед закрытием почтамта, к ее столу подошел начальник отдела писем и с ним какой-то человек в штатском. Начальник попросил ее выйти из-за стола. На ее место сел штатский и стал перебирать письма. Он отобрал четыре письма. Три были чьи-то посторонние, а четвертое — Курта. Она хорошо запомнила большой желтый конверт — такой был один. Человек в штатском забрал все четыре письма, сказав, что знает тех, кому они адресованы, и непременно передаст.

— Значит, он вам не вручил еще письма? — Девушка была огорчена. — Ну, ничего, передаст, наверное, завтра. — Видя, что офицер недоволен, она улыбнулась и хитро прищурила глаз. — Впрочем, если вы очень попросите, я могу сказать, что было в письме!..

— Вы прочли его?

— Я ревнива. И подумала, что оно, может быть, от дамы. Но ошиблась, и так рада!.. Оно от мужчины, Курт. В нем ничего особенного. Какой-то ваш приятель... погодите, как его звать?.. Кажется, Юлиус... Юлиус... Вспомнила: Юлиус Олендорф! Это ваш друг?

— Да! Но что он писал?

— Могу вас порадовать: этот Олендорф завтра или послезавтра будет здесь!.. Вы слу-

жили где-то вместе, он получил сюда командировку и вот написал. Я так поняла: Олендорфу нужна квартира, он хочет, чтобы вы помогли ему. В конце спрашивает: цел ли автомобиль, который он продал вам? Вот, кажется, и все. Ничего интересного. И вряд ли стоило так волноваться и переживать.

Аскер повернул машину и повез Анни Гельвиг домой.

— Я наказана? — капризно надула губы девушка.

— Нет. — Аскер старался говорить спокойно. — Просто мне надо немедленно разыскать письмо. Я так ждал его...

— А сами три дня не приходили на почту! Разведчик прикусил язык,

Глава четырнадцатая

1

Оставшись один, Аскер поехал в гостиницу. Сосед его лежал в постели.

— Спали? — спросил Керимов.

— Спал. Я просидел в кабинете до вечера и страшно устал.

Говоря так, обер-лейтенант Орендлицер лгал. Вместе с Грегором Остом он весь день был в районе леса, где скрывались беглецы из лагерей. Ост, под началом которого продолжал работать Орендлицер, приказал ему вновь быть на месте рано утром и сменить агента, оставленного в лесу на ночь.

— А пока, — продолжал Ост, — отправляйтесь к себе и как следует пошарьте в вещах обер-штурмфюрера Краузе.

— Но я дважды рылся в них — там все чисто!

— Сделайте это третий раз и весьма тщательно.

— Что-нибудь новое? — На лице Ортенлициера отразилось острое любопытство. — Говорите, я же ничего не знаю!

Ост усмехнулся.

— Четверть часа назад пришла такая весть, что у меня дух захватило!.. Нет, нет — это не о Краузе, о другом..

— О ком же?

— О другом.. Кажется, мы изловим, наконец, этого чеха!

— Он и Краузе связаны?

— О Краузе пока ничего нового. Пока только чутье... Идите, действуйте, а я, может быть, позвоню вам позже. Кстати, пора и мне. — Ост поглядел на часы. — Сейчас предстоит весьма серьезное дело.

Ортенлициер сгорал от любопытства, но так и не узнал ничего нового. Он направился в гостиницу и добросовестно исследовал чемодан и постель соседа. Лег Ортенлициер с приятным сознанием честно исполненного долга.

2

Вечером, приехав домой после совещания в абвере, группенфюрер Вейс с облегчением вздохнул. В этот субботний вечер никаких дел не предвиделось, и он мог посвятить его люби-

мому занятию. Генерал стянул тесный мундир, с наслаждением облачился в мягкую фланелевую куртку и прошел во флигель, где вдоль стен длинными рядами тянулись клетки с птицами. Здесь было несколько попугаев, которых Вейс самолично выучил говорить, с десятков канареек, пара сибирских щеглов, какие-то другие птицы и даже соловей. Последний, несмотря на все усилия Вейса, петь в неволе отказывался. Группенфюрер делал все, чтобы сломить упрямство птицы, но ничего не добился. Сегодня он намеревался применить новое средство, которое ему посоветовал знакомый профессор-орнитолог.

Вейс напрямик направился к клетке соловья, но вошла горничная и позвала генерала к телефону.

Звонили из абвера. Несколько минут Иоганн Вейс слушал, затем потребовал машину и уехал.

Вскоре он уже входил в свой служебный кабинет. Дежурный подал лист бумаги. Это была расшифрованная телеграмма. Внизу стояла подпись: адмирал Канарис.

Руководитель германской контрразведки сообщал, что службой безопасности Праги несколько часов назад разгромлена группа боевиков-чехов. При этом раскрылось, что чехи выкрали гауптштурмфюрера СС Гуго фон Герхарда и заслали в опекаемый группенфюрером Вейсом абвер двойника фон Герхарда. Адмирал Канарис выражал надежду, что уж теперь-то группенфюрер сможет разыскать и обезвредить чешского разведчика, которого так давно и безуспешно ловит.

Письмо было составлено в самых язвительных выражениях, и Вейс понимал, что это почти отставка. Сколько-нибудь поправить дело он сможет только в том случае, если сейчас, сию же минуту схватит вражеского агента. Он распорядился, чтобы немедленно вызвали Грегора Оста.

Ост и Орендлицер, только что прибывшие из леса, находились в управлении.

Грегор Ост выслушал указания генерала, вызвал по телефону помощников, в ожидании их спустился к Орендлицеру. Он хотел было взять с собой и его, но в свете последних событий у Оста с новой силой возникли подозрения в отношении Курта Краузе. Поэтому Орендлицер и получил задание произвести очередной обыск в вещах обер-штурмфюрера.

Кроме того, в кармане Грегора Оста лежало перехваченное письмо Юлиуса Олендорфа Курту Краузе. Судя по штемпелю на конверте, Олендорф служил в той самой группе войск генерала фон Штумпфа. Значит, он и мог решить сомнения Фогта в отношении Краузе. Завтра или послезавтра Ост встретит Олендорфа, покажет ему Курта Краузе и тогда, наконец, все выяснится.

Вскоре помощники прибыли. Ост усадил их в машину и повез в гостиницу. Там, у ее входа, агентов обнаружила Марта...

В тот вечер генерала Вейса ждала еще одна неожиданность. Зазвонил вновь берлинский телефон. Переговорив, генерал поспешно набрал номер Вальтера Гасселя.

— Готовьте свой товар, — сказал он, — поедете его продавать... Нет, не завтра, а сегодня, сейчас.

— Что-нибудь случилось? — спросил Гасель.

— Нет. Впрочем, не знаю. Таков приказ. О транспорте не беспокойтесь. Все будет обеспечено.

3

Раздевшись, Аскер скользнул под одеяло. Он лежал в темноте с широко открытыми глазами, плотно сжав губы и сцепив на груди пальцы. Кто взял адресованное Курту Краузе письмо? И почему взяли? Что это, обычная проверка, вроде той, которую он устроил фон Герхарду, или же какие-то подозрения? Ничего этого Аскер не знал. В голове тяжело ворочался клубок мыслей. Одна догадка сменяла другую. Но все это были только догадки. Они ничего не проясняли. Быть может, завтра он что-нибудь установит?

Завтра!.. Аскер шумно вздохнул и прижал руки к разгоряченному лбу. Да, завтра многое должно произойти...

Утром Аскер принял холодный душ, побрился. Вернувшись из умывальной в номер, он не застал там Орендлицера. Впрочем, поглощенный своими мыслями, он и не заметил его отсутствия.

Разведчик спустился в ресторан, позавтракал, затем вывел автомобиль и поехал к стадиону.

Стадион был за городом. Аскер подъехал к нему, когда матч уже начался. Он поставил машину и торопливо направился к трибунам.

Разная собралась здесь публика. Часть мест занимали солдаты и раненые из соседнего госпиталя, какие-то штатские. На правом крыле особняком разместилась большая группа офицеров.

Ряд за рядом осматривал Аскер трибуны, пока не увидел «Бешеного». С ним был и Хаммер. Они напряженно следили за игрой. «Бешеный» выглядел теперь не холодным, замкнутым человеком, как в тот вечер, когда Аскер впервые увидел его, — но обычным футбольным зрителем. Он громко аплодировал, когда брала верх команда, за которую «болел», ерзал на месте и хмурился при удачах ее противника.

Аскер перевел взгляд на поле. Класс игры армейской команды был невысок — он в этом убедился еще на тренировке. Сейчас стало ясно, что очень посредственен и противник. Команды играли плохо и грубо. Футболисты кучей кидались за мячом, оставляя ворота без достаточной защиты, мешали друг другу, горячились.

Армейские футболисты были одеты в светлые футболки, их противники — в темносиние. Команда, в которой скоро предстояло действовать Керимову, проигрывала уже 1 : 0. Душой ее был лейтенант Зейферт. Он из кожи вон лез, чтобы сравнять счет. Вот он получил мяч, обработал его и пошел к воротам противника. Наперерез устремились защитники. Один из

них нагнал Зейферта и сильно ударил по ноге. Зейферт вскрикнул и упал, его унесли с поля на руках.

Вскоре истекло время первой половины матча.

Аскер обернулся к трибунам, отыскивая «Бешеного». Тот был мрачен и громко выражал свое негодование по поводу действий судьи, который, как он считал, был во всем виноват. Хаммер пытался его успокоить, но тщетно. Гассель был убежден, что для армейцев все кончено. Их капитан выбыл из игры. Его не заменишь: есть запасные, но это далеко не то, что нужно. А раз так, то проигран и матч. Ничто уже не могло спасти команду от поражения.

4

Началась вторая половина матча. В нее военная команда вступила с новым полузащитником.

Выйдя на поле, Керимов увидел, что произошли изменения и в команде противника. Появился футболист, которого не было до перерыва. Вот этот игрок, которого все звали Вилли, принял передачу, перевел мяч с ноги на ногу и устремился вперед. Аскер помчался к нему, чтобы отобрать мяч. Тот увернулся. Аскер проскочил мимо. Он остановился и кинулся назад, но было поздно. Вилли успел уйти далеко вперед. Он обвел одного защитника, другого, остался один на один с вратарем и сильно ударил. Мяч прошел чуть выше ворот.

«Ого, — подумал Аскер, — он умеет играть!»

Зрителям Вилли был хорошо известен. Подбадриваемый их одобрительными криками, он стремительно перемещался по полю, завывал острые комбинации, распределял мячи, часто выходил вперед, угрожая воротам «светлых».

Гул на трибунах не утихал. Однако прошло немного времени, и новый полузащитник армейской команды стал портить игру блестящего нападающего. Он во-время оказывался на нужном месте, опережая противника и перехватывая предназначенные ему мячи. Когда же лидер противников армейцев, быстроногий форвард в темной фуфайке, все-таки получал мяч, Аскер появлялся на его пути преградой, которую можно только таранить. Так именно и попытался поступить Вилли, но получил отпор, не удержался на ногах и упал.

Подобные эпизоды происходили все чаще. Вскоре даже самые неискушенные в футболе люди стали понимать, что простая, не блещущая эффектами игра полузащитника в светлой футболке была игрой высокого класса.

Но лидер «темных» не думал отступать. Вот он обманул сторожей и ушел вперед, на ходу передав мяч в район штрафной площадки противника. Аскер помчался туда. Делать это ему вовсе не следовало, ибо мяч тотчас же вернулся к Вилли, оказавшемуся открытым. Отчаянным броском метнулся к нему Аскер, но опоздал. Тот ударил и вогнал мяч в ворота.

Трибуны восторженно зааплодировали. Однако счет 2 : 0 продолжался ровно минуту.

Тотчас же после свистка судьи Аскер разыграл с одним из партнеров молниеносную комбинацию, оказался на штрафной площадке противника и ударил. Вратарь отбил мяч в поле. Аскер настиг его, ударил снова и сквитал один гол. Вся комбинация была проделана мастерски и вызвала одобрение зрителей.

Прошло четверть часа, и полузащитник «светлых» вновь заставил вратаря противника вынуть мяч из сетки. Счет сравнялся.

Обе команды прилагали отчаянные усилия, чтобы забить решающий мяч. В конце концов это удалось Аскеру. Правда, последний удар произвел не он, а какой-то другой футболист, но все видели, что инициатором комбинации был он, новый игрок. И за это ему восторженно рукоплескали трибуны, когда матч был закончен.

Глава пятнадцатая

1

Аскер сидел в раздевалке и расшнуровывал бутсы. Какие-то люди поздравляли его, пожимали руки, хлопали по плечу. На все это он отвечал улыбками, отшучивался, но делал это автоматически. Он очень нервничал. В ближайшие минуты должно было выясниться, имела ли успех комбинация с футболом, клюнул ли «Бешеный».

— Хелло, дружище!

Аскер вздрогнул. В дверях стоял улыбающийся Хаммер. За ним виднелся Вальтер Гасель.

Немцы подсели к Аскеру, с уважением его оглядели.

— Ну и ну, — сказал начальник шпионской школы. — Вы удивили меня, обер-штурмфюрер Краузе. Кто мог бы предположить, что в нашем городе скрываются такие таланты?

— Даже я ничего не знал! — воскликнул Рудольф Хаммер.

Аскер скромно улыбнулся.

— Вы переоцениваете и меня, и мои таланты, — сказал он, снимая бутсу.

— Ни слова больше, — прервал его хромо́й. — Я кое-что смыслю в футболе. И я могу сказать, что никогда еще... Впрочем, обо всем мы поговорим после.

— Одевайтесь скорее — и едем, — сказал Хаммер.

— Куда? — удивился Аскер, хотя все в нем пело и ликовало.

— Не задавайте праздных вопросов. — Пилот встал. — Едем ко мне. Все трое.

Аскер счел уместным промолчать и пожать плечами.

Через четверть часа они вышли из раздевалки.

Хаммер указал на стоявший неподалеку большой автомобиль.

— Прошу в машину.

Аскер оглядел сгрудившиеся возле стадиона автомобили, отыскивая свою машину. Ее не было видно. Автомобили, отчаянно гудя, разъезжались. Когда стало немного просторнее, «штеер» обнаружился. Он стоял у дальнего конца стадиона. И в нем сидел незнакомый офицер. Весь его вид выражал ожидание, не-

терпение. Офицер внимательно разглядывал выходящих со стадиона людей, время от времени призывно сигналил. У Аскера пересохло во рту, он догадался: это Юлиус Олендорф — автор перехваченного письма, о котором говорила Анни Гельвиг!

Олендорф приехал этим утром. Дежурный, к которому он обратился, не знал, как найти Курта Краузе, но указал, где тот квартирует. В гостинице Краузе тоже не оказалось. Тогда Олендорф вышел побродить, увидел афиши, извещавшие о футбольном матче, поехал на стадион. И здесь обнаружил знакомый автомобиль — он продал его Краузе только полгода тому назад. Олендорф влез в него, решив устроить приятелю сюрприз.

Керимов понял: Олендорф будет ждать Курта Краузе, не дождавшись — пойдет его искать, не найдя — поднимет тревогу.

Надо было немедленно действовать, попытаться выиграть время.

— Минуточку, — сказал Аскер спутникам, — я вижу знакомого офицера и попрошу отвести мою машину к гостинице.

И он направился к белому автомобилю.

— Здравствуйте, — сказал он, подходя. — Насколько я понимаю, вы Юлиус Олендорф?

— Да, — сказал офицер, — но я...

— Вы хотите спросить, как я догадался? Очень просто: я приятель Курта Краузе, он мне сообщил о вашем письме, сказал, что ждет вас. Он в восторге от машины и, конечно, не раз рассказывал, как уговорил вас продать ее.

— О, это меняет дело. — Олендорф улыбнулся и протянул Керимову руку. — Надеюсь,

ветрогон Курт не успел еще перепродать «штеер»? Но где он сам? Здесь его машина, его приятель, и нет самого Курта!

— На рассвете он отправился по заданию. И попросил меня: если вы вдруг явитесь в гостиницу, устройте в его номере. Он будет вечером или завтра утром. Вот ключ, я на всякий случай забрал его, когда уезжал на стадион. Запомните: второй этаж, номер двести семнадцать.

— Хорошо... Не захватите ли вы меня с собой?

— Я как раз хотел просить... Понимаете, Курт одолжил мне машину, и я приехал сюда.. А теперь встретился с друзьями, должен отправляться с ними. Вот что: садитесь в свой «штеер» и отправляйтесь в гостиницу. Я скоро вернусь, вечер мы можем провести вместе.

И Аскер, улыбаясь, передал Олендорфу ключ от зажигания.

— Чудесно! — воскликнул Олендорф.

Офицеры вновь пожали друг другу руки. «Штеер» укатил.

Аскер проводил его взглядом, облегченно перевел дыхание, вернулся к поджидавшим его Хаммеру и Гасселю.

— Едем, — сказал он, садясь и захлопывая дверку.

Минут через сорок автомобиль остановился у дома Хаммеров.

— Хозяйничать придется мне, — сказал Рудольф Хаммер, вылезая из машины. — Отца нет, он в отъезде.

Гости поднялись наверх, в комнату гауптмана. Здесь все трое уселись вокруг столи-

ка. Появилось пиво и папиросы. Но вот прозвучал сигнал машины. Рудольф Хаммер подошел к окну.

Возле штакетника, ограждавшего загородный коттедж Хаммеров, стоял автомобиль, из которого вылезал Хаммер-старший. Навстречу ему спешила горничная. Она приняла у хозяйки саквояж и плащ.

— Ну, вот и отлично, — сказал пилот. — Вернулся папаша... Бедняга, он устал! Старик совершенно не бережет себя. Он отмахал за двое суток километров пятьсот. Что поделаешь, теперь не проходит и дня, чтобы где-нибудь не взбунтовались пленные. Их приходится усмирять. А отец, как говорят, делает это лучше других...

Скоро где-то гулко ударил колокол.

— Прошу вниз, — сказал Рудольф Хаммер. — Будем обедать.

В большой столовой с панелями из темного дерева было накрыто на пять персон. Здесь хозяйничала фрау Хаммер, крупная, дородная женщина, обладательница мускулистых рук и хрипловатого контральто. Супруг был тоже высок, но тощ и бесцветен.

Обед прошел в тишине. Шеф гестапо молчал и не поднимал глаз от еды. После того как было выпито по рюмке апельсиновой водки, Хаммер-старший собственноручно прикрыл графин хрустальной пробкой, многозначительно посмотрев на сына.

— Тебе сегодня лететь, — коротко заметил он.

После обеда мужчины прошли в библиотеку. Хозяин дома уселся на диван, остальные

разместились вокруг. Подали кофе. Рудольф Хаммер и Гассель стали рассказывать о матче, не скупясь на комплименты в адрес Аскера. В глазах гестаповца промелькнул интерес. Он высказал сожаление по поводу того, что не смог побывать на стадионе.

Долго продолжалась беседа. Старый немец в окружении молодых людей, мирно беседующих в уютном уголке комнаты, — это была идиллическая картина. И трудно было поверить, глядя на них, что идет война, в которой все четверо принимают самое активное участие.

Зазвонил телефон. Старик снял трубку. Аскер видел, как по мере разговора меняется лицо Хаммера-старшего. Сейчас перед ним сидел уже не добродушный хозяин, но беспощадный полицейский.

А шеф гестапо нервничал все больше.

— Черт вас знает, что вы там все делаете, — раздраженно говорил он. — Достаточно отлучиться на сутки, и уже.. Как случилось, что упустили этого типа?.. А где он живет? Ага, в гостинице!..

Аскер осторожно опустил руку в карман, где всегда носил маленький пистолет, отодвинул кнопку предохранителя.

Хаммер-старший встал, заканчивая разговор.

— Проверьте лично, перекрыты ли все дороги. Он, конечно, попытается выбраться из города. И строгая проверка на вокзалах и аэродроме. Докладывать каждый час. За этого фон Герхарда, или как там он еще, вы отвечаете лично.

Он положил трубку, поднял глаза на сына и гостей.

— Я должен работать... Идите и веселитесь. А мы займемся делами.

— Что-нибудь случилось? — простодушно спросил пилот.

— Да, — старик пожевал губами. — Обнаружили вражеского разведчика... Вернее, его следы...

Хозяин дома вышел. Вслед за тем покинули библиотеку и молодые люди.

— Идемте наверх, — предложил Рудольф Хаммер. — У меня там запас ликера, и никто не помешает.

Поднимаясь по лестнице, Аскер вспомнил все то, что знал о фон Герхарде, свои встречи с ним, проверку, устроенную с письмами. Конечно же, он должен был обо всем догадаться раньше, много раньше! Правда, он подозревал что-то, но дальше этого дело не шло. И теперь над чехословацким разведчиком нависла опасность, а он, Аскер, ничего не может предпринять, чтобы отвести ее!.. Не может, ибо сам накануне провала, должен покончить сегодня с порученным заданием и немедленно уходить.

Гости поднялись в комнату летчика. Хаммер-младший извлек из шкафчика бутылку и рюмки.

Однако попробовать ликер не пришлось. Прозвучал сигнал воздушной тревоги. Где-то грохнул первый взрыв, заставивший задребезжать окна генеральского особняка.

— В убежище! — крикнул Хаммер.

Бомбоубежище было вырыто в саду и представляло собой прочное сооружение с массив-

ным бетонным потолком. Там собрались хозяева дома и Гассель с Аскером. Все уселись на расставленные вдоль стен стулья. Здесь было довольно просторно, стояла кое-какая мебель. Чувствовалось, что убежищем пользуются часто.

Взрывы, следовавшие один за другим, внезапно прекратились. Аскер уже решил было, что налет закончен, но вдруг неподалеку загремело снова.

— Вторая волна, — сказал Рудольф Хаммер.

Стены убежища потряс особенно сильный взрыв. Фрау Хаммер вскрикнула и взяла мужа за руку.

— Черт!.. Этого не выдержишь долго, — проворчал шеф гестапо.

— Мы отомстим жестоко. И я сделаю это сегодня! — Хаммер-младший встал.

— А я уже сделал. Вчера. Вернее, ночью, — сказал Гассель.

— Как? — Хаммер удивленно поднял плечи. — Ведь должен был я?..

— Да. Но вечером был получен срочный приказ. И они уже там... Я вернулся только под утро...

Разговор велся намеками, однако Аскеру все было ясно. По каким-то причинам выброска очередной группы шпионов ускорена. И, возможно, сейчас где-нибудь в тылу советских войск новая группа агентов Гасселя уже начинает свою грязную работу!..

Аскер был подавлен. Он готов был уничтожить всех, кто находился в бомбоубежище. Но что это даст? Нет, надо действовать по-другому.

му. Он не смог помешать переброске шпионов через линию фронта, значит, должен обеспечить ее ликвидацию там, на месте.

Но как это сделать? Будь у него время, он бы нашел верное, безошибочное решение. Теперь же, когда у стадиона он обнаружил дружка Краузе Юлиуса Олендорфа, все выглядело по-другому. Времени, чтобы действовать неторопливо, с тщательной подготовкой, уже не имелось. В его распоряжении были лишь жалкие часы, пока Олендорф не догадается обо всем... До утра он, пожалуй, будет молчать и ждать. Но только до утра, а может быть, и того меньше.

И Аскер решил на крайние меры.

Бомбежка закончилась. Все вернулись в дом.

Аскер сказал Хаммеру:

— Уже поздно. Вам надо отдохнуть перед ночной работой. Предлагаю следующее: я провожаю нашего гостя, возвращаюсь и отвожу на аэродром вас. Мне все равно делать нечего, сегодня воскресенье.

— Это мысль, — Хаммер кивнул. — Заодно вы приведете с аэродрома машину.

Против этого плана не возражал и Гассель. Закончив выброску агентуры, он имел свободный день и решил провести его в городе.

Гости распрощались с хозяином, уселись в машину Хаммеров и тронулись в путь. Правил Аскер, которому уставший после ночной операции Гассель охотно уступил руль.

Вечерело. Машина мчалась по пустынной дороге. Аскер снова и снова перебирал в со-

знании детали предстоящего дела. Приближались минуты, ради которых он потратил столько энергии, сил... Еще немного, еще десять-пятнадцать километров, и он начнет приводить в действие свой замысел — отчаянно трудный и дерзкий, но единственно пригодный для того, чтобы обезвредить шпионов вместе с их руководителем.

Прошло несколько минут. Ровное покачивание машины, однообразный ландшафт действовали усыпляюще. Гассель привалился к дверке кабины и задремал.

Машина достигла развилки дорог. Левое шоссе вело к городу, правое — в сторону едва различимого на горизонте леса. Автомобиль свернул направо. Он шел с большой скоростью. Лес, казалось, сам торопливо двигался навстречу. Вскоре по сторонам замелькали деревья.

На ухабе машину сильно потрянуло. Гассель приоткрыл глаза. Он видел, как его спутник остановил автомобиль и вылез из кабины. «Очевидно, что-нибудь с мотором», — сонно шевельнулось в голове начальника шпионской школы.

Вскоре Гассель почувствовал, что галлюцинирует. Чудилось, будто кто-то трогает за плечо, а затем обер-штурмфюрер Курт Краузе целится в него из пистолета. Гассель мотнул головой, чтобы отогнать нелепое видение, но оно не исчезало. Напротив, ко всему раздался еще и голос Краузе, требовавший, чтобы он, Вальтер Гассель, поднял руки. Это уже было слишком! Начальник шпионской школы рванулся, больно обо что-то ударился головой и вдруг

понял, что вовсе не галлюцинация и перед ним не видение, а сам Курт Краузе!

— Руки, — повторил вполголоса Аскер, держа Гасселя под прицелом. — Выше руки, ну!

Ошеломленный Гассель поднял руки. Аскер шевельнул стволом пистолета, приказывая выйти из машины. Гассель повиновался. Разведчик повернул его кругом, ощупал и вытянул из заднего кармана брюк тяжелый, теплый браунинг. Гассель был связан; ему заткнули рот и усадили на прежнее место.

Машина тронулась.

Еще километр проехал автомобиль. На крутом повороте, когда он притормозил, из кустов вышел человек.

— Стой! — скомандовал он, держа наготове автомат.

Машина стала. Аскер узнал и голос, и нескладную фигуру. Это был его сосед по номеру обер-лейтенант Орендлицер.

— Вы? — удивленно воскликнул фашист и шагнул к машине.

Аскер вскинул руку с пистолетом и выстрелил сквозь стекло бокового окна. Орендлицер упал.

Машина вновь пошла по лесной дороге, а когда дорога кончилась, — прямо по лесу, петляя между стволов. Стало прохладнее, ветерок донес запахи близкого болота. И тогда Аскер нажал кнопку на руле. Раздались резкие звуки автомобильной сирены.

Лес населяли те, за которыми охотился Иоганн Вейс. И сейчас за автомобилем следили две пары глаз. Одна принадлежала высо-

кому пожилому человеку, бледному и истощенному, одетому в желтое кожаное пальто, другая — широкоплечему крепышу в клетчатой куртке, охотничьих бриджах и высоких мотоциклетных ботинках на шнуровке.

— Провокация? — по-немецки спросил спутника человек в кожаном пальто, всматриваясь туда, откуда доносились настойчивые автомобильные гудки.

— Думаю, что провокация, — ответил тот, мешая немецкие и украинские слова. — Леший знает, зачем их только принесло сюда.

Из чащи вынырнул третий обитатель леса.

— Ну? — обернулся к нему человек в кожаном пальто.

— Лес чист, — ответил прибывший, недоуменно пожимая плечами. — Очень странно, но, кроме этой машины — больше никого. Ничего не понимаю!..

— Значит, возможно, что и не провокация...

Разговор оборвался. Показался автомобиль. Он вынырнул из неглубокой ложбины и теперь, гудя мотором, с трудом продирался сквозь заросли. По лакированным бокам машины с шумом хлестали ветви.

— Идемте, — решительно сказал тот, что был в мотоциклетных ботинках. — Они насколько не маскируются, сигналият, будто ищут кого... А в лесу одни мы. Значит, возможно, что к нам. Был же у нас вчера один гость!..

— Выйдем все трое, — распорядился человек в кожаном пальто. — Приготовить оружие!

Увидев людей с винтовками, Аскер остановил автомобиль, выключил мотор и неторопли-

во вылез. Он спокойно оглядел тех, что стояли перед ним, поднял руки.

— Что вам надо? — спросил человек в кожаном пальто. — Кто вы такой?

— В этом лесу находится группа антифашистов, бежавших из лагерей. И я знаю: это вы. Мне известно, что группой руководит Оскар Шуберт. Кто из вас Шуберт? Мне надо поговорить с ним.

Люди молчали.

— У меня в кобуре оружие, — сказал Аскер. — Еще два пистолета в карманах. Возьмите их и разрешите опустить руки.

Антифашисты переглянулись. Человек в мотоциклетных ботинках забрал у Керимова оружие. Затем заглянул в автомобиль, обернулся к товарищам.

— Этот другой связан! — воскликнул он. — Распутать?

— Не надо! — Аскер шагнул вперед. — Кто же из вас Оскар Шуберт?

— Шуберт перед вами, — сказал человек в кожаном пальто. — Опустите руки.

— Я советский разведчик. А тот, что в машине, начальник школы фашистских шпионов. Только минувшей ночью очередная группа его людей заброшена в Советский Союз. Это диверсанты и убийцы. Их надо обезвредить. Мне не удалось это сделать здесь, на месте. И я решил изъять начальника школы, чтобы допросить... Вы должны помочь мне, товарищи!

— А где вы узнали мое имя и вообще о нас? — спросил Шуберт.

— В местном абвере. Вы раскрыты и должны уходить: готовится операция, чтобы ликви-

дировать группу... Кстати, я только что убил фашиста, который наблюдал у опушки леса.

В продолжение этого разговора Шуберт с возрастающим вниманием вглядывался в лицо пленного. Затем он подошел к машине и вытащил изо рта «Бешеного» платок.

— Вальтер Гассель? — воскликнул он.

— Вы знаете его? — Аскер был поражен.

— Да, мы с ним хорошо знакомы, — Шуберт невесело усмехнулся. Он выпрямился, обернулся к разведчику, протянул руку. — Теперь я верю вам. Хотя поверил бы и так, без этого... Чем мы можем помочь?

Аскер отвел его в сторону, торопливо заговорил.

— Надо допросить Гасселя. Он сопровождал агентуру, сам выбрасывал с самолета. Значит, знает о ней все: что за люди, каков их облик и документы, куда заброшены, задание, пароли, явки и прочее.

— Все это так, — задумчиво проговорил Шуберт. — Но какая цена полученным сведениям, если их не переправить немедленно через фронт? А у меня нет связи. У вас, видимо, тоже.

Аскер вздохнул.

— Только раз смог прийти связной. Больше не появлялся... Не сумел или был перехвачен и погиб. — Он снял фуражку, провел рукой по лбу. — Сам доставлю! И, если посчастливится, уже сегодняшней ночью. Есть один план...

Гасселя отвели в глубь леса. Начался допрос. Аскер потребовал, чтобы он рассказал о школе и заброшенной агентуре. Пленный

молчал. Разведчик повторил вопросы, но с тем же результатом.

— Тогда вы будете уничтожены. — Аскер пожал плечами. — Сейчас, на месте!

— Мне все равно конец, — гордо сказал Гассель. — Только развяжите руки и дайте сигарету. А потом я готов...

— Позируете? — усмехнулся Шуберт. — Позируете и любуетесь собой... Хорошо, вот последняя в вашей жизни сигарета. Курите!

Гассель взял сигарету, зажег. Пальцы его дрожали. Сигарета выпала.

— Ого, да вы еще и трус ко всему! — Шуберт встал, засунул руки в карманы. — Вот что, Вальтер Гассель, кто-кто, а уж я знаю, что вовсе вы не герой. Вы — трус, хотите жить и ради этого готовы на любой шаг. Вы предадите родину, отца — только чтобы жить!..

Гассель молчал.

— Вы знаете меня, Гассель, — тихо с силой продолжал Шуберт. — И я обещаю: вы будете жить. Конечно, если скажете все.

— Хорошо, — поднял голову Гассель.

...Через час Аскер закрыл блокнот. Там были подробные данные и о школе, и о заброшенной агентуре. Но какие-то сомнения, возникшие в процессе допроса, не оставляли разведчика. Что-то было не так. Слишком уж быстро «сломался» Гассель, слишком подробно и откровенно рассказывал.

Такое же чувство испытывал и Шуберт. Они переглянулись.

Аскер решил устроить Гасселю испытание.

— Все, — удовлетворенно сказал он, обращаясь к Шуберту. — Рация ваша в порядке?

Шуберт понял разведчика.

— Да, она исправна, — сказал он.

— Прошу зашифровать и немедленно передать через фронт. — Аскер протянул блокнот. — Сообщите: требуется срочная проверка. Ответ не позже завтрашнего утра. — Он в упор посмотрел на «Бешеного». — Если Вальтер Гассель солгал, второго допроса и проверки не устраивайте. У нас нет на это времени. Тем более, что сегодня ночью будет изъят группенфюрер Иоганн Вейс. Он-то наверняка окажется сговорчив!.. Ну, я поехал.

И Аскер повернулся, собираясь уходить.

— Минутку, — хрипло проговорил пленный. — Вернитесь, Краузе!

— Я не Краузе!

— Все равно, — Гассель устало махнул рукой, — все равно, как там вас... Садитесь, раскройте блокнот. Я скажу всю правду. Записывайте и можете проверять хоть каждое мое слово.

— Значит то, что говорили прежде — ложь?

— Ложь. — Гассель поморщился. — И дайте еще сигарету.

...Час прошел, за ним второй; стемнело, а начальник шпионской школы все говорил. Наконец, он смолк, устало потер лоб.

— Довольно, — сказал он. — Теперь вы знаете все... Но, помните: вы дали слово!

Он как-то ссутулился, обмяк. Вдруг закрыл глаза, побледнел, привалился к дереву, возле которого сидел.

Шуберт встал и наклонился над пленным.

— Обморок, — сказал он.

Пленного привели в сознание, поставили часовых. Аскер и Шуберт вернулись к машине. Они были утомлены, едва передвигали ноги.

— Вы коммунист, товарищ Шуберт? — спросил Аскер, раскрывая портсигар.

— Да, вот уже двадцать два года. — Шуберт закурил. — Я работник компартии Германии, гамбуржец, бывший учитель.

Шуберт рассказал о своем прошлом, и перед глазами Аскера встали картины из жизни его собеседника...

Вот двадцатипятилетний Шуберт и его молодая жена — в маленькой, уютной квартире. Они только что поженились и так счастливы: у них есть любимая работа — оба преподают литературу в школе; у них светлая цель в жизни — Оскар и Эмми являются коммунистами, борются за счастье своего народа.

Новая картина. Порт. Стрела грузового крана. Под ней произносит речь Эрнст Тельман. Чуть пониже стоят активисты партии, охраняющие Тельмана, и среди них Оскар Шуберт. А еще ниже — море человеческих голов. Тельман кончил. Тишина на мгновение. А потом — она взрывается возгласами тысяч людей. Тянутся вверх сжатые кулаки. Это рабочие клянутся в единстве и сплоченности. Внезапно — тревога. В порт врываются грузовики, в которых плотно, ряд к ряду, сидят штурмовики. И вот уже началось избиение безоружных рабочих резиновыми дубинками, рукоятками пистолетов, гибкими металлическими прутьями. Где же полиция? Почему она не вмешивается? Раздается вой сирен. Подъезжают машины с шущманами. Теперь уже и выстрелы гремят.

Стреляя, полицейские прокладывают дорогу туда, где руководители митинга. Но Тельмана там уже нет.

В этот день Эрнста Тельмана прятал в своей квартире Оскар Шуберт.

Еще картина. Зима. Ночь. Под порывами ветра вздрагивают и дребезжат оконные стекла. Шуберт нянчит больную дочь. Временами взгляд его тревожно останавливается на кровати, где только что забылась в беспокойном сне вконец измученная жена. И вдруг — стук. Быть может, это ветка вяза, что растет под окном, ударила в ставень? Но нет, стук повторился, настойчивый и громкий. Стучат, не переставая. Жена садится в кровати, стискивает руками голову. В комнату врываются чернорубашечники. Хватают его, стаскивают на пол жену...

— Все это произошло три года назад. — Шуберт умолк, минуту сидел неподвижно. — Мы жили на конспиративной квартире по чужим документам. Все же нас выследили. И сделал это Вальтер Гассель. Вот откуда я его знаю... Последние пятнадцать месяцев провел в концлагере близ Праги. Две недели назад бежал с помощью чешских патриотов. Но это не удалось жене и дочери. Они тоже были в лагере и погибли там... Вот, собственно, и все...

Шуберт чуть шевельнул руками, печально улыбнулся.

— А теперь? Что собираетесь делать теперь, товарищ Шуберт?

— Всех нас слишком хорошо знают в охранке, меня и антифашистов, с которыми бежали. По совету чешских друзей уходим на

восток, в Польшу. Там активно действуют партизаны...

Аскер с острой болью и глубоким уважением глядел на немецкого товарища. В эту войну он много передумал о Германии и ее будущем. Невеселые это были думы. Казалось, что гитлеризм раздавил в стране все светлое, что глубоко в души людей въелась паучья свастика. Но теперь Аскер видел: это не так! Он был убежден сейчас, что ничем не смять, не истребить здоровых, жизненных сил немецкого народа.

Шуберт сказал:

— Я так понял: вы сами будете переправлять данные через линию фронта. А... как со школой?

— Да, — согласно кивнул Аскер, — я понимаю, что обезвредить заброшенных в СССР шпионов — значит сделать только половину дела. Другая половина — сама школа. Ее нужно уничтожить, попытаться захватить архивы. Но я должен уходить. Сегодня. Завтра уже будет поздно.

— Школой займемся мы, — сказал Шуберт. — Думаю, справимся. Как ваше мнение?

Аскер молчал, взволнованный спокойным мужеством Шуберта. Человек, который так много пережил, столько перенес горя, познал после долгих лет каторги радость свободы, жизни, — сейчас сам вызвался идти на операцию, в которой — он знал это! — его почти наверняка ждет гибель...

— Ну, как считаете? — повторил Шуберт. Разведчик не ответил, отвернулся.

— Хорошо. — Шуберт взглянул на часы. — Мы не будем мешкать и отправимся этой же ночью, попозднее.

— Используйте пленного, — тихо сказал Аскер. — Он поможет скрытно подобраться к школе...

— Я уже думал об этом.

Аскер обернулся.

— Прощайте!.. — Он заглянул немцу в глаза. — Придется ли нам свидеться? А я бы так хотел!.. Знаете, после войны, когда вечерами вновь будет светло на улицах, и люди вспомнят, что такое улыбка, смех... Прощайте, товарищ!

Шуберт пожал ему руку, вдруг притянул к себе, поцеловал.

— Берегите себя, — шепнул он.

2

Вскоре Аскер ехал обратно. По пути он сделал остановку, опустил простреленное стекло. В придорожном кабачке он купил бутылку коньяку.

До дома Хаммеров Аскер добрался без приключений. Пилот уже был одет.

— До вылета полтора часа, — сказал он, усаживаясь в машину.

— Мы будем на аэродроме за полчаса!

Полил сильный дождь. Свет фар упирался в маячившую перед машиной водяную стену, с трудом пробиваясь сквозь нее. Однако это не мешало Аскеру вести машину на предельной скорости.

У ворот аэродрома они не задержались — Хаммера знали, а удостоверение Краузе давало пропуск на военные объекты.

Пилот отправился на командный пункт. Аскер остался ждать у автомобиля.

Вскоре Хаммер вернулся.

— Ну, — сказал он, — еще четверть часа, и мы стартуем.

Они подняли воротники плащей и двинулись к летному полю. Там, на самом его краю, неподалеку от кустарников большими нахлывшимися птицами стояли самолеты. Аэродром недавно бомбили. Кое-где зияли воронки. Поэтому самолеты были расположены вразброс, по одной-две машины. Их длинные, омытые дождем тела, блестели, точно лакированные. Набухшие от влаги брезенты, которыми были зачехлены моторы, тяжело хлопали под порывами ветра. Возле самолетов возились техники, оружейники. Они заканчивали работу и уходили, спеша укрыться от дождя.

Хаммер и Керимов подошли к самолету, стоявшему на краю аэродрома, неподалеку от большой воронки, куда ручьями стекала вода. Из машины выпрыгнул фельдфебель. Он подбежал, собираясь рапортовать, но пилот махнул рукой.

— Груз? — спросил Хаммер.

— Все бомбы подвешены.

— Проверили лично, Плюгге?

— Лейтенант и я.

— Где лейтенант?

— Он в машине.

— Оружие?

— В порядке, герр гауптман!

Пока командир самолета и фельдфебель разговаривали, Аскер подошел к бомбардировщику. Из открытой двери свешивался металлический трап. Разведчик заглянул в фюзеляж. Справа, за тонкой переборкой, находились места пилота и штурмана; там маячила чья-то спина — очевидно, второго пилота. В хвосте, под прозрачным колпаком с торчащим из него крупнокалиберным пулеметом, было подвесное сиденье воздушного стрелка. На нем лежали парашют и шлем. Аскер прикинул: когда стрелок сидит за пулеметом, пилоту или штурману, если кто-нибудь из них выйдет из кабины, будут видны только его ноги.

Разведчик вернулся к гитлеровцам.

По крылу машины глухо стучал дождь. Темнота, казалось, еще больше сгустилась. Внезапно ее прорезала тяжелая светящаяся капля. Рассыпая зеленые брызги, ракета медленно взобралась на небо, мгновение висела неподвижно и устремилась вниз.

Тотчас же на самолетах стали запускать двигатели.

— Ну, давайте прощаться, — сказал пилот.

Торопясь и волнуясь, Аскер вытащил бутылку. Сейчас он предложит летчикам по рюмочке, а затем, когда Хаммер займет свое место, уничтожит воздушного стрелка Плюгге. Оттащить его в кусты, снять комбинезон, натянуть на себя и влезть в машину, на место под прозрачным колпаком пулеметчика — дело минуты. И тогда он будет по ту сторону фронта уже этой ночью!

Хаммер взглянул на этикетку бутылки.

— «Мартель»! — Он был приятно удивлен. — Где вы его раздобыли?

— По пути к вам. Выпьем по рюмочке. При такой собачьей погоде это не повредит.

Бутылка была передана Плюгге, который стоял в отдалении и глядел на коньяк жадными глазами. Стрелок ее ловко откупорил. Аскер непослушными пальцами шарил в кармане плаща складные стаканчики.

Взлетела вторая ракета. При свете ее разведчик поспешно наполнил стаканчики, расплескивая коньяк.

— Вы чем-то взволнованы, Краузе? — сказал пилот.

— Я? Ничуть. — Аскер изобразил улыбку. — Вот — пейте!

Пилоты выпили.

Третья ракета взлетела. Стоявший неподалеку самолет дрогнул и двинулся к старту. Ровно гудели моторы бомбардировщика Хаммера.

— Ну, нам пора, — сказал пилот. — Давайте прощаться. Прощайте, Краузе, жаль, что я не могу взять вас с собой в воздух.

И Хаммер направился к самолету.

Все шло так, как и рассчитывал Аскер. Уже трижды провожал он в полет Рудольфа Хаммера и знал, что в машине раньше всего занимают места второй пилот и штурман, затем командир корабля и последним воздушный стрелок Плюгге.

Так было и на этот раз. Хаммер скрылся в самолете, а Плюгге еще только приближался к трапу. Пора! Аскер сделал к стрелку несколько торопливых шагов. И вдруг:

— Халът! Ваши документы! — прокричал над ухом чей-то голос. Одновременно на плечо легла тяжелая рука.

Аскер обернулся и оказался нос к носу с незнакомым офицером в дождевике. Позади стояли патрульные с автоматами.

— Документы! — повторил офицер.

Доставая удостоверение, Аскер с отчаянием глядел на бомбардировщик. Вот Плюгге влез в фюзеляж, втащил за собой трап. Дверь затворилась. Самолет тронулся.

Офицер проверил удостоверение, вернул и притронулся к козырьку фуражки.

Патруль ушел. А Керимов долго еще стоял без движения, глядя на удалявшийся хвостовой фонарик машины.

Все кончено. Разведчиком овладела вялость, апатия. Наступила реакция после пережитого напряжения. А надо было немедленно уходить. И, пересилив себя, он побрел к машине, шлепая по лужам и не замечая их.

Вскоре Керимов выводил с аэродрома автомобиль Хаммера.

Куда ехать? Это Аскер должен был решить прежде всего. В город возвращаться он не мог — возможно, что его уже разыскивают. Нельзя было и затаиться где-нибудь, чтобы переждать, пока схлынет тревога и прекратятся поиски. Надо быстрее доставить сведения об агентуре Гасселя, а также другие важные разведывательные данные, которыми он располагал: в распоряжении разведчика была дислокация служб абвера, материалы о людях гитлеровской контрразведки и методах ее работы.

Керимов свернул с дороги в лесок, остановил автомобиль, достал карту и погрузился в раздумье.

3

Во-время покинул аэродром Керимов. Спустя час туда ворвался «хорх» контрразведчиков. Ост выскочил из машины и поспешил к командованию, в то время как его спутники занялись проверкой людей.

Начальник аэродрома, уже предупрежденный по телефону, поднялся с кресла навстречу Осту.

— Поздно, — сказал он. — Вы прибыли слишком поздно. Тот, кого ищите, был. У него даже проверили документы. Но машина 24-14 покинула аэродром.

Ост метнулся к телефону, связался с руководством абвера. Доложив об обстановке, он несколько минут слушал, делая пометки в блокноте.

— Далеко не уйдет, — сказал он, повесив трубку.

Для своих утверждений Ост имел основания. Он знал, что заградительные группы, контрольные посты и комендатуры полевой жандармерии в радиусе на триста километров получили строгое указание — любой ценой остановить автомобиль марки «опель-адмирал» номер 24-14 и задержать или, в крайнем случае, уничтожить его пассажира с документами обер-штурмфюрера СС Курта Краузе.

Ост покинул кабинет, прошел к своему автомобилю. Сотрудники еще не вернулись. Он,

поджидая их, закурил. Вспомнились события последних часов. Приятного было мало. Все еще не удалось схватить дерзкого чешского разведчика, хотя все буквально поднято на ноги и приведено в действие. А теперь еще и этот мнимый Краузе!..

И все же, несмотря на неудачи, Грегор Ост был в отличном расположении духа: оказался прав он, а не группенфюрер Вейс!.. И как это ему пришло в голову заняться корреспонденцией, поступившей в адрес тех, кого он подозревал!.. Да, все началось с писем. Минувшим вечером, побывав в гостинице и убедившись, что чешский разведчик отсутствует, Ост пустил на его розыски всех своих людей, а сам занялся другим, не менее важным делом. Ему удалось разыскать автора письма к Курту Краузе — Юлиуса Олендорфа. И все стало ясно!

Однако много времени было упущено. Ост нахмурился, вспомнив, как он метался по следам мнимого Краузе. Шеф гестапо был взбешен. Что касается группенфюрера Вейса, то с ним едва не случился удар. Еще бы, две такие пилюли — и в один день!

Грегор Ост нетерпеливо завозился в автомобиле, потянулся к рулю, дал несколько продолжительных гудков. Вскоре контрразведчики были в сборе. Машина тронулась и выехала с аэродрома.

Они прибыли в управление абвера ночью. Расположились в кабинете, чтобы быть готовыми ко всяким случайностям.

На рассвете раздался продолжительный телефонный звонок. Ост вскочил с дивана, взял трубку. Говорил дежурный по управлению.

— Только что поступило сообщение. В ста двадцати километрах к востоку отсюда, в обрыве найдена разбитая машина марки «опель-адмирал» номер 24-14.

— Пассажир?

Обнаружен труп мужчины в мундире СС с погонами обер-штурмфюрера. В кармане кителя найдено удостоверение на имя Курта Краузе... На этом участке всю ночь шел дождь, был сильный туман. Очевидно, дорожная катастрофа. По-моему, все ясно. Я хочу распорядиться, чтобы тело доставили сюда.

— Ни в коем случае! Ничего не трогать. Мы выезжаем!..

Ост швырнул трубку на рычаг, растолкал помощников и устремился к выходу.

Вскоре черно-белый автомобиль мчался на восток.

— Скорее! — торопил шофера Грегор Ост.

Водитель увеличивал скорость. Но Осту все было мало.

— А чего торопиться? — ворчал шофер. — Теперь он никуда не денется...

Ост курил и не отвечал.

Наконец, «хорх» добрался до места происшествия. Дорога, которая вилась по склону скалистой горы, здесь круто сворачивала влево. Несколько каменных столбиков, ограждавших шоссе справа, со стороны обрыва, было снесено. Ост и его спутники вышли из машины, стали осторожно спускаться в обрыв. Он был глубок. На дне его шумела речка.

Ост так спешил, что раза два чуть не сорвался вниз. Он ссадил колено и ободрал руку.

Наконец, спуск был окончен. Ост торопливо направился к обезображенному остову машины. Дежуривший возле автомобиля жандарм встал.

— Когда это произошло? — спросил контрразведчик.

— Три часа назад. Я со своего поста услышал грохот, и вот...

Ост не дослушал. Он наклонился над телом и внимательно его оглядел.

— Я так и знал! — воскликнул он, выпрямившись. — Не тот!

Жандарм широко раскрыл глаза.

— Но ведь лицо так разбито, что погибшего не узнала бы и родная мать!

— Лицо, лицо!.. — Ост с досадой отвернулся. — Этот черный, а тот был с золотистыми волосами, почти рыжий!..

— Но как же тогда? — пробормотал жандарм. — Сходится номер машины и марка, мундир погибшего и документы. И — не тот! Как же так?..

Грегор Ост обернулся к помощникам.

— Поднять тело на дорогу! Сейчас главное — быстрее опознать погибшего, вернее, убитого. Только тогда можно надеяться на успех поисков. Ведь разведчик, несомненно, завладел документами этого неизвестного. Но боюсь, что на это уйдет слишком много времени. А он за это время столько успеет!.. Ничего не скажешь, умен. — Ост помолчал и добавил голосом, в котором звучало невольное уважение: — Умен и хитер!

Часа через два Ост и его спутники сидели в комендатуре жандармерии близрасположен-

ного городка. Осмотр тела результатов не дал. Как и предполагал контрразведчик, никаких документов при убитом не оказалось — только удостоверение на имя Курта Краузе, которое никого не интересовало. От жителей городка и окрестных населенных пунктов заявлений не поступало. Не было ничего нового и в сообщениях из управления абвера — пока на след разведчика напасть не удалось.

Под вечер в комендатуру пришел пожилой мужчина.

— Я по поводу документов, — проговорил он, теребя в руках шляпу. — Когда я смогу их получить?

— Какие документы? — спросил комендант.

— Те, которые у меня отобрали ночью.

— Где, при каких обстоятельствах?

— Я же сказал: ночью, на дороге. Я воз-

вращался в город от сестры, она проживает на хуторе, в пяти километрах к северу отсюда.

Ост, рассеянно глядевший в окно, обернулся и придвинулся ближе.

— Кто же отобрал у вас документы и почему? — спросил он.

— Я не знаю... На дороге меня вдруг остановил военный. Рядом стояла машина...

— Дальше, дальше! — воскликнул Ост.

— Вот и все. — Мужчина пожал плечами. — Военный, это был офицер, потребовал мой паспорт, оставил его у себя и сказал, чтобы я зашел сюда днем.

— Как он был одет? — Ост встал и подошел к посетителю. — Его мундир, знаки различия.

— По-моему, это был офицер СС.

— Высокий, широкоплечий, представительный, с погонами обер-штурмфюрера?

— Вот видите, вы знаете его!

Ост раскрыл бумажник, вынул фотографию Керимова.

— Этот?

— Да, да, это он!

Контрразведчик поджал губы, переглянул с комендантом.

— А больше вы не видели никого?

— Я не понимаю...

— Ну, скажем, мужчину... Такого же как и вы, только выше ростом... Черноволосого, средних лет?..

— Погодите!.. Когда я отошел немного, на встречу попался человек — примерно такой, как вы описываете. Он направлялся в сторону машины. Офицер остановил и его. Они о

чем-то говорили. Мне показалось, что у того прохожего тоже требовали документы. А потом автомобиль промчался мимо меня.

— И вместе с офицером в машине сидел тот человек?

— Да.

— Все ясно. — Ост глубоко вздохнул. — Как был одет прохожий? Вы никогда не видели его раньше?

— Нет... А одежды его я не запомнил.

— Военный, штатский?

— Было темно. И, потом, туман, дождь... Я не разглядел.

— А шел он из этого городка?

— Возможно, что и не отсюда. На шоссе выходит полдюжины дорог, и на каждой — по несколько населенных пунктов.

Ост записал фамилию посетителя, его адрес и разрешил ему идти.

— Но мой паспорт!..

— Зайдите за ним завтра.

Когда посетитель ушел, Ост сказал коменданту:

— Вражеский разведчик подобрал подходящего по документам и по комплекции человека, увез с собой. Дальше, видимо, было так: где-нибудь в укромном месте он заставил задержанного поменяться с ним костюмом и документами и... Вы понимаете меня?

Комендант кивнул.

— Теперь остается только одно, — продолжал Ост. — Надо немедленно установить личность того, кто найден в разбитом автомобиле. Только тогда мы узнаем, под чьим именем действует сейчас вражеский разведчик и где

его искать. Вновь запросите все населенные пункты вашего района.— Ост вздохнул.— Мой бог, сколько на это уйдет времени!..

Зазвонил телефон. Комендант снял трубку.
— Вас, — сказал он Осту.

Из управления абвера сообщали: только что проведена диверсия против строго зашифрованной школы разведчиков. Почти все нападавшие уничтожены, но школа сожжена. Бесследно исчез ее начальник. Несомненно, все это связано с тем, кто действовал под именем Курта Краузе: накануне он и начальник школы агентов вместе выехали из дома Хаммеров.

4

Как правильно рассудил Грегор Ост, Аскер Керимов устроил мнимую проверку документов на дороге с единственной целью добыть новые документы.

Он стоял возле автомобиля, останавливал прохожих, подвергая их тщательному опросу. И одного за другим отпускал: это были какие-то служащие, крестьяне, ремесленники, словом — «цивильные» немцы. Такие люди не устраивали его. Керимов не мог позволить себе уничтожить мирного человека, который в душе, возможно, также ненавидит фашизм, как и он сам. Это Аскер особенно твердо уяснил после встречи с Оскаром Шубертом и его товарищами. Нет, выбрать он должен был только настоящего врага, — который воюет против его страны, убил, быть может, не одного советского человека.

Подходящий объект был найден после то-

го, как Керимов часа три провел под дождем. Внезапно из темноты вынырнула фигура офицера в клеенчатом плаще, с саквояжем в руках. Аскер остановил военного и тщательно изучил его документы. Лейтенант Ганс Фиш шел из ближнего хутора, где проводил краткосрочный отпуск, на железнодорожную станцию, чтобы ехать в часть. Аскер прикинул — они были примерно одного роста, только Фиш казался полнее, шире в плечах.

— Где служите? — спросил Аскер.

— Восток, новые земли Фатерлянда.

— Точнее!

— Западная Украина, Проскуров, лагерь военнопленных.

— Работаете в охране?

— Заведую группой бараков. Полторы тысячи голов.

— Работой довольны?

— У нас весело!

Лейтенант ухмыльнулся, полез в карман и вытащил фото. Группа людей стояла, образовав широкий круг. В руках у них были скрипки, трамбоны, какие-то другие музыкальные инструменты. Сбоку виднелась кучка гитлеровских офицеров, глядевших куда-то в сторону.

— Что это? — спросил Керимов.

— Оркестр. — Фиш вновь ухмыльнулся и пояснил: — Исполняется танго смерти. Одни заключенные играют, другие в эту минуту прощаются с нашим бранным миром. Музыка заглушает выстрелы, и не так противно умирать.

— Вы и сами расстреливали пленных? — тихо спросил Керимов.

— Это делают все по очереди.

— Едем, — сказал разведчик, — мне надо поговорить с вами.

Лейтенант Фиш равнодушно пожал плечами и влез в машину.

— Только уговор. — Он поднял палец. — Вы не позже чем через час доставляете меня на станцию. Иначе уйдет поезд.

— До станции далеко?

— Нет, километра три, не больше.

Машина шла по дороге, стала карабкаться в гору. На высшей точке подъема она притормозила. Здесь, справа от шоссе, виднелся глубокий обрыв. Керимов, угрожая оружием, заставил лейтенанта переодеться в свой мундир, а сам облачился в его житель и плащ.

— Выходите! — скомандовал он, стоя у распахнутой дверцы автомобиля.

Фиш повиновался.

Гитлеровский офицер и Аскер оказались на дороге. Удары шквалистого ветра леденили тело. Над головой проносились белесые клочья тумана. Разведчика била нервная дрожь, и он никак не мог ее унять.

Секунд пять прошло, потом еще столько же, а фашист и советский разведчик все так же неподвижно стояли друг против друга на пустынном ночном шоссе. Но вот Аскер глубоко вздохнул и переложил пистолет в левую руку. Мгновенье, и Фиш кинулся вперед. Аскер ждал этого, нанес ему короткий сильный удар в лицо. Под кулаком хрустнул нос. Лейтенант Фиш упал на колени и повалился на бок.

Разведчик втащил обмякшее тело врага в автомобиль, включил первую передачу, дал

полный газ. Машина рванулась вперед. Тогда Керимов круто повернул руль вправо, выскочил на шоссе.

«Опель-адмирал» с ревом устремился на столбики ограждения, снес их и исчез в обрыве...

В час, когда Грегор Ост допрашивал посетителя в комендатуре полевой жандармерии, Аскер Керимов уже находился в поезде, направлявшемся на восток.

Глава шестнадцатая

1

1945 год. Первая послевоенная осень. Она прекрасна в этом старинном чехословацком городке. В неподвижном прозрачном воздухе четко вырисовываются шпили древних готических зданий. Кармин и бронза — цвета осени еще только чуть тронули сады и парки, зеленющие между жилыми кварталами.

Город взбудоражен. Из узеньких улочек на широкие проспекты центра выливаются человеческие ручейки. Толпы густеют, заливают тротуары, уже не умещаются на них... Люди спешат к автобусам, трамваям, автомобилям, едут на велосипедах и мотоциклах. Весь этот поток движется туда, где высятся стены большого стадиона.

Вот и стадион. Пологие склоны огромной бетонной чаши — трибуны и галереи заполнены зрителями до отказа. А люди все прибывают. Здесь через несколько минут начнется первый

в этом городе послевоенный международный матч. И гостями лучшей команды клуба «Дерущиеся тигры» являются советские футболисты!

Гул на трибунах нарастает. Гремят аплодисменты, звучит оркестр. Это зрители приветствуют появление гостей.

Советские футболисты бегут широким свободным шагом, приветливо улыбаясь трибунам. Вот они уже в центре, остановились, выстроились полукругом. Первый в команде — ее капитан Аскер Керимов.

Он демобилизовался больше года тому назад. И будь на нем сейчас пиджак, а не футболка, всякий бы увидел на его груди многочисленные орденские ленты. Одна из наград, орден Ленина, была за операцию в фашистском абвере. Аскеру удалось тогда перехитрить вражескую контрразведку. Он вернулся к своим, и результаты допроса Вальтера Гасселя помогли разоблачить группу гитлеровской агентуры.

Сейчас все это было далеко позади. И во главе одной из лучших команд своего родного города, приглашенной на несколько матчей за границу, он готовился начинать встречу с чехословацкими футболистами. О команде клуба «Дерущиеся тигры», или кратко — «тигры», как ее все называли здесь, советские футболисты знали мало. Известно было только, что это очень сильный коллектив, не раз выходявший победителем в трудных международных состязаниях.

...Новая волна аплодисментов прокатилась по трибунам. Аскер поднял голову. Он увидел

своих спортивных противников. Одетые в синие футболки и белые трусы, «тигры» бежали мимо трибун. Это были крепкие, рослые люди, молодые и здоровые.

Чехословацкие футболисты подбежали и выстроились против гостей. Оркестр грянул марш. Стадион бурно рукоплескал.

Капитаны команд вышли вперед, пожали руку судье, улыбаясь, поздоровались друг с другом. Тотчас же обе команды двинулись к центру поля. И вот уже они слились в одну общую группу. Последовали дружеские рукопожатия, обмен букетами цветов.

Судья подбросил в воздух монету. Традиционная жеребьевка определила, кому выбирать поле и начинать.

— Время, — сказал судья и протяжно свистнул.

2

Накануне вечером офицер службы госбезопасности Чехословацкой республики капитан Иржи Громек включил в своей пражской квартире радиоприемник, прилег на диван и развернул свежие столичные газеты. На первой странице был напечатан отчет о прибытии в Чехословакию советской футбольной команды. Репортер подробно описывал теплую встречу, которую жители городка устроили советским гостям. Под корреспонденцией был напечатан большой снимок. С фотографии на Громека глядели чуть взволнованные и смущенные русские футболисты с цветами в руках,

окруженные радостно приветствовавшими их людьми.

Громек с любопытством разглядывал снимок. Вот бы побывать на матче! Наверное, это будет интересная игра. Русские футболисты всегда славились великолепной техникой и отличной физической подготовкой. А что, может быть и в самом деле съездить на матч? Завтра воскресенье, он, следовательно, свободен. Отсюда, из Праги, до города, где будет встреча, километров полтора. Это пара часов пути в машине...

Рассуждая так, Громек продолжал смотреть фотографию, переводя взгляд с одного советского футболиста на другого. И вдруг он удивленно наморщил лоб. Лицо одного из членов русской команды показалось странно знакомым. Он уже видел где-то этого человека с внимательными светлыми глазами, тонким хрящеватым носом и прямой энергичной линией рта!.. Кто же это такой?.

Громек напряг память, задумался. Он отложил газету, лег на спину, заложил под голову руки. Радио передавало информацию о пребывании в городе советских спортсменов. Описывалось, как они совершили прогулку по улицам, посетили стадион, ознакомились с полем, похвалили его отличный травяной покров. Но ничего этого Громек не слышал. Он вспомнил!..

Громек снова взял газету, и еще раз оглядел снимок. Да, футболист как две капли воды походил на обер-штурмфюрера Курта Краузе!

Фашист у русских, в советской футбольной команде? Громек усмехнулся этой нелепой

мысли. Быть может, это вовсе не Курт Краузе, а человек очень на него похожий. Ведь так бывает — он, Громек, это испытал на себе!.. И все же Иржи Громек не мог отвести глаз от фотографии советского футболиста. Нет, то было не только простое сходство!..

Утром Иржи Громек сел в автобус и отправился на матч, решив не гадать, а выяснить все на месте.

Машина шла по хорошей дороге, держала высокую скорость. Иржи Громек был спокоен за то, что прибудет во-время и попадет на стадион — накануне он связался по телефону со своим приятелем из местного управления госбезопасности, и тот обещал достать билет.

Однако, когда торопишься, всегда случаются неожиданности. Так было и на этот раз. Автобус проехал полдороги, когда, гулко выстрелив, лопнула камера левого заднего колеса. Машина накренилась на бок и стала. Пока водитель поднимал машину на домкрате и менял колесо, прошло минут двадцать.

Автобус тронулся, и Громек с облегчением вздохнул — они еще успеют к началу матча.

Но несчастье обычно не приходит одно. И вот уже шофер вновь останавливает машину: чихает и отказывается тянуть мотор. Оказалось, что засорен карбюратор. Водитель промыл его, а затем принялся чистить и воздушный фильтр.

Остановки привели к тому, что когда машина прибыла, наконец, на место, матч был в разгаре — заканчивалась его первая половина.

Приятель не подвел Громека. Билет ему был оставлен у контролеров. Громок получил его и стал пробираться по кричащей, свистящей, стонущей от возбуждения трибуне. Для проявления таких бурных чувств у публики было достаточно оснований. Всю первую половину встречи гости непрерывно атаковали. Вратарь чехословацкой команды то и дело вступал в игру, беря отчаянно трудные мячи. Советские футболисты уже более десяти раз били угловой удар. И все же случилось так, что мяч оказался в их собственных воротах! Да, да — одна из редких контратак «тигров» увенчалась блестящим успехом: неожиданно пробитый издалека мяч влетел в сетку ворот советских футболистов.

Обо всем этом Громеку, торопясь и волнуясь, рассказал сосед, какой-то старик с мокрым от пота воротничком и сбившимся набок галстуком, в то время как Громок усаживался на место.

...Шла последняя минута первой половины состязания. Громок видел, как капитан команды гостей, тот самый человек, ради которого он приехал сюда, получил мяч и устремился на штрафную площадку «тигров». Он мчался с огромной скоростью, едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону, и эти неуловимые обманные движения будто расталкивали возникавших на его пути защитников, хотя советский футболист ни разу не коснулся игроков «тигров». Вот только десяток метров отделяет капитана русской команды от ворот противника. Футболист сильно бьет, и мяч попадает в боковую штангу!

Рев прокатывается по трибунам, в нем и удивление, и сочувствие советскому спортсмену, которому так не повезло.

Судья дал несколько свистков, возвещающих об окончании первой половины матча. Громек видел, как капитан гостей мгновенно остановился, расслабился. Вот он поправил рукой спутавшиеся и влажные от пота золотистые, почти рыжие волосы, потер костяшками пальцев переносицу. Громек резко встал. Теперь он не сомневался. Этот жест мог принадлежать только одному человеку — оберштурмфюреру Курту Краузе!

3

Советские футболисты сидели в раздевалке хмурые, растерянные, избегая глядеть друг другу в глаза. Обескураженные неудачей, они стали терять веру в свои силы. Исключение составлял лишь один вратарь. Не стесняясь в выражениях, он критиковал нападающих и полузащитников, которые, по его мнению, не проявили достаточной выдержки и вели себя перед воротами противника, как новички.

Тренер молчал, обдумывая план второй половины матча. В стороне, привалившись к стене и вытянув ноги, сидел Аскер. Он только что прополоскал рот, вытер влажным полотенцем лицо и шею и отдыхал.

Вошел служитель. Он сказал, что руководители советской команды просят выйти.

Тренер встал и направился к двери.

Он вернулся через несколько минут озадаченный, с искорками смеха в глазах, подсел к Аскеру.

— Слушай, парень, — тихо сказал он, — знаешь, кто вызывал? Представитель службы безопасности.

Аскер удивленно посмотрел на собеседника.

— Что ему надо?

— Пришел предупредить, что у меня в команде тайный фашистский агент.

— Кто бы это мог быть? — Аскер широко раскрыл глаза. — Он что, с ума сошел?

— Чудак, он имеет в виду тебя, — усмехнулся тренер, знакомый с военными приключениями Керимова. — И я подумал: кто же мог видеть тебя там?

— Д-да... А можно взглянуть на этого... кто говорил с тобой?

— Да, вот он, — тренер кивнул в окно. — Только, чтобы незаметно...

Аскер сбоку заглянул в окно. Он увидел незнакомого офицера, который неторопливо удалялся от раздевалки.

— Этот?

— Да.

— Я его никогда не встречал прежде.

— Ладно, об этом после. А сейчас давай об игре поговорим.

Тренер встал и принялся неторопливо излагать план второй половины матча.

Между тем офицер, разговаривавший с тренером советской команды, вернулся на трибуну к поджидавшему его Громеку.

— Ну что? — спросил его Иржи.

— Я сказал, как ты просил. Но тренер команды вел себя так, будто я сообщил ему нечто комичное. Мне казалось, что он вот-вот рассмеется!

Началась вторая половина матча. Вскоре чехословацкие футболисты, да и зрители стали замечать, что на поле происходят какие-то перемены. Прежде всего гости предложили очень высокий темп. Но дело было не только в темпе. «Тигров» стало смущать и другое. Начал нарушаться привычный порядок расположения советских футболистов. Они часто менялись местами, переходили из одной зоны в другую. Хозяева поля не встречались прежде с такой тактикой, не сразу смогли разгадать ее смысл, растерялись. Этого и добивались их противники. Они еще больше усилили темп, настойчиво передвигая игру к воротам чехословацких «тигров».

Одну из атак начал Аскер, переместившийся на левое крыло. Получив мяч, он решил было идти с ним вперед. Туда кинулись защитники «тигров». Тогда Аскер отослал мяч партнеру, обошел противников и на их штрафной площадке принял боковую передачу. Здесь его вновь настигли защитники. Но они запоздали — Аскер успел послать мяч вдоль ворот. Партнер был на месте и головой направил его в сетку.

Чехословацкие футболисты ответили бурной атакой. Советский вратарь с трудом отбил сильный удар. Мяч перехватили защитники. Впереди в выгодном положении находился Аскер. Ему и направили мяч. Здесь уже дежурил центр нападения «тигров». Он мчался рядом с Аскером, стремясь отобрать мяч, но из этого ничего не получалось. Тогда игрок кинулся Аскеру в ноги. Тот ловко перескочил через лежащего, оказался один на один с вра-

тарем. Аскер сделал вид, будто хочет бить влево. Вратарь сделал произвольное движение в ту сторону. Тогда Аскер мгновенно послал мяч в правый угол ворот.

Вся комбинация была проделана легко и изящно. Стадион был покорен мастерством советского футболиста.

Второй гол привел к тому, что «тигры» перешли к обороне. Такая тактика, как известно, ошибочна. И хозяева поля расплатились за нее еще одним мячом.

Когда раздался сигнал, возвещавший об окончании матча, гости ушли с поля, имея 3 : 1 в свою пользу.

4

Вечером в клубе «Дерущихся тигров» в честь советских футболистов состоялся банкет.

Часам к восьми подкатили машины с виновниками торжества. Всей командой двинулись советские футболисты по ярко освещенному залу. Спортсменов мгновенно обступили, поздравляли, пожимали руки.

Вдруг Аскер остановился, сжал руку шедшего рядом тренера. Он увидел офицера, приходившего во время перерыва к раздевалке, а рядом с ним другого, в погонах капитана и узнал его. Это был фон Герхард — то есть тот самый чешский патриот, которого так тщетно искал группенфюрер Иоганн Вейс и его работники! Теперь стали понятны визит работника органов безопасности и его беседа с тренером.

Иржи Громек стоял, заложив руки за спину, сжав губы и чуть наклонив голову, разглядывая капитана советских футболистов.

Аскер помедлил секунду и решительно направился к нему.

— Узнали? — сказал он подходя. — Вижу, что узнали. Так же, как и я вас. Ну что ж, давайте знакомиться. По-настоящему.

Громек стоял, не меняя выражения лица.

— Знакомьтесь, — сказал ему подоспевший тренер советских футболистов. — Представляю вам нашего капитана, а в прошлом разведчика гвардии старшего лейтенанта Аскера Керимова.

Громек растерянно посмотрел на тренера. Он никак не мог понять, осмыслить то, что сейчас услышал.

— Знакомьтесь, — повторил представитель советских футболистов. — Это бывший гвардии старший лейтенант советской разведки Керимов.

Теперь пришел черед удивляться тренеру. Пораженный, ничего не понимая, глядел он на то, как Аскер и чехословацкий капитан подали друг другу руки, потом вдруг обнялись, расцеловались, принялись хлопать друг друга по спине.

Аскер, улучив минуту, объяснил тренеру, какую работу выполнял в войну Иржи Громек.

Вест о том, что неожиданно встретились два разведчика, мгновенно облетела зал. И первый тост был провозглашен за Аскера Керимова и Иржи Громека.

Утром советские футболисты покидали Чехословакию. На аэродроме собрались сотни

проводящих. Громек, стоявший рядом с Аскером, поминутно смотрел на дорогу, как бы поджидая кого-то.

Подкатил автомобиль. Из него вышла женщина. Громек поспешил к ней, взял под руку, подвел к капитану советской команды.

— Дорогой Аскер, это...

— Хильда Бауэр! — Аскер был поражен.

Громек расхохотался.

— Она такая же Бауэр, как я фон Герхард, а ты Краузе. Я специально вызвал ее сюда, чтобы посмотреть, какой у тебя будет вид!.. Ты выиграл у наших, вел один — ноль. Теперь — ничья.

— Ничья, — усмехнулся Аскер.

— Если бы так было и на поле! — Громек вздохнул.

Аскер обратился к подруге Громека.

— Но как вас зовут м-м... по-настоящему?

— До вчерашнего дня я была Марта Славичка.

— Не понимаю... — Аскер развел руками. — Почему «до вчерашнего»?

Марта улыбнулась, кивнула на Иржи.

— Вчера утром этот человек уговорил меня переменить фамилию...

Аскер рассмеялся, тепло поздравил Громека и Марту.

— И я, — продолжала Марта, — хотела бы поблагодарить мужа. Он преподнес мне хороший свадебный подарок — встречу с вами!

— А я-то думал!.. — Громек в который раз принялся рассказывать о том, как увидел фотографию советских футболистов в газете; как нервничал, когда портился в дороге автобус,

как переживал, сидя на стадионе, что в советской команде — переодетый гитлеровец!..

Аскер обернулся к Марте:

— Вы полюбили друг друга еще там?..

— Случай! — Иржи хитро посмотрел на жену. — Слепой случай, Аскер. Однажды, когда я был фон Герхардом, мне в целях конспирации понадобилось поцеловать Хильду Бауэр. Я сделал это добросовестно...

— Даже слишком добросовестно, — перебила его Марта.

Все засмеялись. Громек продолжал все так же шутливо:

— Что поделаешь, надо было убедить немцев! — Он обнял жену, ласково погладил ее волосы. — Да, все началось там... Марта была хорошим помощником. Я всегда поражался: сколько в ней сил, откуда они?.. Мы полюбили друг друга. Но было решено: окончательный разговор произойдет не раньше, чем вышвырнут из Чехословакии последнего фашиста!

Аскер задумался, огляделся. Пронизанный солнечным светом воздух был тих, не чувствовалось ни малейшего ветерка. Скошенная недавно трава пахла чем-то пряным.

Он поднял голову. В вышине плыла на юг журавлиная стая. На сердце стало тоскливо.

Марта осторожно взяла его руку.

— Вас ждут... дома?

— Мать...

— И... больше никто?

Он покачал головой, поняв, кого имела в виду Марта.

Помолчали.

— Когда мы увидимся? — Громек заглянул Аскеру в глаза.

— Приезжай, закрепим наше знакомство.

— Дружбу, Аскер!

— Ты прав: боевую дружбу... Знаешь, я так ненавижу войну. Да и всем она осточертела, проклятая!.. Но если бы она началась вновь, я бы хотел, чтобы рядом был такой парень, как ты, Иржи!.. И чтобы дома ждала такая подруга, как вы, Марта!

— Ну, ну, я начинаю ревновать! — Иржи попытался за шуткой скрыть свое волнение.

Последние рукопожатия. Аскер взобрался в самолет.

Машина двинулась, пошла по дорожке, все убыстряя бег. Вот она оторвалась от земли, полезла вверх, развернулась, легла на курс.

Молча стояли Иржи и Марта.

Самолет уходил все дальше. Скоро он был едва различимой точкой на горизонте. А потом и эта точка растворилась в чуть заметной дымке раннего солнечного утра этой первой послевоенной осени...

Цена 3 р. 60 к.

